

И.И. Синельникова

ЭМОТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
В ПОЛЕВОМ АСПЕКТЕ

Монография

Белгород
2013

УДК 811.133.1'373
ББК 81.2Фр-36
С 38

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Национального исследовательского университета
«Белгородский государственный университет»

Рецензенты:

Е.Н. Михайлова – доктор филологических наук,
профессор кафедры французского языка
Белгородского государственного национального
исследовательского университета

И.В. Чекулай – доктор филологических наук,
декан факультета искусствоведения
и межкультурной коммуникации
Белгородского государственного института
искусств и культуры, профессор

Синельникова И.И.

С 38

Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте: моногр. / И.И. Синельникова. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 188 с.

ISBN 978-5-9571-0681-4

Монография посвящена актуальной проблеме современной лингвистики – изучению эмотивных фразеологических единиц в полевом аспекте.

Монография предназначена для филологов, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами эмотивной фразеологии французского языка.

УДК 811.133.1'373
ББК 81.2Фр-36

ISBN 978-5-9571-0681-4

© Синельникова И.И., 2013
© ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
§ I. Репрезентация эмоциональных состояний человека в антропоцентрической парадигме языка	7
1.1. Антропоцентризм как принцип лингвистических исследований	7
1.2. Фразеологическая картина мира как языковой феномен национально-культурного развития	11
1.3. Характеристика эмоциональных состояний: психологический и лингвистический	17
1.4. Системное значение слова	32
1.5. Фразеологическое значение и его особенности.....	36
1.6. Эмотивность – семантическое средство репрезентации эмоций	43
1.7. Теоретические основы полевого подхода в изучении языка.....	48
§ II. Состав и структура фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека».....	55
2.1. Эмоциональное состояние как лингвистическая категория	55
2.1.1. Признаки лингвистической категории «эмоциональное состояние»	57
2.1.2. Структура лингвистической категории «эмоциональное состояние»	60
2.2. Состав фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека»	63
2.3. Структурная организация фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека»	67
2.3.1. Субполе «Покой».....	70
2.3.2. Субполе «Положительные эмоциональные состояния»	71
2.3.3. Субполе «Отрицательные эмоциональные состояния»	79
2.3.4. Субполе «Эмоциональные состояния с биполярной модальностью (двувалентные ЭС)».....	96
§ III. Специфика единиц фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека»	106
3.1. Национально маркированные фразеоэмотивы французского языка	106
3.1.1. Национально-культурный семантический компонент французских фразеоэмотивов	107

3.1.2. Метафорический образ в идиоэтнических эмотивных фразеологизмах	114
3.2. Фразеологические сравнения как средство передачи эмоциональных состояний	124
3.3. Семантические интенсификаторы выражения эмоциональных состояний	130
3.3.1 Варианты и синонимы эмотивных фразеологизмов	131
3.3.2. Интенсификационные семы полисемичных и полиэмоциональных фразеологизмов	139
Заключение	148
Библиография	152
Список лексикографических источников	180
Электронные ресурсы	183
Список художественной литературы	183
Условные обозначения	187

ПРЕДИСЛОВИЕ

С помощью языка, являющегося мощным средством выражения человеческой индивидуальности, люди передают не только мысли, но и чувства, эмоции. Чувственные основы языка не менее важны, чем его логические (рациональные) основания. Язык является ключом к изучению эмоций. Он выражает, описывает, категоризирует и классифицирует эмоции, формирует эмоциональную картину мира, составной частью которой являются фразеологические средства выражения эмоций. Их изучение в рамках антропоцентрической научной парадигмы позволяет человеку осознать свою роль в окружающем мире.

Эмоции являются неотъемлемой и существенной составляющей человеческой личности. Вербализация эмоций в разных лингвокультурах осуществляется в соответствии со специфическими национальными и культурными нормами и правилами. Вербальное выражение эмоций представляет собой реализацию эмоциональной функции языка, для выражения которой он располагает особым набором эмоционально окрашенных лингвистических средств, среди которых важное место принадлежит эмотивным фразеологизмам, представляющим собой важную часть национального лексикона, передающего специфику национального языкового сознания.

Данная монография посвящена изучению французской эмотивной фразеологии на основе антропоцентрического подхода к анализу языковых данных. Моделируемое фразеосемантическое поле (ФСП) рассматривается как совокупность фразеологических единиц (ФЕ), объединенных общностью значения и отражающих понятийное сходство обозначаемых явлений. Внутри поля выделяются субполя и микрополя. По отношению к идентифицирующему значению семантического поля разграничиваются его ядерные и периферийные семантические компоненты.

Формируемое поле является фрагментом целостной модели языковых средств, объективирующих категорию эмоционального состояния.

Представляется, что данная работа будет интересна студентам и аспирантам, изучающим различные проблемы фразеологии. В монографии собран и систематизирован объемный материал, отражающий взаимосвязь эмоций и их языковой репрезентации во фразеологическом пространстве французского языка.

Исследование эмоций в языке находится в неизбежной связи с изучением всех составляющих человеческой ментальности: восприятия, мышления, памяти, воображения и т.д. На основе изучения связи различных языковых структур на материале соотношения языка и эмоций, в работе сделана попытка приблизиться к решению вопроса о том, как отражено в сознании человека его понимание и видение мира.

§ 1. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ЧЕЛОВЕКА В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ЯЗЫКА

1.1. Антропоцентризм как принцип лингвистических исследований

В конце XX – начале XXI веков одним из важнейших направлений в лингвистических исследованиях стал антропоцентризм. Это явление понимается как положение о человеке – центре и высшей цели мироздания [ФЕС 2005: 25].

Принцип антропоцентризма, или «человека в языке» утверждался в языкознании со времен В. фон Гумбольдта, в работах которого берет свое начало признание человека феноменом, консолидирующим науку о языке. Сам же язык выступает у Гумбольдта в качестве важнейшего антропологического фактора: «Человек думает, чувствует и живет только в языке и должен быть вначале сформирован им, чтобы понимать даже не воздействующее через язык искусство. Но он чувствует и знает, что язык для него – лишь средство, что вне языка существует некая незримая область, в которой он лишь с помощью языка стремится освоиться» [Гумбольдт 1985: 77].

Французский ученый Э. Бенвенист, считая язык сложнейшим явлением, писал, что свойства языка настолько своеобразны, что можно по существу говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики [Бенвенист 1974]. Одну из частей своего фундаментального труда «Общая лингвистика» он назвал «Человек в языке» и одним из первых ввел понятие автора и адресата в качестве необходимых компонентов в описание языка.

Э. Бенвенист сделал решительный шаг к антропоцентрической лингвистике. Он представил язык как семиотическую систему, основные референционные точки которой соотнесены с говорящим индивидом. Язык ле-

жит в диапазоне естественного восприятия человека. Он не пересекает границ этого восприятия ни со стороны плана выражения, ни со стороны плана содержания. Эти черты лингвистической концепции Э. Бенвениста Ю.С. Степанов называет антропоцентрическим принципом, который относится к числу главных принципов современной лингвистики. Во вступительной статье к книге Э. Бенвениста «Общая лингвистика» он пишет: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка. В соответствии с ним язык должен изучаться. Поэтому в своем главном створе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке...» [Бенвенист 1974: 15].

Во Франции антропоцентрический принцип нашел свое выражение в работах Г. Гийома, который писал, что язык не имеет иной объективности, кроме той, которая устанавливается в самых глубинах субъективного [Guillaume 1971].

В отечественном языкознании принцип антропоцентризма утверждал И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он писал, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное общество». Он выделял антропофонику как науку, которая занимается «только звуками по существу своему исключительно человеческими, то есть звуками человеческой речи» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 354].

В современных исследованиях принцип антропоцентризма нашел свое отражение в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Р.А. Будагова, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой и др.

Человек является центром, определяющим основные задачи и ценностные ориентиры современной лингвистики. Утверждение, что язык всецело человечесен, будучи очевидным, лишь подчеркивает социальную обусловленность, которая проявляется в том, что язык развивается по объективным законам, не зависящим от воли людей. Одновременно он подвержен воздействию со стороны говорящих на нем людей, в особенности в таких

сферах, как лексика и фразеология. В этом, по мнению Р.А. Будагова, и заключается специфика существования самого языка и особенностей его развития: воздействие людей на те или иные уровни языка не препятствует объективному существованию и движению языка [Будагов 1976: 422].

В 90-е годы XX века антропоцентризм окончательно оформляется как один из главных принципов лингвистики и становится методологической основой современных лингвистических исследований. Его суть, как отмечает Е.С. Кубрякова, заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 321].

В настоящее время в науке о языке одновременно существуют несколько парадигм: антропоцентрическая, функциональная, коммуникативная, когнитивная, текстоцентрическая, прагматическая, эмотиологическая и др. Выделяют также историческую, психологическую, системно-структурную и социальную парадигмы [Караулов 1987]; философию имени, философию предиката и философию эгоцентрических слов [Степанов 1985]. Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др. называют современную парадигму изучения языка когнитивной. Е.А. Попова считает, что когнитивная лингвистика – это один из способов изучения языка в человеке и человека в языке, а термин «антропологическая» применительно к современной парадигме изучения языка является наиболее удачным, по мнению автора, так как «позволяет охватить и когнитивную, и функционально-коммуникативную, и этнолингвистическую стороны изучения языка» [Попова 2003: 71]. Исходя из вышеизложенного, состояние лингвистики можно характеризовать как полипарадигмальное, считая такое состояние показателем зрелости этой науки [Шаховский 1991: 59].

В современной лингвистике идея антропоцентричности является ключевой. С позиций антропоцентрической парадигмы человек познает мир через осознание себя, своей деятельности в нем. Антропологическая переориентация языкознания свидетельствует о переходе к антропоцентрической лингвистике, которая предполагает исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом. Результатом такой переориентации является появление и развитие эмотиологии – науки, изучающей отражение эмоциональных состояний в языке.

Антропоцентрический принцип в лингвистике находит свое выражение через фразеологический фонд, который представляет собой источник выразительности, образности, эмоциональности и оценочности. Фразеологизмы способны в тончайших подробностях передавать восприятие окружающей действительности носителями языка.

Различные аспекты фразеологии подвергались исследованию в разные периоды времени такими лингвистами, как Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельский, Ш. Балли, И.А. Бодуэн де Куртене, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, В.П. Жуков, М.М. Копыленко, А.В. Кунин, Н.Н. Кириллова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, Я.И. Рецкер, З.Д. Попова, Л.И. Ройзензон, В.Н. Телия и др.

Исследование фразеологии на основе принципа антропоцентризма привело к появлению и развитию антропоцентрической фразеологии, важнейшей задачей которой является «исследование соотношения лингвистических и экстралингвистических смыслов фразеологических единиц, ибо во фразеологическом значении кодируется лишь часть мыслительной информации, в то время как другая ее часть представляется в психике человека мыслительными образами экстралингвистического характера» [Алефиренко 2005: 71].

Фразеологический фонд языка является частью фразеологической картины мира (ФКМ), которой присущи особенности и специфические черты, характерные для конкретного языка.

1.2. Французская фразеологическая картина мира как языковой феномен национально-культурного развития

Французский язык содержит богатейший материал и предоставляет широкие возможности для фразеологического исследования. Родоначальником французской фразеологии по праву считается Ш. Балли. Заслуживают пристального внимания и вызывают неподдельный интерес работы таких французских исследователей в области фразеологии, как Морис Ра (1957, 1984, 2000), Пьер Гиро (1962), Ален Рей (1977, 1993, 2002), Софи Шантро (1993, 2002). Так, например, М. Ра дает широкое толкование фразеологизма, определяя его как «*expression, façon de parler*» [Rat 2000: 6]. Ж. Марузо определяет фразеологическую единицу как «*locution phraséologique*» – «объединение нескольких слов, образующих известного рода лексическую единицу» [Марузо 1960: 180]. П. Гиро дает более подробное толкование сущности ФЕ. Для него фразеологизм – это «выражение, состоящее из нескольких слов, образующих синтаксическое и лексическое единство». Характерными признаками фразеологизма он называет: а) единство формы и значения (*unité de forme et de sens*); б) отклонение от грамматической или лексической нормы (*écart de la norme grammaticale ou lexicale*); в) особое метафорическое значение (*valeurs métaphoriques particulières*) [Guiraud 1962: 5].

Наиболее подробно теоретические основы фразеологии французского языка изложены в работах А. Рея. Его фразеологическая концепция основана на признании ведущей роли семантических факторов в формировании и развитии ФЕ. Для выделения объекта фразеологии А. Рей считает важнейшим семантический критерий, а именно «семантический перенос» (*transfert sémantique*) [Rey 1977: 193]. В настоящем исследовании мы придерживаемся точки зрения А. Рея относительно семантического переноса, считая его краеугольным камнем формирования семантики фразеологических единиц, выражающих эмоциональные состояния человека.

Французская фразеология активно изучалась отечественными языковедами, такими, как, З.Н. Левит, Р.Л. Ляндю, А.Г. Назарян, Я.И. Рецкер, Г.Г. Соколова, И.Н. Тимескова. Работы этих исследователей посвящены различным аспектам фразеологии французского языка, исследованию и разработке ее общетеоретических и частных проблем.

Многие ученые (Ройзензон 1977; Назарян 1987; Casares 1969; Quitard 1860; Rey 1990) отмечают именно фразеологию как «наиболее самобытное явление», в котором выражается «сугубо национальное своеобразие языка». Фразеологические средства рассматриваются как материальное оформление установок, которые формируются в среде этноса, впитывая все то, что свойственно данному народу как активному субъекту познания [Кириллова 2003: 18].

Социальный опыт индивида как субъекта познания, система его знаний о мире и отраженная в его сознании картина действительности, так называемая картина мира, занимают важное место в лингвистических исследованиях последнего времени.

Термин «образ мира» впервые был предложен А.Н. Леонтьевым в 1975 году. В настоящее время образ, или картина мира (КМ) понимается как отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и поддающееся сознательной рефлексии [Леонтьев 1997]. К основным характеристикам картины мира психологи относят ее предметность, целостность, структурность, константность и категориальность. Картина мира – это целостное образование, которое непрерывно развивается и функционирует. Человек как субъект познания является носителем определенной системы знаний и представлений об объективной действительности. Картина мира является своеобразной призмой, сквозь которую преломляется мир. При всей индивидуальности ее содержания люди понимают друг друга, и происходит это благодаря социализации КМ, которая осуществляется с помощью языка.

«Под картиной мира, – пишет Ю.А. Рылов в своей книге «Аспекты языковой картины мира», – следует в самом общем виде понимать объек-

тивную действительность, постоянно меняющуюся и развивающуюся» [Рылов 2003: 3].

Понятие «картина мира» включает в себе идею некоторого целостного образа познаваемой действительности и целиком и полностью связано с актом познания. Картина мира существует в сознании человека и этноса в целом, поэтому она представляет собой «создаваемый человеком субъективный образ объективной реальности» [Кириллова 2003: 83]. Она предстает для человека как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом или индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2002: 5]. Человек воспринимает мир в зависимости от того, к какой общности он принадлежит, какой профессией занимается, каков его возраст и даже пол.

Та картина мира, которая складывается в результате прямого познания сознанием окружающей действительности, является непосредственной картиной мира. Она формируется как результат непосредственного восприятия мира, его познания при помощи органов чувств и его осмысления при помощи абстрактного мышления [Попова, Стернин 2002: 4].

Лингвистика устанавливает связь КМ и языка, изучает способы фиксации мыслительного содержания средствами языка. Картина мира понимается многими современными лингвистами как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. Язык не только является частью картины мира, на его основе формируется языковая картина мира (ЯКМ), которая представляет собой этнический компонент КМ, совокупность традиций, обычаев, верований, суеверий, то, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса [Рылов 2003: 3].

Языковая картина мира, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, является разновидностью опосредованной картины мира, под которой авторы понимают результат фиксации концептосферы вторичными знаковы-

ми системами, которые материализуют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира.

Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира, это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа [Попова, Стернин 2002: 6]. Она формируется, с одной стороны, языковыми средствами, отражающими языковые универсалии, а с другой – средствами, закрепляющими особенности национального мировидения того или иного народа. Поэтому не существует единой общей языковой картины мира, а есть множество национальных.

Языковая картина мира, отображаемая различными языками, естественным образом связывается с лексическим и фразеологическим составом языка, так как лексемы и фразеологические единицы делят окружающую действительность на определенные смысловые участки. Фразеологизмы, как вторичные образные наименования различных реалий действительности, как продукт языкового народного творчества, являются «отдельными познавательными актами, выраженными в изолированных языковых структурах» [Дубровская 2002: 36]. Они, как яркое, экспрессивное и эмоциональное языковое средство, не только номинируют те или иные предметы и явления окружающей действительности, но и употребляются при характеристике человека, а также репрезентируют различные физические и эмоциональные состояния.

Под фразеологическими единицами, или фразеологизмами, в данном исследовании понимаются устойчивые сочетания слов, обладающие не только целостным значением, но и выступающие как семантически преобразованные языковые единицы. Семантическое преобразование придает выражению фразеологическую устойчивость и является отличительным лингвистическим знаком фразеологической единицы от свободных словосочетаний. За рабочее мы приняли определение фразеологизма, данное

А.Г. Назарьяном: это раздельнооформленная единица языка, характеризующаяся полным или частичным семантическим преобразованием компонентов [Назарян 1987: 42]. В настоящем исследовании мы придерживаемся широкого понимания фразеологической единицы и включаем в ее состав, вслед за Н.М. Шанским, фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения (поговорки и пословицы) [Шанский 1985: 25].

Фразеология относится к тем областям языка, которые, занимая определенное место в языковой картине мира, интенсивно участвуют в создании ее национально-специфического колорита. Образы в основе фразеологизмов являются общими для членов одного языкового социума. Поэтому во фразеологии наиболее ярко отражаются особенности национального менталитета и национальной языковой картины мира. По мнению Н.М. Шанского, фразеология представляет собой «непосредственное вербальное выражение не только окружающей человека действительности, но и ее духовное национально маркированное сознание» [Шанский 1985: 110]. Поэтому ей отводится важная роль в формировании национальной языковой картины мира.

Фразеология может рассматриваться как один из способов «языкового мировидения», что дает основание говорить о существовании в каждом языке фразеологической картины мира [Кириллова 2003: 84].

Фразеосемантическая система любого языка очень индивидуальна. В.Г. Гак считает, что можно разграничить национальную и культурную специфику ФЕ. По мнению автора, национальная специфика определяется объективным и субъективным факторами. Объективный фактор проявляется в природе и культурных реалиях, присущих только данному народу, субъективный предполагает произвольный выбор языковых средств в различных языках для выражения одних и тех же явлений. Культурная специфика обуславливается элементами материальной и духовной культуры конкретного общества, его историей, обычаями, природно-

географическими особенностями [Гак 1999: 147]. В силу этого специфической является и фразеологическая картина мира для каждого языка. Под фразеологической картиной мира понимается «часть целостной национальной ЯКМ, описанной средствами фразеологии, в которой каждая ФЕ является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности» [Хайрулина 1997: 48]. Отражая объективную действительность, ФКМ одновременно представляет связи и отношения, которые существуют в реальности у определенного народа, его лингвокультурную общность и национальное самосознание. Ее изучение способствует реализации антропоцентрической парадигмы, утвердившейся, как было отмечено, в последние десятилетия в гуманитарном знании. Во фразеологии отражаются национальная культура, обычаи, верования, история народа, говорящего на данном языке. Этнолингвистические принципы исследования языка предусматривают тщательное изучение народного лексикона, в котором проявляются уникальные свойства психологии и культуры того или иного этноса.

Фразеологическая картина мира – это микромир в языке, имеющий свои специфические черты и в плане содержания, и в плане выражения. Ее формируют языковые средства различных уровней: лексического, грамматического, стилистического. Она имеет такие аспекты, как: закрепленные в языке результаты интеллектуальной обработки человеческим сознанием информации о мире; отражение философских категорий, формирующих мировоззрение народа. Это универсальная, образная система особых языковых единиц, передающих особенности национального мировидения. Ее отличительными признаками являются: универсальность, антропоцентризм, экспрессивность. С одной стороны, ФКМ представляет собой фрагмент языковой картины мира, с другой – языковой феномен национально-культурного наследия. Ее основой является образное мировидение, формирующееся в процессе многовекового постижения и преобразования человеком окружающей действительности. Она воссоздает картину мира в

сфере обиходного и бытового общения людей и поэтому близка к наивной [Зверева 2002: 13].

Будучи национально-специфичной, ФКМ одновременно является универсальной для всех языков. Универсальность ее проявляется в плане формальной организации фразеологических единиц (наличие общеязыковых фразообразовательных моделей) и в плане семантики (нетождественность целостного значения идиом значению их компонентов), в общности тематики фразеосемантических полей для описания отдельных фрагментов мира.

Во фразеологии любого языка отражаются ценностные характеристики эпохи, общества, человека, его внутреннего мира, чувств и эмоций. Эмотивная фразеология как совокупность фразеологических единиц номинирует эмоции, выражает эмоциональное отношение и эмоциональное состояние человека.

1.3. Характеристика эмоциональных состояний: психологический и лингвистический аспекты

Изучение эмоций является неисчерпаемой темой, которой посвящено большое количество психологических и лингвистических исследований. Эмоционально напряженная жизнь человека современной эпохи делает проблему эмоций одной из наиболее актуальных в системе научных знаний. Этим объясняется частое обращение к данной проблеме и устойчивый интерес исследователей к ней. Несмотря на это, эмоции относятся к числу еще не в полной мере изученных и осмысленных явлений человеческой жизни. Они изучались в различных аспектах: 1) как феноменологическое явление (как переживаемое или осознаваемое чувство или состояние; 2) как висцеральные процессы, происходящие в различных системах организма и сопровождающие эмоции (сердцебиение, прилив крови к кожным покровам, потливость и др.); 3) изучались также выразительные характеристики эмоций (экспрессия лица, интонация, жесты) [Соловьев 2006: 173].

Результаты современных психологических исследований говорят о том, что эмоции в структуре человеческой деятельности выполняют мобилизующую функцию. Они организуют деятельность, стимулируют и направляют ее. Это форма отражения познания и оценки объективного мира, форма переживаний, ощущений приятного и неприятного, отношения человека к миру и людям, процесс и результаты его практической деятельности. Особенность эмоций заключается в том, что они не только отражают отношения между мотивами и их реализацией, но и интерпретируют деятельность человека.

Известно, что характер, индивидуальность человека проявляется в том, что его радует или огорчает, волнует или представляется ему смешным. Эмоциональные переживания охватывают и пронизывают все другие явления человеческой психики. Эмоциональное содержание личности позволяет создать представление о строении душевного, внутреннего мира человека в целом.

Универсальная значимость эмоций объясняет повышенный интерес к ним в различных областях знания, высокую степень их изученности. Действительно, на протяжении многовековой истории исследования эмоций они пользовались самым пристальным вниманием, «им отводилась одна из центральных ролей среди сил, определяющих внутреннюю жизнь и поступки человека» [Вилюнас 2004: 8].

Происхождение теорий эмоций восходит к эпохе Аристотеля и стоиков, которые в своих работах предлагали первичную классификацию чувств. Аристотель называл эмоции особым видом познания. В трактате «О душе» Аристотель писал о том, что такая способность души, как ощущение, выступает необходимым условием эмоциональных переживаний: «Кому присуще ощущение, тому присуще... испытывать и удовольствие, и печаль, и приятное, и тягостное». В IV веке до нашей эры он рассматривал удовольствие как отрицание страдания, естественное следствие деятельности, необходимой для здорового организма. Неудовольствие для него – это

эмоциональное состояние, появляющееся в результате бездеятельности [Аристотель 1975: 3]. Согласно теории Эпикура, стремление к покою естественно для живого организма, а любая деятельность представляет собой усилие. Поэтому положительное состояние – это стремление избежать страданий и душевных волнений.

Средневековые мыслители также предпринимали попытки классифицировать переживания человека. Так, Бенедикт Спиноза включает в состав «основных аффектов» удовольствие (радость), неудовольствие (печаль) и желание [Спиноза 2002: 52]. Понимание эмоций Спинозой представляет собой классический пример когнитивной теории эмоций. Он считал, что эмоции, «рассматриваемые сами по себе, вытекают из необходимости и могущества природы, следовательно, они имеют причины, через которые могут быть поняты, и свойства, достойные человеческого познания» [Психология эмоций 1984: 30]. Французский философ Рене Декарт в трактате «Страсти души» выделяет шесть «простых и первичных страстей»: удивление, любовь, ненависть, желание, радость, печаль [Декарт 2002: 44].

И. Кант делит эмоции на стенические и астенические. Стенические (от греч. *stenos* 'возбуждение, повышенная жизнедеятельность организма'), то есть тонизирующие, возбуждающие, обеспечивающие энергичное действие. Стенические эмоции отличаются действенностью. Астенические (от греч. *astenos* 'угнетение, торможение') подавляют активность человека. Они характеризуются пассивностью и созерцательностью. Стенические и астенические эмоции могут быть положительными и отрицательными, в зависимости от того, как оценивает их сам человек [Кант 1966: 496].

В XIX веке наиболее распространенной является «рудиментарная» теория Ч. Дарвина. Среди фундаментальных эмоций он называет печаль, радость, любовь, ненависть, гнев, пренебрежение, презрение, удивление, страх, стыд [Дарвин 2001].

В современной психологической литературе неоднократно поднималась проблема классификации эмоций. Однако до настоящего времени

не существует их общепринятой классификации. Наиболее распространенным вариантом считаются эмпирические «линейные» схемы, содержащие систематический список основных (фундаментальных) эмоций.

Проблема выделения базовых эмоций, то есть «простых», лежащих в основе всех остальных эмоций, имела дискуссионный характер еще во времена Декарта. Современные исследователи определяют базовую эмоцию как «филогенетически первичное, основанное на перцептивных представлениях психическое переживание человека (страх, радость, гнев, печаль), являющееся психологически универсальным и наиболее релевантным культурным феноменом для того или иного этноса» [Красавский 2001: 28-29]. Исследованию в различных областях знания, как правило, подвергается так называемое «ядро», состоящее из «очевидных» (фундаментальных) эмоциональных состояний, таких, как страх, гнев, радость и др.

К вопросу о классификации чувств и эмоций в разное время исследователи подходили с различных философских и логических позиций, с учетом фактов, представленных физиологией, медициной, психологией. Б.И. Додонов утверждает, что создать универсальную классификацию эмоций невозможно, так как «классификация, хорошо служащая для одного круга задач, неизбежно должна быть заменена другой, при решении иного круга задач» [Додонов 1975: 21].

Американский психолог У. Джемс, автор так называемой «периферической» теории эмоций, разделяет эмоции на низшие, вызванные органическими потребностями человека, и высшие, связанные со сложными процессами мышления. Он называет стандартными эмоциями переживание человеком изменений, которые происходят в организме вследствие восприятия волнующего факта, и относит к ним удивление, любопытство, восторг, страх, гнев, вождление, алчность. У. Джемс различает три группы эмоций: 1) «грубые формы», возникающие при относительно сильном физическом возбуждении; 2) «утонченные эмоции», которые связаны с физическим возбуждением, но в их основе лежит осмысление явлений. В третью группу

У. Джемс объединяет «случайные» эмоциональные реакции, возникающие благодаря сложности самой нервной системы [Цит. по: Витт 1964: 142].

Французский психолог Т. Рибо выделяет пять типов эмоциональных состояний: 1) приятное, 2) неприятное, 3) состояние боязни, 4) состояние возбуждения, 5) смешанный тип, возникший благодаря вариативности и неоднородности каждой эмоции [там же: 145].

Один из ведущих американских исследователей эмоций К.Е. Изард (Изард, 1999) выдвигает теорию дифференциальных эмоций, в основе которой лежат десять фундаментальных эмоций, образующих мотивационную систему человеческого поведения. Взаимодействуя между собой, они могут усиливать или ослаблять друг друга:

1. Интерес – возбуждение – наиболее часто переживаемая положительная эмоция, которая мотивирует обучение, развитие навыков, умений и творческие стремления.

2. Удовольствие – радость – максимально, хотя и не обязательно постоянно, желаемая эмоция. Активное состояние радости характеризуется чувством уверенности, собственной значимости, ощущением того, что мы любим.

3. Удивление имеет некоторые черты эмоции. К. Изард утверждает, что это не эмоция в полном смысле этого слова, т.к. в отличие от других эмоций, удивление – всегда мимолетное состояние.

4. Горе – страдание – эмоция, испытывая которую, человек падает духом, чувствует одиночество, жалость к себе.

5. Гнев – ярость. Внешнее проявление гнева легко различимо: при гневной реакции кровь «кипит», лицо начинает «гореть». Это фундаментальная эмоция, контролю над выражением которой уделяется особое внимание в процессе социализации человека.

6. Отвращение – омерзение. Данная эмоция часто возникает вместе с гневом, но имеет свои собственные отличительные признаки и иначе переживается. Отвращение в сочетании с гневом может вызывать деструктивное поведение человека.

7. Презрение – пренебрежение – это эмоция, которая часто проявляется вместе с гневом и отвращением. Эти три эмоции называются «враждебной триадой» [Изард 2004: 242]. Презрение – это «холодная» эмоция, ведущая к деперсонализации индивида.

8. Страх – ужас. По мнению автора, переживание этой эмоции исключительно вредно для человека. За исключением редких случаев, когда страх парализует, эта эмоция обычно мобилизует энергию.

9. Стыд – застенчивость. Эта эмоция появилась у человека в ходе эволюции как проявление потребности в социальных связях. Стыд мотивирует желание спрятаться, исчезнуть. Он может способствовать возникновению чувства бездарности и препятствовать развитию целостности человека. Одновременно эта эмоция часто способствует сохранению самоуважения.

10. Вина – раскаяние. Вина часто оказывается связанной со стыдом. Некоторые психологи (С. Томкинс) рассматривали стыд, робость и вину как различные аспекты одной и той же эмоции [Tomkins 1963]. Однако между виной и стыдом можно найти серьезные различия. Стыд может появляться в результате любых ошибок. Вина же возникает при нарушениях морального, этического или религиозного характера, в ситуациях, когда субъект чувствует личную ответственность [Изард 2004: 242].

Как видно из приведенной выше классификации, почти для всех фундаментальных эмоций К.Е. Изард выделяет два термина. Диады, которыми представлены фундаментальные эмоции, сформированы по принципу интенсивности трансформации эмоционального состояния.

Р. Плутчик также предлагает дифференцировать эмоции по степени их интенсивности. Он применяет двухмерную классификацию эмоций по схеме «удовольствие – боль», «активность – пассивность» и выделяет такие основные эмоции, как: 1) радость, 2) принятие, 3) удивление, 4) страх (или ужас), 5) печаль (или грусть), 6) отвращение (или острое разочарование), 7) неприятие (отказ), 8) гнев. Как представитель социально-когнитивного подхода к изучению эмоций, он рассматривает их как

адаптивные механизмы, играющие роль в выживании индивида на всех уровнях. Он определяет эмоции как «зафиксированную телесную реакцию, соответствующую одному из базовых адаптивных биологических процессов, общих для всех животных» [Plutchik 1961].

Современные исследования французских психологов в области человеческих эмоций предлагают различные классификации. Так, М. Лавирей выделяет: 1. Простые эмоции (*émotions simples*). (Ce sont les émotions proprement dites, dans leur plus simple expression). 2. Смешанные эмоции (*émotions mixtes*): Они состоят из двух и более эмоций. (Elles sont composées de plusieurs expériences émotives. Elles contiennent habituellement une ou deux émotions et d'autre genre d'expériences qui servent à se défendre contre une de ces émotions.) К смешанным относят вину, ревность, презрение, жалость, стыд. 3. Отрицательные эмоции (*émotions repoussées*). Ce sont des expériences habituellement à dominance corporelle. Elles prennent place lorsqu'on repousse une émotion ou l'on évite son expression. Ce sont l'anxiété, l'angoisse, la febrilité, le nœud à l'estomac, le bégaiement, la boule dans la gorge. 4. Псевдо эмоции (*pseudo émotions*). Elles sont l'apparence de l'émotion. Une façon d'exprimer ce que l'ont ressent sans évoquer d'émotion [Lavirey, 2002].

Краткий обзор ныне существующих классификаций эмоций показывает, что различные исследователи выделяют примерно одинаковое количество базовых эмоций. Таким образом, мы видим, что психологи выделяют более тридцати видов фундаментальных эмоций: страх, гнев, отвращение, радость, удивление, стыд, горе, ненависть, интерес, счастье и др. В современной науке есть разные точки зрения на природу и значение эмоций.

По мнению Г.Х. Шингарова, эмоции являются одной из форм отражения объективной действительности. Они представляют собой сложные психические процессы, уникальность которых заключается в сложной системе взаимодействия универсального и индивидуального, объективного и субъективного, врожденного и социально-обусловленного факторов. Эмоции обладают единой психической природой и развиваются по единым за-

конам. Они представляют собой психофизиологический механизм, при помощи которого на «психическом» уровне отражения действительности под влиянием внешних воздействий изменяется внутренняя среда организма [Шингаров 1971: 5].

Представляет определенную трудность само определение эмоции. Собственно эмоциями принято называть эмоциональные реакции, которые формируются на основе чувств и переживаний [Обаревич 2002: 70]. А.Н. Леонтьев называет эмоциями особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами. Эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта путем отражения значимости внутренних и внешних ситуаций для осуществления их жизнедеятельности [Леонтьев 1971: 553].

Л.В. Благонадежина определяет эмоции как «простейшие переживания, связанные с удовлетворением или неудовлетворением органических потребностей» [Благонадежина 1962: 386]. Автор подчеркивает, что эмоции могут быть вызваны отдельными свойствами предметов, а чувства – самими предметами.

Французские психологи определяют эмоцию следующим образом: «L'émotion constitue un mécanisme physiologique, somatique et psychologique exerçant une influence importante sur la reconnaissance, l'interprétation, le contrôle, la génération et l'expression d'items linguistique [Bisognin, Pesty, 2004].

В психологических исследованиях отмечается терминологическая путаница в названии эмоций, эмоциональных явлений, переживаний, состояний. Это объясняется тем, что в разных языках эти термины складывались в разные эпохи и имели свои традиции и особенности в употреблении. Следствием этого является свойственная психологии эмоций терминологическая разноголосица, из-за которой очень важно учитывать условность названий и решать вопрос об их соотношении не по внешнему звучанию, а на основе проверки того, что они обозначают. Поэтому в лингвистических исследованиях учитывается неоднозначность и условность тер-

минов, обозначающих эмоции. В настоящей работе мы используем термин «эмоция» синонимично с термином «эмоциональное состояние». Под эмоциональным состоянием понимается субъективно направленная разновидность эмоций. Это сложное, специфическое явление. Его специфика заключается в направленности эмоции на определенный субъект, который подвергся эмоциональному воздействию в результате влияния на него внешних факторов.

Характерной чертой эмоционального состояния является его интегральность, его исключительность по отношению к другим состояниям. Эмоциональные состояния выступают как субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т.д. [СЭ 1983: 795]. Они имеют ярко выраженную субъективную окраску и охватывают все виды чувствительности и переживаний.

Эмоции охватывают весь организм, они придают состоянию человека определенный тип переживаний, производят моментальную интеграцию всех функций организма, и сами могут быть абсолютным сигналом полезного или вредного воздействия на него. Именно свойство организма определять благодаря эмоции качество воздействия с помощью универсального критерия – выживаемости – придало эмоциям важнейшее значение в жизни человека [Анохин 1984: 173].

На то, что эмоции следует рассматривать как состояния, впервые обратил внимание Н.Д. Левитов. Он писал, что ни в какой сфере психической деятельности так не применим термин «состояние», как в эмоциональной жизни. В эмоциях очень ярко проявляется тенденция специфически окрашивать переживания и деятельность человека, давая им временную направленность и создавая то, что можно назвать качественным своеобразием психической жизни [Левитов 1964].

М. Хайдеггер определяет состояние как действующую в человеке настроенность (настроение), на которую он сам не может оказывать воз-

действие, но которая определяет в данный момент все его чувства, мысли и желания. Состояние человека есть исходный момент его существования [КФЭ 1994: 427].

Эмоциональные состояния определяются качеством и интенсивностью актуальной потребности индивида и оценкой, которую он дает вероятности удовлетворения этой потребности. Они являются одной из составных частей эмоциональной сферы человека, наряду с эмоциональной реакцией (процессом), эмоциональным тоном ощущений, эмоционально-личностными качествами человека [Хомская, 1998]. Всякий раз, когда у живого существа имеет место какое-либо психическое явление, можно с полным основанием говорить о существовании эмоционального состояния [Крюгер 1984: 114].

Исследователи различных школ в разное время выделяли одни и те же признаки эмоциональных состояний. Главным образом, ЭС сравнивают по их качествам, основными среди которых считают: силу, или интенсивность эмоции, длительность, глубину и характер возникновения [Рубинштейн С.Л., 1946; Рудик П.А., 1962].

В зависимости от субъективной оценки человеком происходящего эмоции принято разделять на положительные и отрицательные. А.Н. Леонтьев предлагает подробную классификацию эмоций, выстраивая их в иерархической последовательности. Простейший уровень эмоций представляет собой эмоциональный тон ощущений. Эмоциональные реакции этого уровня являются врожденными. Это вкусовые, болевые и температурные ощущения. На этом уровне выделяют положительные эмоции, вызываемые полезными воздействиями и побуждающие субъекта к их достижению, и отрицательные, стимулирующие активность, направленную на избегание вредных воздействий [Леонтьев 2000: 88-89].

Среди положительных эмоций выделяют: радость, смех, удовольствие. Радость, без сомнения, имеет большое значение в жизни человека. По общему признанию, она является жизнеутверждающим началом в лич-

ности, наряду с удовольствием. Смех есть одно из проявлений радости и удовольствия, но выступает как самостоятельная эмоция.

К отрицательным эмоциям относят гнев, горе / печаль, тревогу / волнение, стыд. Это те ЭС, которые возникают у человека в период душевных страданий. Они представляют собой совокупность дискомфортных и мучительных для человека состояний, таких, как: неудовольствие, огорчение, раздражение, изматывающая душу тревога, горе, печаль, ярость, тоска. Психологи такие состояния относят к фрустральным эмоциям (от лат. *frustratio* – неудача, обман), то есть эмоциям, возникающим при неудовлетворении потребности, возникающие в связи с крахом надежд, неожиданно возникающими непреодолимыми препятствиями на пути достижения высокозначимых целей. Исходя из такого понимания, термином «фрустральные» обозначаются различные отрицательные эмоциональные состояния, возникающие в результате блокирования потребности [Шакуров 2002: 39].

Некоторые эмоции могут иметь двойное значение. Их называют амбивалентными (от лат. *ambo* 'оба' и *valentia* 'сила'). Этот термин введен швейцарским психологом Э. Блейером. По его мнению, «амбивалентность, то есть двойственность чувственного переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает к себе у человека одновременно два противоположных чувства..., коренится в неоднозначном отношении человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей [Кордуэл 2000: 17]. В качестве примера можно привести отрицательные эмоции «жалость» и «сочувствие». Но при характеристике субъекта, испытывающего их, они могут быть расценены как положительные.

В большинстве теорий количественно преобладают отрицательные эмоции, что не снижает роли положительных эмоций в жизни человека, где всегда присутствует сложная система чувств, стремящаяся к преобладанию положительных и вытеснению отрицательных эмоций и являющаяся, таким образом, основой психического здоровья человека.

Знак эмоции может рассматриваться как ее качественная характеристика, тогда как интенсивность – как количественная. Сила эмоции, ее ин-

тенсивность вместе со знаком эмоции представляют собой две составляющих эмоционального процесса. Сочетание этих двух характеристик в разном пропорциональном соотношении и обеспечивает то многообразие эмоциональных переживаний, которое существует в психическом опыте каждого человека.

Эмоции обладают такими важными свойствами, как текучесть и взаимопроникновение. По мнению Д.А. Романова, модальные преобразования эмоций происходят не случайно, а вполне закономерно, благодаря действию правил эмоциональной интенсивности, которая определяет факторные признаки эмоции и ее модальность в каждом конкретном случае [Романов 2004: 15]. В свою очередь, эмоциональная модальность влияет на интенсивность переживаемого человеком эмоционального состояния.

Как психический феномен эмоция представляет собой сложное многоуровневое явление. Человек выражает свои чувства при помощи слова. Характер точности этих чувств определяется точностью и адекватностью тех слов, которыми пользуется человек [Якобсон 1956: 41].

На уровне лингвистического анализа языка, как правило, фиксируются лишь установившиеся, опосредованные культурой нормативные эмоции [Мягкова 2000: 5].

Рассмотренные классификации эмоций послужили основой при выборе эмоциональных состояний, анализируемых в настоящей монографии в идеографическом аспекте. К таким состояниям, основываясь на отобранном для исследования фактическом материале, мы относим следующие ЭС:

1. *«Покой»* – как исходная «нулевая» точка эмоционального состояния.

2. Эмоциональные состояния, обладающие положительной модальностью: а) *«Счастье»* (*«Радость»*, *«Веселье»*, *«Восторг»*), б). *«Влюбленность»*. Мы не исследуем «любовь», а лишь «влюбленность» по той причине, что любовь представляет собой сложное чувство, объединяющее в себе несколько эмоциональных состояний. В рамках настоящей работы це-

лесообразным представляется изучение состояния «Влюбленность», которое относится к положительным ЭС. Именно оно активно отражается фразеологическим составом французского языка.

3. Отрицательные эмоциональные состояния: а) «Гнев»; б) «Страх»; в) «Стыд»; г) «Грусть» («Печаль», «Горе»); д) «Тревога» («Волнение»).

4. Эмоциональные состояния «Удивление» и «Смех» рассматриваются как состояния с биполярной модальностью, или двувалентные ЭС, способные выступать как положительные и как отрицательные состояния.

Психологический аспект рассмотрения эмоций включает важный вопрос об их функциях. Выделяют такие функции, как оценочная, побудительная, влияющая на процессы познания, активационная. Особого внимания заслуживает *экспрессивная*, или *коммуникативная функция*, означающая, что телесное выражение эмоций используется как средство общения. Эмоции обеспечивают определенный уровень возбуждения нервной системы, приводя организм человека в определенное эмоциональное состояние: они сопровождаются, наряду с изменениями мимики, звуковыми реакциями, которые развивались и закреплялись как средства оповещения об ЭС индивида. С появлением языка и речи экспрессивная функция эмоций не потеряла своего значения, а, наоборот, получила возможность быть выраженной этими средствами [Вилюнас1984: 30-31].

Проблема языковой репрезентации психических переживаний человека имеет большое как теоретическое, так и практическое значение. Поэтому изучение эмоциональной деятельности языковой личности занимает важное место в лингвистических исследованиях. Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, категоризирует и классифицирует. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры. Он является объектом и инструментом изучения эмоций [Шаховский 2007: 4].

Теоретическую базу для лингвистики эмоций составляет тезис о том, что эмоции, будучи отражены сознанием, должны быть закреплены в се-

мантике слова и других единиц языка. «Отрицать наличие эмоций в языке – значит вступать в противоречие с совершенно очевидным фактом» [Виноградов 1950: 40].

Под выражением эмоций понимается их языковое представление, манифестация в речи, сопровождаемая внутренним и внешним переживанием. Выражение эмоции – это непосредственная коммуникация самих эмоций, а не их обозначений, их языковое проявление [Шаховский 1987: 96]. Языковое выражение эмоций осуществляется с помощью особой – эмотивной лексики. Однако не только лексический, но и все другие уровни языка имеют для этого свои специальные средства.

Внимание лингвистов издавна привлекают те свойства языка, которые связаны с эмоциональными аспектами внутренней жизни человека. По мнению В.И. Шаховского, лингвистика эмоций включает несколько аспектов: аспект языковых средств и способов выражения эмоциональности на разных уровнях языка; функционально-семантический аспект; семасиологический, то есть аспект тех семантических признаков слова, которые сигнализируют об эмотивности языковой единицы; социальный аспект выражения языковых реализаций эмоций; аспект соотношения эмоций с лингвистическими категориями оценки, экспрессивности, модальности и др. [Шаховский 1987: 47].

Еще Ш. Балли интересовал вопрос, откуда возникла эмоция: из слов и оборотов или она идет от личности, которая произносит фразы. По его мнению, эмоциональные компоненты существуют на всех уровнях. Ш. Балли считал, что человек гораздо более чувствует, чем понимает. Слова порождают в его голове сначала чувства, и лишь затем идеи [Балли 2001: 197]. Мысли человека выражаются либо в рассудочной форме, либо с определенной долей эмоций, которые, в свою очередь, неотделимы от личности и составляют ее неповторимую сущность. Они в большой мере определяют жизнь и деятельность человека, развивают в человеке пристрастность, со всей очевидностью обнаруживают свое влияние на его деятельность в познании, искусстве, душевных кризисах.

Ю.Д. Апресян рассматривает эмоциональную систему как одну из самых сложных систем человека, поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы – восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (моторика, мимика) [Апресян 1995: 53]. Ю.Д. Апресян выделяет первичные эмоции, общие для человека и животных: радость и страх; эмоции, присущие только человеку: восхищение, удивление; стихийные эмоции: страх, паника, тревога, грусть [там же: 42].

Эмоции являются неотъемлемой частью эмоциональной картины мира, которая представляет собой «мировидение, спроецированное эмоциональной сферой сознания и отражающее аксиологические приоритеты в национальной картине мира» [Бородкина 2002: 9]. Эмоциональная картина мира состоит из эмоционально маркированных перцептивных образов и представлений, отраженных внутренним миром человека. Она отражается языковыми средствами и является глубоко национальной, так как, по мнению В.И. Шаховского, «действительный мир эмоций и их модельный мир (языковое отражение) никогда не будут совпадать» [Шаховский 1987: 90]. Каждый язык использует свой набор средств, в основе которых лежат национальные образы и представления о той или иной эмоции.

Современные лингвистические теории эмоций учитывают их аффективную и когнитивную стороны, т.к. эмоции связаны с мышлением, с рациональной стороной человеческого поведения, в которой и представлены и когнитивная, и аффективная составляющие. Эмоции представляют собой физиологические реакции, которые включают когнитивное действие по идентификации эмоции, что требует знания обстоятельств, вызывающих некое эмоциональное состояние [Вольф 1996: 138].

Эмоции, будучи универсальной психологической категорией, являются объектом пристального исследования когнитивной лингвистики. Е.В. Суворина утверждает вслед за В.И. Шаховским, что в речевой деятельности человека эмоции получают лексическое и грамматическое вы-

ражение через эмотивные знаки языка [Суворина 2002: 61]. Исследование эмоций в аспекте когнитивной лингвистики поднимает вопросы соотношения языковых и когнитивных структур. Изучение языковых явлений находится в неизбежной связи с изучением всех составляющих человеческой ментальности: восприятия, мышления, памяти, воображения и т.д. Изучая связь когнитивных и языковых структур на уровне соотношения языка и эмоций, лингвисты приближаются к решению проблемы: как отражено в сознании человека его понимание и видение мира.

1.4. Системное значение слова

Эмоциональная сущность человека признана психологической универсалией. Вербализация эмоций в разных лингвокультурах осуществляется в соответствии со специфическими национально обусловленными языковыми нормами и правилами. В этой связи важным представляется вопрос об особенностях структуры лексического и фразеологического значений, способствующих выражению эмоций.

Некоторые исследователи (А.А. Уфимцева) полагают, что самой общей универсальной чертой словесного значения как категории конкретного языка является его идиоматичность и неповторимая индивидуальность. Значения слов возникают, закрепляются и функционируют лишь в конкретной языковой системе, будучи оформлены звуковым и грамматическим строем данного языка. Системное номинативное значение слов возникает в результате первичного знакообразования. Все другие значения, в том числе и фразеологическое, возникают в результате сочетаемости или семантической совместимости слов по их лексическому значению, как результат не прямого, а вторичного означивания уже существующего словесного знака [Уфимцева 2002: 15].

В языковых средствах выражения эмоциональных состояний фиксируются не сами эмоции, а мыслительное содержание о них. Именно оно, по

мнению В.З. Панфилова, входит в лексическое и фразеологическое значения [Панфилов 1977: 100].

В теории значения слова, предложенной воронежской лингвистической школой (Попова, Стернин, 1984; Стернин, 1985), выделено несколько признаков лексического значения слова:

1. Значение представляет собой систему компонентов – сем, образующих структуру – семему. Семантические признаки выполняют в языке системообразующую функцию. Именно по семантическим признакам, общим для ряда значений, лексические единицы образуют ряды, группы и парадигмы, то есть лексическую систему языка.

2. Все компоненты значения в своей совокупности образуют единую функциональную языковую единицу – семему.

3. Одним из признаков лексического значения слова является семантический компонент. Под семантическим компонентом понимается выделяемая часть лексического значения, меньшая, чем все значение [Стернин 1985: 40].

4. В структуре значения выделяются макрокомпоненты – денотативный и коннотативный. Денотативный макрокомпонент является основой для большинства слов. Он отражает предметно-понятийную или чисто понятийную информацию, связанную с отражением объективной или субъективной внеязыковой действительности. Коннотативный макрокомпонент, в отличие от денотативного, отражает не признак денотата, а отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции и оценки денотата, и, следовательно, содержит эмоциональную и оценочную семы.

Наиболее распространенными теориями коннотации являются: семиотическая (Малино, Ельмслев, Ульман), стилистическая (Э.С. Азнаурова, К.А. Долинин, Е.И. Жендельс), психологическая (А.А. Леонтьев), философская (В. Алстон), логическая (Огден, Ричардс), семантическая (И.А. Стернин, В.Н. Телия, В.И. Шаховский). Многообразие подходов к изучению коннотации помогает раскрыть ее свойства.

В современной лингвистике нет однозначного понимания явления коннотации. Ее интерпретируют как «стилистическое созначение» (Ш. Балли), «стилистическое значение» (Т.Г. Винокур), «прагматическое значение» (Л.А. Киселева, В.Н. Комиссаров), «потенциальные признаки» (В.Г. Гак), «лексический фон» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) и т.д.

При большом разнообразии трактовок коннотации в лингвистических исследованиях единодушно признается системная организация ее компонентов, которые большей частью связаны с психикой говорящего, то есть выражают отношение субъекта речи к обозначаемым явлениям действительности. Таким образом, компоненты коннотации составляют так называемую лексическую модальность и не включаются в денотативно-сигнификативную часть значения [Цоллер 1996: 62].

Традиционно коннотация рассматривается как совокупность эмоционального, оценочного, экспрессивного и стилистического компонентов. Так, И.А. Стернин выделяет в коннотативном компоненте значения четыре вышеназванных микрокомпонента, считая, что они присутствуют в семантике подавляющего большинства слов [Стернин 1979: 93]. При этом под эмоциональным компонентом понимается «выражение словом эмоции или чувства» [там же: 94]. Автор справедливо указывает на необходимость различать слова с эмоциональным значением, например, названия эмоций, и слова с эмоциональным компонентом значения, и подчеркивает, что «эмоциональный, оценочный и экспрессивный компоненты значения часто переплетаются и взаимодействуют в значении слова» [там же: 107].

В.А. Маслова под коннотацией понимает особый компонент, дополнительный смысл, сопутствующий значению языковой единицы [Маслова 1989: 108].

В.А. Булдаков под коннотативным компонентом также понимает совокупность стилистического, экспрессивного, эмоционального и оценочного компонентов. Он выделяет в качестве доминирующего стилистический компонент и считает, что все остальные зависят от него [Цит. по: Мягкова 1990:16].

А.Н. Кожин рассматривает эмоциональный компонент в рамках стилистического значения, когда «реализуется эмоционально-оценочное отношение к объектам речевой деятельности» [Кожин 1986: 37].

З.Е. Фомина указывает, что эмоция и экспрессия в значении находятся в отношениях дополнительности друг к другу [Фомина 1987: 6-8].

О.В. Загоровская рассматривает лексическое значение как совокупность денотативного, коннотативного и образного компонентов. Она выносит образность за пределы коннотации, ограничивая коннотативный компонент значения эмоциональным, оценочным и стилистическим микрокомпонентами [Загоровская 1983: 16].

В. К. Харченко структуру коннотации видит в оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности. Автор полагает, что оценочность является отражательной категорией, экспрессия стилистической, а эмоциональность – психолингвистической категорией [Харченко 1983: 48].

Среди многочисленных аспектов коннотации В.И. Шаховский выделяет эмотивную коннотацию, понимая под ней сопутствующие тому или иному звуковому комплексу эмоции, благодаря которым оценка того, о чем говорят, воспринимается как одобрение / неодобрение. Иначе, коннотация представляет собой «компонент семантики языковой единицы, с помощью которой выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату...» [Шаховский 1987: 68]. Коннотация описывает эмоциональное отношение человека к миру, отражает его в семантике слова и фразеологических единиц через эмотивные семы. В целом под коннотацией сегодня понимаются все дополнительные к значению оценки, а эмоциональные коннотации являются частью этих оценок [Шаховский 2007:8].

В семантической структуре фразеологических единиц, в отличие от лексем, коннотация, как правило, преобладает. В этом, как отмечает Н.Ф. Алефиренко, заключается речемыслительная природа фразеологизма. Ее специфика обусловлена особенностями когнитивной деятельности человека [Алефиренко 2006: 194].

1.5. Фразеологическое значение и его особенности

Специфика значения фразеологических единиц является предметом многочисленных исследований. Обоснование фразеологического значения как лингвистической категории осложняется тем, что существуют различные понимания ФЕ, ее компонентного состава и объема фразеологии.

Прежде всего, в центре внимания находится сам термин «фразеологическое значение», его сущность и отличие от лексического значения слов.

Термин «фразеологическое значение» был предложен в 1964 г. В.Л. Архангельским и А.В. Куниным независимо друг от друга. В.Л. Архангельский показал, что фразеологическое значение представляет собой комбинаторное значение, оно по-разному детерминируется значениями компонентов фразеологизма [Архангельский 1964: 124].

А.В. Кунин понимает фразеологическое значение как инвариант информации, выражаемой семантически осложненными, раздельнооформленными единицами языка, не образующимися по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний слов [Кунин 1986: 122].

А.М. Мелерович под фразеологическим значением понимает такое значение, которое закрепляется за устойчивым сочетанием слов и является абстрагированным в той или иной степени от семантики языковых элементов, образующих форму самого выражения. Автор выделяет во фразеологическом значении предметно-логическое (денотативно-сигнификативное) и коннотацию, а также семантические элементы формального характера (категориально-грамматическое значение фразеологической единицы, грамматические признаки словоформ и синтаксической конструкции, образующей каркас ФЕ, внутреннюю форму, языковую мотивировку фразеологического значения). Посредством формальных семантических элементов осуществляется связь между фразеологическим значением и материальной формой ФЕ [Мелерович 1979: 70-71].

А.И. Молотков считает, что значение фразеологизма соотносится с переносным значением слова. Отличие самой природы фразеологического

значения он видит в ограничении состава ФЕ по сравнению с составом слов языка, в относительной ограниченности парадигматических отношений между фразеологическими единицами и словами, в неполном и не-прямом соотношении лексико-грамматических разрядов ФЕ и слов [Молотков 1985: 54-55].

Н.Ф. Алефиренко полагает, что фразеологическое значение определяется двумя факторами: семантическими процессами, лежащими в основе фразеомообразования, и межуровневым взаимодействием фразеомообразующих единиц языка [Алефиренко 1985: 4-5].

Между сочетаниями слов, в которых реализуются их свободные значения, и идиомами – сочетаниями слов с полностью переосмысленным лексическим составом, в языке существует «масса переходных и промежуточных случаев» [Балли 1961: 89]. Одним из них является так называемое «связанное значение», которое принадлежит не столько фразеологической единице как целому, сколько одному из слов, входящих во фразеосочетание [Копыленко 1989: 20]. На существование связанного значения указывал в свое время В.В. Виноградов: «...многие слова или отдельные значения многих слов преимущественно переносного или синонимического характера ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т.е. в узкой сфере семантических отношений. Вокруг многозначного слова группируются несколько фразеологических серий. Большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова – значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей» [Виноградов 1977: 176].

Наиболее развернутое исследование категории связанного значения осуществлено В.И. Телией. Она рассматривает связанное значение как особый структурно-семантический тип лексического значения, который обычно сохраняет мотивированную деривационную связь с производящим значением слова и входит в полисемичную структуру слова. Формирование связанных значений слов протекает в процессе вторичной (косвенной)

номинации. Важным компонентом структуры вторичной номинации является переосмысление значений, которое вызывает к жизни коннотативные признаки исходного значения переосмысляемого слова. Все специфические свойства связанных значений слов обусловлены их коннотативной природой.

Основной массив связанных значений слов приходится на сочетания, в которых ключевые слова служат наименованиями процессов, состояний, явлений природы и аспектов личности [Телия 1980: 255]. Рассматривая связанное значение слов и фразеологических сочетаний, В.Н. Телия приходит к выводу, что такие выражения, среди прочих, могут становиться номинациями психической (эмоциональной) деятельности человека [Телия 1981: 9-10].

Глубокий анализ фразеологической семантики осуществила Н.Н. Кириллова. Она показала процесс становления фразеологического значения как осмысление ситуации, изображенной свободным словосочетанием. Каждая ситуация имеет множество признаков. Выбранный для воплощения во фразеологической единице признак становится внутренней формой фразеологической семантики, которая играет важную роль в семантической структуре фразеологизма. В слове внутренняя форма обычно понимается как его исходно-этимологическое значение. В.В. Виноградов дал следующее определение внутренней формы: «Внутренняя форма слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, может уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» [Виноградов 1947: 18].

А.В. Кунин считает, что внутренняя форма фразеологизма значительно более стойкая, чем внутренняя форма слова, что объясняется переосмысленным характером фразеологического значения, раздельнооформленностью ФЕ и спецификой их прототипов [Кунин 1986: 143].

По мнению В.Н. Манакина, внутренняя форма слова представляет собой средоточие первоначального концептуального представления о

предметах. Она служит для дальнейшего семантического развития слова [Манакин 2004: 246-247].

Внутренняя форма языкового знака рассматривается с точки зрения двух его взаимосвязанных функций – номинативной и семасиологической. С одной стороны, она вскрывает свою номинативную предметность, с другой – смысловую [Шпет 2003: 400]. Языковая предметность знака раскрывается с учетом понятия апперцепции – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека.

В когнитивной лингвистике существует способ номинации объектов окружающей действительности в виде концептуальной внутренней формы, некоего схематизированного представления, которое выделяет наиболее важные признаки обозначаемого на фоне других его менее важных для данного обозначения признаков, некий концептуальный «скелет» обозначаемого фрагмента действительности [Беляевская 2005: 59]. Такой способ применяется для быстроты поиска имени объекта действительности, так как он отражает наиболее существенные признаки последнего. Одной из функций концептуальной внутренней формы является обеспечение смыслового единства различных значений одного и того же слова, четкое выделение признаков денотата и возможность увидеть различия в семантике близких по значению слов иностранного языка. Например, эмоция «горе» может называться во французском языке лексическими единицами *le chagrin*, *la peine*, *la douleur*, каждая из которых имеет специфическую концептуальную внутреннюю форму:

le chagrin – peine ou déplaisir causé par un événement précis, état moralement douloureux (горе или неудовольствие, вызванное конкретным событием, морально болезненное состояние) [PR 1973: 250];

la peine – état psychologique fait d'un sentiment de tristesse et de dépression (психологическое состояние, вызванное чувством грусти и депрессии) [PR 1973: 1259];

la douleur – sentiment ou émotion pénible résultant de l'insatisfaction des tendances, des besoins (тягостное чувство или ощущение, вызванное неудовлетворенностью нужд, потребностей) [PR 1973: 512].

Семантика фразеологизма обусловлена вторичной номинацией слов, так как значения фразеологических единиц формируются опосредованно, путем использования коллективного опыта народа, который закодирован в соответствующих знаках первичного именованя [Алефиренко 2006: 206]. Внутренняя форма является посредником между значением знака вторичной номинации и значением его производящего. Во внутренней форме фразеологизма обязательно присутствуют денотативные семы его лексических компонентов, а также грамматические семы, которые выражают определенные отношения между предметами и воспроизводят в воображении реципиента целые денотативные ситуации. Эти ситуации и определяют характер и основные направления формирования семантики ФЕ [там же].

Внутренняя форма – это условное название. По существу это не форма, а один из компонентов значения. Н.Н. Кириллова под внутренней формой ФЕ понимает префразеологический аспект, в основе которого лежит логико-семантический аспект ситуации, на базе которого возникает фразеологическая единица [Кириллова 1986: 86]. По ее мнению, специфика фразеологического значения сосредоточена именно в плане выражения, то есть в форме. Отсюда следует, что «сущность фразеологического значения нужно искать не в языке..., а в человеке. Фразеологическое значение присутствует там, где человек желает выразить свое отношение к предмету своего восприятия» [Кириллова 1990: 47]. Автор называет фразеологическим то значение, которое отображает квалификативно-оценочную деятельность человека.

Специфика фразеологического значения заключается также в противоречии между реальным значением ФЕ и этимологическим значением ее компонентов; различным является характер внутренней формы ФЕ и слова; существуют различия между семантическими структурами ФЕ и слова.

Они вытекают из разной степени языковой абстракции. Лексическая абстракция является двуступенчатой (понятие – денотат), фразеологическая абстракция носит трехступенчатый характер (понятие – образное представление – денотат). Фразеологической единице присущи новые элементарные смыслы, что также составляет специфику ФЗ [Кириллова 1986: 83].

Своеобразие фразеологического значения обусловливается идиоматичностью ФЕ. Традиционно идиоматичность понимается как невыводимость значения ФЕ из значений составляющих ее лексических компонентов. Идиоматичность рассматривается как основное свойство ФЕ и является основным аргументом квалификации фразеологического значения как семантической категории. Н.Ф. Алефиренко полагает, что специфика фразеологического значения определяется его когнитивной базой. С одной стороны, строение концепта отличается от структуры ФЗ: концепт имеет слои, ФЗ – семемы; концепт обладает содержанием, фразеологические единицы – семемами; содержание концепта членится на концептуальные признаки, семемы – на семы. С другой стороны, структура концепта, вербализованного фразеологической единицей, соотносима с семантической структурой фразеологического значения – его денотативными, коннотативными и потенциальными семемами [Алефиренко 2006: 191].

А.Г. Назарян считает фразеологическое значение важнейшим элементом содержательной структуры ФЕ. Специфика фразеологического значения, по его мнению, состоит, прежде всего, в особом способе отражения окружающей действительности и определяется взаимодействием компонентов этого значения [Назарян 1987: 151].

В значении ФЕ он выделяет денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты, составляющие соответственно денотативный, сигнификативный и коннотативный аспекты фразеологического значения. Денотативный аспект значения ФЕ выражается в соотношении этой единицы с каким-либо референтом. Подобно словам, ФЕ могут обозначать различные элементы внеязыковой действительности. В основе денотативного

аспекта ФЕ лежит смена денотата исходного сочетания и перенос его свойств на новый денотат, вызванные полным или частичным семантическим преобразованием этого сочетания.

Сигнификативный аспект значения ФЕ заключается в собственно смысловом содержании этой единицы, в ее свойстве быть носителем определенного понятия о денотате, обозначаемом ею элементе действительности.

Коннотативный аспект значения ФЕ отражает отношение говорящего к предмету речи, его субъективную характеристику денотата. Коннотация не может существовать без связи с предметным содержанием, поэтому, каким бы значительным ни был коннотативный элемент в значении фразеологизма, он не отменяет номинативную функцию ФЕ.

Ю.П. Солодуб в многокомпонентной структуре фразеологического значения, кроме трех вышеназванных, выделяет еще структурный и этнокультурный компоненты, последний из которых отражает специфику национального восприятия объектов или фрагментов действительности [Солодуб 1997: 48]. Этнокультурный компонент является факультативным в структуре фразеологического значения. По своей сути этнокультурный компонент фразеологического значения включает в себе стилистическую коннотацию, культурно-историческую и этнопсихологическую информацию.

Фразеологическое значение представляет собой сложное явление, особенность которого обусловлена разной природой когнитивных структур, лежащих в основе формирования фразеологических единиц. Чувственный опыт человека, его предметно-практическая деятельность, а также лингвопрагматические факторы, обуславливающие коммуникативную значимость идиомы, формируют фразеологическое значение. Такие признаки ФЗ, как смысловая связанность, неразложимость, номинативная целостность и семантическая конвергентность, составляют его своеобразие [Алефиренко 2006: 190-191].

По мнению некоторых исследователей, специфика ФЗ определяется его когнитивной базой: структура концепта, вербализованного фразеоло-

гической единицей, соотносима с семантической структурой фразеологического значения – его денотативными, коннотативными и потенциальными семами [там же].

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод, что фразеологизм обладает более сложной, чем слово, семантической структурой и, следовательно, более емким смысловым содержанием.

Благодаря коннотации фразеологизмы являются выразительными средствами языка, принимающими активное участие в выражении эмоциональных состояний человека.

1.6. Эмотивность – семантическое средство репрезентации эмоций

Понятие эмотивности предлагается лингвистами для разграничения психологических и языковых категорий. По мнению В.И. Шаховского, «эмотивный – это то же, что и эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике» [Шаховский 1987: 24].

Психолингвисты считают, что весь язык эмотивен и что не существует эмотивно нейтральной лексики. В.И. Шаховский понимает эмотивность как отражение в языке всей сферы эмоционального вообще. В соответствии с концепцией панэмоциональности любое слово языка эмотивно. Эмотивность, в свою очередь, представляет собой структурный компонент коннотации. Глобальная категория эмотивности представлена во всех языках в различных статусах: фонетическом, лексическом, морфологическом, фразеологическом, стилистическом и др. [Шаховский 2002: 8-10].

А.В. Кунин под эмотивностью понимает эмоциональность в языковом преломлении, чувственную оценку объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека [Кунин 1986: 153].

Эмотивность воплощает в себе воздействующую функцию языка: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмо-

циональным стимулам, в роли которых могут выступать *эмотивы* – специальные эмотивно-окрашенные средства языка. В настоящем исследовании для номинации фразеологических средств языка, с помощью которых выражается то или иное эмоциональное состояние, используется термин «*фразеоэмотивы*». При этом данный термин условно применяется как синоним термина «*эмотивные фразеологические единицы*» (ЭФЕ).

Эмотивность как психолого-речевая категория имеет план содержания и план выражения. Поэтому эмотивы представлены различными уровнями языка и различными семантическими вариантами эмотивности. Эти варианты основаны на различных соотношениях собственно коннотативного компонента значения (эмотивность) и денотативно-сигнификативных – оценочных, экспрессивных, функциональных. Эти варианты представляют собой различные проявления эмотивного значения, или эмотивно-окрашенного лексического значения слова [Шаховский 1986: 42].

Эмотивность является коммуникативно-семантической категорией. Она всегда выражает субъективное отношение говорящего и базируется на понятийных признаках номината, которые выступают в качестве стимула для эмоциональности говорящего.

Специфика эмоций по отношению к языку проявляется в их двойственности: с одной стороны эмоции есть часть окружающей действительности, и поэтому они отражаются в языке. С другой – эмоции участвуют в формировании языковой картины мира и являются инструментом отражения самих себя и других объектов действительности, специфичен и момент их неотторжимости от отражающего субъекта [Шаховский 1987: 7-8].

Во фразеологии двойственность эмоций проявляется в том, что фразеологические единицы могут либо номинировать эмоцию, либо передавать эмоциональное состояние субъекта посредством коннотативного компонента своего значения.

В.И. Телия считает эмотивность языковой категорией, подразумевающей лишь те эмоциональные явления, которые связаны с выражением

эмоционально-оценочного отношения и направлены на создание у слушателя эмоционального резонанса. Она полагает, что эмотивное, т.е. эмоционально-оценочное значение, входит в коннотацию на правах микрокомпонента и является дополнительной информацией о личностно-окрашенном, субъективном отношении к миру [Телия 1986].

Т.К. Виноград, Ч. Филмор утверждают, что эмотивность – это когнитивная структура, которая в сознании языковой личности связывается с конкретной ситуацией эмоционального оценивания [Виноград, Чилмор 1983].

Анализ работ, посвященных рассмотрению проблем эмотивности, показывает, что в настоящее время не существует единого мнения в понимании ее природы. В настоящем исследовании мы, вслед за Л.Н. Калимуллиной, понимаем эмотивность как языковую категорию, подразумевающую в том или ином языке наличие средств системной репрезентации эмоций [Калимуллина 2006: 72].

В современной лингвистической литературе порой наблюдается отождествление эмотивной и экспрессивной функций языка. Однако эмотивность и экспрессивность не являются тождественными понятиями. Под экспрессивностью понимается «не-нейтральность речи» [Солодуб 1988: 37]. Экспрессивность рассматривается как семантическая категория и входит в состав коннотации в качестве самостоятельного компонента. Она представляет собой внутреннее содержание языковой единицы и способствует передаче специфической информации с помощью необычных средств [Цоллер 1996: 63].

Как функциональная категория экспрессивность способствует усилению выразительности, увеличению воздействующей силы сказанного. Она представляет собой суммарный эффект от сложения всех оценочных значений, включая рациональное, эмоциональное и значение внутренней формы. В основе экспрессивности лежит семантическая контрастность, то есть яркость и необычность лексического значения слова по сравнению с нейтральным наименованием [там же].

А.В. Кунин под экспрессивностью понимает выразительно-образительные качества слова или фразеологизма, обусловленные образностью или эмотивностью [Кунин 1986: 154].

Эмоциональная и экспрессивная лексика определенным образом соотносятся друг с другом. По мнению И.Н. Худякова, экспрессивное выступает вторичным по отношению к эмоциональному, т.к. речь становится экспрессивнее, когда она эмоционально окрашена. Эмоциональное – не часть экспрессивного, а средство создания экспрессивного, и как средство не может ни отождествляться с экспрессивным, ни входить в отношения части и целого. Эмоциональные средства языка всегда экспрессивны [Худяков 1980: 79]. Экспрессии помогает символизация и метафоричность. Следовательно, фразеологические единицы всегда экспрессивны, так как их значение базируется чаще всего на метафорическом переносе. Основная знаковая функция фразеологизмов в языке заключается в выражении эмоционально-оценочного отношения субъекта, использующего ФЕ, к мотивации. Коннотация в значении фразеологических единиц обуславливает их экспрессивную функцию, интенсивность передаваемого значения.

Кроме экспрессивности, структурными компонентами коннотации являются оценочность и эмоциональность, которым, по мнению В.Н. Цоллер, принадлежат ведущие позиции в коннотации. Понятия «эмоциональность» и «оценочность» рассматриваются в тесной взаимосвязи. Оценочность означает отношение к предмету речи и носит субъективный характер. Это отношение выражается чувствами (радости, гнева, гордости, презрения и т.д.). Можно сказать, что проявление эмоций в той или иной степени вызывает оценку. Следовательно, наличие эмоциональности предопределяет оценочность.

Под оценочностью также понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета или явления, под эмоциональностью – отраженное и закрепленное в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту речи [Цоллер 1996: 64]. Оце-

ночность и эмоциональность едины и неразрывны в значении слова. Для вербального выражения оценки, как правило, избираются экспрессивные языковые средства. Причем лексически выражается именно этическая оценка, базирующаяся на эмоциональном отношении к предмету оценки. По мнению исследователей, «истинностная оценка» выражается преимущественно грамматически (модальностью) [Романова 2006: 72]. В своей структуре оценка имеет четыре компонента: объект, субъект, основание и характер оценки.

Наиболее общую оценку выражает эмоция. Возникновению эмоции предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-либо положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта [Апресян 1995: 42]. Эмоции сами по себе содержат оценочный компонент. Субъективные чувства говорящих по отношению к людям, вещам и событиям показывают, как они их оценивают. То, что человек любит, чем восхищается, одновременно является объектом его положительной оценки; то, что ему не нравится, что он ненавидит, чего боится или стыдится, является объектом отрицательной оценки.

Эмоциональность, будучи по природе антропоцентричной, непосредственно соприкасается с оценочностью, которая немислима вне субъекта оценки, так как средства оценки классифицируются по характеру значимости в терминах оценочных предикатов «хорошо»/«плохо» [Романова 2006: 73]. Аксиологический аспект играет важную роль в классификации эмоций. Во многих концепциях, как философских и психологических, так и собственно лингвистических, оценочный компонент кладется в основу разделения предикатов эмоциональных состояний на две основные группы – положительные и отрицательные. В соответствии с данным разделением выделяют эмоциональные единицы, выражающие общеположительные эмоции, и эмоциональные единицы, выражающие общеотрицательные эмоции [Медведева 2001: 38]. Некоторые устойчивые выражения французского языка обладают положительно эмоциональным значением,

тогда как их компоненты не обладают таковым изначально, например: *mon choux*, *mon rat* – выражение любви и нежности к объекту внимания. Их составляющие *un choux* 'капустка' и *un rat* 'крыса' не несут в себе положительной коннотации.

Собственно оценочность в теориях эмотивистов выступает как эмотивность и подразумевает отношение субъекта к объекту, связанное с эмоциями. Изучение эмотивного компонента значения фразеологических единиц имеет особую важность при описании эмоциональных состояний, которые эти единицы выражают, так как такое описание тесно связано с эмоциональной оценкой. Фразеологические единицы, выражающие эмоциональные состояния, являются эмотивно маркированными выражениями с богатым коннотативным значением. Что касается оценочной коннотации, то современная эмотиология считает, что нет проблемы в разграничении оценки и эмоции: поскольку эмоция всегда есть оценка, то эмотивная коннотация всегда является оценочной [Шаховский 2007: 8].

1.7. Теоретические основы полевого подхода в изучении языка

При изучении языковых явлений исследователи используют самые различные подходы. Полевый подход к изучению языка является одной из возможных моделей репрезентации языковой картины мира или ее фрагмента. По мнению ряда авторов (Й. Трир, Р. Мейер, Ю.Н. Караулов, Г.С. Щур и др.), он является одним из наиболее перспективных.

Теория поля отражает такое понимание лексико-семантической системы, в котором преобладающая роль отводится связи языка с действительностью, соотносительности его с внеязыковой реальностью. Один из основоположников теории поля Й. Трир считает, что картина мира тождественна ее языковому выражению, которое, в свою очередь, адекватно соответствующему фрагменту действительности. Его теория стала попыткой создания структурального анализа смысловой стороны языка [Уфимцева 1962: 61-62].

По Й. Триру, «поле представляет собой группу слов, которые в содержательном отношении тесно связаны друг с другом и, будучи взаимозависимы, определяют значение друг друга» [Trier 1968: 10].

Существуют разные определения поля как единицы лексико-семантической системы. Так, Р. Мейер определяет поле как «взаимоупорядоченность некоторого ограниченного числа выражений, рассматриваемых под каким-то одним углом зрения» [Meyer 1910: 359].

Э. Косериу семантическим полем называет лексическую парадигму, которая возникает при делении всего лексического пространства на смысловые отрезки, соответствующие отдельным словам языка [Косериу 1969: 95].

Для Б.Ю. Городецкого «семантическое поле – это совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями» [Городецкий 1969: 173].

А. Вежбицкая под языковым полем понимает «фрагмент промежуточного мира в родном языке, который, органически расчлняясь на взаимодействующие группы знаков, характеризуется известной целостностью. Такое членение остается действенным и в том случае, если оно неочевидно для носителя и носитель не осознает его» [Цит. по: Караулов 1976: 26].

Языковое поле обладает определенными признаками, среди которых З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют следующие:

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой структурными отношениями.
2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.
3. Поле может объединять однородные и разнородные элементы.
4. В структуре поля выделяются микрополя, а также ядерные и периферийные составляющие.
5. Ядерные конститутенты наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются и обязательны для поля.

6. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций. Часть функций приходится на ядро, часть на периферию.

7. Граница между ядром и периферией и ее отдельными зонами является нечеткой, размытой.

8. Конституенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля и наоборот.

9. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов [Попова, Стернин 1989: 6].

Г. Кандлер выделяет специфические черты языкового поля, такие, как: содержательная значимость слов не может быть понятна, исходя из отдельного слова; в содержательном плане каждое слово зависит от всего состава поля близких по смыслу слов. Смысл слова определяется содержанием его соседей по полю. В основе любого поля лежит упорядочение его компонентов без пробелов, то есть поле непрерывно. Г. Кандлер определил следующие принципы, лежащие в основе поля: 1) принцип целостности: языковое поле полностью воспроизводит реальный мир, то есть понятийную картину данной языковой общности; 2) принцип взаимоопределяемости и принцип сплошности [Kandler 1959: 258-259].

Полю присуща такая черта, как историчность. Оно – не только факт языковой культуры, но и факт языковой истории [Seiffert 1968: 28].

Поле предстает как важное научное понятие, помогающее постичь свойства языка. Но точное содержание слова определяется только его взаимосвязями с другими словами.

Исследователи считают законом развития языкового поля как системы закон выделения из целого. Основное внимание уделяется словесным полям, при этом исследуются непосредственно значения слов. Так, Л. Вейсгербер исследует дифференциальные признаки значений слов в поле, закладывая тем самым основы компонентного анализа [Цит. по: Кезина 2004: 79].

В теории поля выделяются парадигматические, объединенные хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей, синтагматические и комплексные поля. Синтагматические поля отражают реальные группировки слов по их валентным связям. Комплексные, или комбинированные поля – это классы слов, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями [Кезина 2004: 80].

Всякое семантическое поле имеет свою специфическую структуру, которая предполагает взаимообусловленность компонентов системы. Э. Бенвенист считал, что «...трактовать язык как систему – значит анализировать его структуру. Поскольку каждая система состоит из единиц, взаимно обуславливающих друг друга, она отличается от других систем внутренними отношениями между этими единицами, что и составляет ее структуру» [Бенвенист 1974: 64].

Структуры разных семантических полей различаются в зависимости от культуры и развития сознания языкового коллектива, от уровня развития материальных условий, в которых протекает общественная жизнь, и тех принципов, по которым осуществляется сегментация действительности [Караулов 1976: 20].

Из отечественных лингвистов, занимающихся теорией поля, следует назвать такие имена, как: Л.М. Васильев (1971), В.Н. Денисенко (2002), Н.Г. Долгих (1973), С.В. Кезина (2004), В.И. Кодухов (1955), И.А. Стернин (1989), Ф.П. Филин (1982), Г.С. Щур (1974) и др.

Так, В.И. Кодухов отмечает целостность поля как системы и взаимообусловленность ее элементов, подчеркивая системный характер языка. В связи с этим он пишет: «Системный характер его (языка) проявляется в том, что различные языковые явления взаимно связаны друг с другом, функционируют как единое целое» [Кодухов 1955: 3].

Понятие семантического поля было введено в первой половине XX века. Под семантическим полем понимается множество слов, объединенных общностью содержания. М.А. Кронгауз семантическим полем счи-

тает не только объединение слов сходного значения, но и их семантическое описание, сделанное по определенной схеме [Кронгауз 2001: 159]. Ключевыми признаками в описании семантического поля он называет интегральный и дифференциальный признаки. Под интегральным семантическим признаком понимается определенный смысл, общий для всех слов данного поля. Дифференциальные признаки семантического поля составляют те смыслы, которые присущи лишь части слов и с помощью которых значения слов данного семантического поля могут быть различены [там же].

Семантическое поле, представляя собой систему, обладает рядом признаков, таких, как:

1. Семантическое поле – это совокупность слов, имеющих хотя бы одну общую сему и находящихся по отношению друг к другу в разнообразных связях. В системе должно быть не менее двух типов связей.

2. Любая система является частью другой системы, а каждый ее элемент тоже система. Семантическое поле органично входит в семантическое пространство языка, являясь частью его внутренней формы. Одновременно поле представляет собой систему систем: в нем можно выделить микросистемы (синонимы, антонимы, гиперо-гипонимические гнезда, отдельное слово как наименьшую систему).

3. Поле – система самоорганизующаяся. Источник и причины ее изменения лежат, как правило, в самой системе.

4. Система выполняет классифицирующую функцию: она классифицирует фрагмент мира.

5. Система отличается динамичностью, открытостью, гибкостью. Пространство семантического поля открыто для проникновения в него новых элементов. Подвижность поля обусловлена его способностью к самоорганизации, развитием абстрактного мышления, открытием новых признаков в предметах окружающего мира [Кезина 2004: 85].

Для представления лексики в виде семантического поля исследователи (Денисенко В.Н.) используют ряд принципов, основными из которых являются следующие:

1. Элементами поля, его минимальными единицами являются лексико-семантические варианты слова.

2. Элементы поля несовместимы и организованы по принципу гипонимии.

3. Единицы смежных полей, взаимодействующих с данным полем, входят своими вторичными значениями в определенный класс поля как вторичные номинации.

4. Минимальными объединениями элементов семантического поля являются лексико-семантические группы (ЛСГ) – единицы одной части речи, обладающие общим значением поля. Из их комбинаций складываются подклассы и все поле.

5. Единицы поля, кроме исходных гипонимических (классификационных) семантических отношений, способны обнаруживать другие категориальные отношения: эквивалентности (синонимия), противоположности (антонимия), обратности (конверсия), ассоциативности (полисемия, при условии смысловой однородности значений, или лексико-семантические варианты).

6. Поле представляет собой трехмерное пространство. Традиционно выделяют семантические, парадигматические и словообразовательные поля.

7. Общая структура поля имеет иерархический характер: ядро, центральную и периферическую части [Денисенко 2002: 44].

Фразеологический состав языка так же, как и лексический, может быть представлен в виде полевой модели. Фразеосемантическое поле является одной из частей языковой картины мира, в создании которой, наряду с лексическими единицами, активное участие принимают фразеологизмы. Под термином «фразеосемантическое поле» нами вслед за Н.А. Сабуровой понимается *совокупность фразеологических единиц, объединенных общим семантическим признаком* [Сабурова 2002: 82].

Фразеосемемы как единицы плана содержания фразеологизмов имеют в качестве денотата, то есть фрагментов внеязыковой действительности, вторичный десигнат. Исследуемое семантическое поле «Эмоциональ-

ные состояния человека» является составной частью суперполя «Человек», его элементом «Человек как эмоционально-чувствующий субъект».

Единицей изучения фразеосемантического поля может выступать *идеограмма* – «нейтральный эквивалент фразеологической единицы, представляющий собой слово или словосочетание, содержащее классему и основные элементарные смыслы (семы) фразеологизма [Кириллова 2003: 167]. В настоящей работе под идеограммой понимается ядерная фразеологическая единица каждого микрополя в структуре исследуемого ФСП. Характерным семантическим признаком идеограммы в таком случае является сема, содержащая нейтральное значение какого-либо эмоционального состояния и не имеющая дифференциальных признаков, влияющих на усиление или ослабление значения фразеологизма.

Понятие идеограммы применяется в основном во фразеологии, прежде всего потому, что фразеологизмы нуждаются в переводе не только с одного языка на другой, но и внутри одного языка, в силу его национальной специфики.

Роль идеограммы велика при семантическом описании языка, которое, по мнению Ю.Н. Караулова, должно начинаться с установления единицы описания, в качестве которой он предлагает «элементарное значение» [Караулов 1976: 314]. Во фразеологической семантике элементарному значению соответствует идеограмма. По мнению Н.Н. Кирилловой, значение идеограммы элементарно, так как оно сохраняет высшую степень обобщенности. Идеограмма универсальна. Это свойство вытекает из универсальности самой фразеологии. Поскольку фразеология представляет собой одну из универсальных категорий языка, а идеограмма является неотъемлемым элементом фразеологизмов, то и ей присуще свойство универсальности [Кириллова 2003: 169].

Фразеологическую систему можно представить в виде фразеологического пространства, ограниченного числом фразеологических значений, то есть идеограмм. Использование идеограммы в качестве единицы описания семантического поля определяет ономазиологический подход в исследовании: от объективной реальности к фразеологическому выражению.

§ 2. СОСТАВ И СТРУКТУРА ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА»

2.1. Эмоциональное состояние как лингвистическая категория

Язык, как глобальное явление, предстает перед исследователем в виде различных категорий. Языковые средства, выражающие внутреннюю жизнь человека, разнообразны и специфичны.

Исследования в различных отраслях лингвистики подводят к мысли о том, что языковые категории представляют собой определенные концептуальные структуры, или формы осмысления мира в языке. Это находит свое обоснование во взаимодействии процессов категоризации и концептуализации. В науке известен тезис о том, что все знания о мире хранятся в человеческом сознании в категориальной форме, то есть признаки и характеристики различных концептов не ограничиваются одним конкретным объектом, а распространяются на определенные классы объектов. Язык как средство обработки и интерпретации различных концептов также категориален. Категории занимают особое положение в концептуальном пространстве языка. Они являются формами концептуализации окружающего мира, формами языкового сознания [Болдырев 2005: 17].

Выражение эмоциональных состояний в языке требует конкретизации понятия и выявления содержания языковой категории состояния, которая представляет собой одну из универсальных языковых категорий, лежащих в основе языковой картины мира. Понятие «состояние» связано с идеями Аристотеля. В «Метафизике» он определяет состояние как одну из трех важнейших групп, наряду с Сущностью и Отношением, а в «Категориях» приводит известный список 10 категорий. Некоторые из них близки к категории состояния. Хотя, как таковая, категория состояния отсутствует в учении Аристотеля, им намечены и охарактеризованы те категории, которые в дальнейшем составили ее содержание.

Обозначения состояний относят, в первую очередь к лицам, указывая на их внутренние или внешние свойства. При этом различают состояния как таковые, представляющие собой признаки чувствующего субъекта, оцениваемые как бы изнутри, и внешние проявления состояний, поведение субъекта, оцениваемое со стороны. Первые могут описываться лишь самим субъектом, а вторые – сторонним наблюдателем [Селиверстова 1982: 324].

По мнению некоторых исследователей, языковая категория состояния обозначает «доминирующий в момент предикации временный и обусловленный признак предмета, события, явления» [Чельцова 1980: 7].

В лингвистике категория состояния изучена достаточно подробно. Термин «категория состояния» впервые был использован Л.В. Щербой в статье «О частях речи в русском языке». Л.В. Щерба представлял категорию состояния в виде функционально-семантического поля, ядро которого образуют формы типа *надо*, *жаль*, а периферию – словоформы, принадлежащие парадигмам склонения: *держаться молодцом*, и краткие прилагательные, например, *доволен* [Щерба 1974: 90].

Категорию состояния Л.В. Щерба рассматривал как часть речи, формальными признаками которой служат «неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой – с другой» [там же].

Значительно углубил учение о категории состояния В.В. Виноградов. Он называл ее «новой для русского языка, но очень активно развивающейся частью речи», и считал, что значения слов, обозначающих эмоциональное состояние – *зол*, *рад*, *стыдно* и др., являются частью этой категории [Виноградов 1986: 347].

Способы и средства выражения состояния в языке изучались многими исследователями (Булыгина 1997, Селиверстова 1982, Степанов 1981, Демьянков 1980, Васильев 1990, Алисова 1971, Кибрик 1980, Казарина 2002, Чейф 1975, Vendler 1967 и др.). Однако термин «состояние» в работах разных исследователей имеет различное содержание. Большинство исследователей рассматривают его как любое положение дел в объективной

действительности, взятое безотносительно к предыдущему существованию и последующему развитию, то есть всякое статичное бытие предмета, рассматриваемое в некоторый определенный момент. Это состояние может быть мгновенным или относительно продолжительным, то есть на временной оси оно может занимать либо точку, либо отрезок, соответствующий определенному промежутку времени [Бегаева 2006: 79].

Ю.А. Рылов под категорией состояния в русском языке понимает открытый класс слов, допускающих распространение синтаксемой с субъектным значением в дательном падеже и выступающих в функции сказуемого [Рылов 2003: 65]. Среди них встречаются слова, совпадающие по форме с наречиями: *нужно, можно, весело, скучно*, с существительными: *лень, срам, грех*), а также фразеологические единицы.

Во французском языке способы выражения этой категории изучались на лексическом (M. Grevisse, J. Dubois, Э. Бенвенист) и синтаксическом (M. Riegel) уровнях. В настоящем исследовании рассматривается выражение во французском языке категории эмоционального состояния на фразеологическом уровне.

2.1.1. Признаки лингвистической категории

«ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ»

Универсальная категория состояния обладает целым рядом признаков, таких, как: 1) признак временной локализованности, 2) признак фазовости, 3) признак квантифицируемости, 4) признак одновалентности, 5) признак несочетаемости с родовыми именами, 6) признак статичности, 7) признак дуративности, 8) признак неконтролируемости, 9) признак пассивности [Яковлева 2004: 6].

Фактический материал, собранный в ходе настоящего исследования, позволяет обнаружить большинство вышеперечисленных признаков у категории эмоционального состояния.

Так, *временная локализованность* представляет собой соотнесенность ситуации с определенным временным отрезком. Например, фразео-

логическое сравнение *être là comme une souche* 'стоять как пень, как истукан' выражает удивление и имеет варианты доминирующего компонента *demeurer (rester) comme une souche*. Глаголы *demeurer, rester* содержат сему «находиться в течение некоторого времени» и способствуют временной локализованности значения фразеологизма. В этом фразеологизме также проявляется присущий удивлению признак *статичности*.

Дуративность, то есть протяженность данного состояния во времени, также является одним из признаков эмоционального состояния, которое может быть длительным, а может быть кратким, владеть человеком долгое время или несколько секунд. Оно может быть перманентным или однократным. Так, например, во фразеологической единице *tenir sa colère* 'долго сердиться' значение глагола *tenir* обуславливает продолжительность состояния.

Протяженность эмоции также входит в понятие ее интенсивности. Д.А. Романов называет такую протяженность временной, или темпоральной. Например, *гнев* скоротечен, а *злоба* – название той же модальности, но более устойчивой во времени [Романов 2004: 14-15].

Важным признаком категории состояния является то, что субъект состояния, в отличие от субъекта действия, пассивен и не обладает целеполаганием. Данная характеристика определяется исследователями как признак *пассивности*. Так, в выражении *être comme une saucisse (разг.)* 'быть в крайнем смущении, обалдеть' эмоциональное состояние «Удивление» представлено как существующее само по себе, оно не требует усилий для своего поддержания. И, следовательно, будучи пассивным, это состояние одновременно *неконтролируемо*.

Категории эмоционального состояния присущ признак *фазовости*, который проявляется в том, что состояние существует «пофазно», то есть в каждый отдельный момент времени есть только одна фаза существования состояния, а не все состояние в целом. Целостность оно получает только в рамках определенного отрезка времени. Например, в выражении *en jeter*

plein les yeux 'удивить, поразить' семы глагола *jeter* 'бросать' и прилагательного *plein* 'полный, наполненный' позволяют представить пофазное развитие состояния удивления. ФЕ *en devenir bleu* 'разинуть рот от удивления' имеет различные варианты употребления главного слова: *en être bleu*, *en rester bleu*, *en bâiller tout bleu*. Каждый вариант определенным образом конкретизирует передаваемое ЭС, отражая различные фазы состояния: постоянство (*en être bleu*), длительность (*en rester bleu*, *en bâiller tout bleu*), начальную стадию (*en devenir bleu*). Как видно, семы, отражающие фазовость состояния, заключены в главном слове фразеологизма.

Предикаты состояний могут обозначать *квантифицируемые* явления, то есть описывать отдельные повторяющиеся ситуации, указывать на кратность, возможную прерывистость состояний.

Не всякий признак состояния находит свое выражение с помощью фразеологических единиц. Но ФЕ в сочетании с выражениями *de temps en temps*, *au moment*, *souvent*, *toujours*, *tout le temps* приобретают значение квантифицируемости. Например: *Nous levons les yeux et apercevons les deux gros Allemands qui repoussent impatiemment la danseuse de tarentelle. Une seconde elle reste bouche bée...* (S. Kémeri. *Promenades d'Anatole France*). *Подняв глаза, мы видим двух толстенных немцев, которые с нетерпением отталкивают танцовщицу. На миг она застыла, разинув рот...*

В приведенном примере признак квантифицируемости эмоционального состояния «Удивление» передается при помощи лексической единицы *une seconde* в сочетании с ФЕ *bouche bée*.

Любое эмоциональное состояние обладает таким признаком, как *изменчивость*. В основе данного признака лежит представление о мире, как о постоянно изменяющейся и развивающейся системе. Изменяется не только окружающая действительность, отношение к ней самого человека, но и эмоциональное восприятие и отражение им (человеком) мира, в котором он живет. Изменение состояния «Удивление», например, можно проследить с помощью глаголов движения, входящих в состав фразеологических

единиц, выражающих данное ЭС: *tomber 'надать' (les bras lui en tombent 'остолбенеть от удивления'), ouvrir 'открывать' (ouvrir des yeux comme des souscoupes 'широко раскрыть глаза от удивления')*. Для данных глаголов характерна утрата их денотативного значения в составе ФЕ. Одновременно они маркируют переход из одного состояния в другое.

Характерной особенностью языковых средств выражения ЭС является их способность выражать *интенсивность* состояния. Эмоции могут быть более сильными и более слабыми. Исследователи (Е.М. Вольф) выделяют четыре зоны на шкале эмоций: зона слабой степени эмоции, средней степени эмоции, сильной степени эмоции, аффекта. В целом шкала языковых обозначений эмоциональных состояний отражает объективно существующие градации ЭС по интенсивности, и в первую очередь различает собственно эмоции и аффекты. К аффектам обычно причисляют эмоции очень сильной интенсивности, при которой субъект теряет контроль и над своим состоянием, и над его проявлениями. Такие проявления в языке часто выражаются метафорами.

Все вышеперечисленные признаки состояния тесно связаны между собой и являются дополнением друг друга. На базе признаков категории эмоционального состояния формируется ее структура.

2.1.2. Структура лингвистической категории

«эмоциональное состояние»

Эмоциональные состояния, обладая вышеперечисленными признаками универсальной категории состояния, имеют свою специфическую структуру, основными элементами которой мы, вслед за Е.М. Вольф, считаем *субъект, предикат и причину (фактор)*.

Характеристика субъекта является одним из важных аспектов состояния. В наивной картине мира физический субъект – носитель эмоции представлен как некая целостность. Представление о целостности субъекта отражается в семантике предикатов и фразеологических единиц, а также в семантике интенсификатора, входящего в состав ФЕ. Во французском язы-

ке такой интенсификатор может быть представлен местоимением *tout, toute* 'весь, вся'. Например: *se fâcher tout rouge, voir tout rouge* 'страшно рассердиться', *être dans tous ses états* 'волноваться, беспокоиться'.

- *Lambesq se fâcha tout rouge avec son mulet, qui, en évitant ses coups, perdit la tête et se lança dans l'abîme* (G. Sand. *Le Beau Laurence*). – Ламбеск дошел до белого каления, воюя со своим мулом, который, спасаясь от его ударов, потерял голову и ринулся в пропасть.

Как видно, местоимения-интенсификаторы способствуют целостному восприятию субъекта состояния.

Субъект эмоционального состояния обладает такими свойствами, как: 1) целостность, 2) инактивность. Во фразеологизмах французского языка, выражающих эмоциональные состояния, субъект ЭС отсутствует либо представлен существительным, местоимением или притяжательным прилагательным в роли дополнения или определения. Так, например, в выражении *avoir sa chique* (разг.) 'быть не в духе' прилагательное *sa* 'свой' (чей-то, принадлежащий определенному субъекту) указывает на присутствие субъекта состояния.

Другим свойством субъекта эмоционального состояния, как сказано выше, является его инактивность. ЭС возникают помимо воли субъекта и провоцируются либо внутренними причинами, либо событиями, лежащими вне субъекта и также не зависящими от его воли и желания. Это свойство субъектов ЭС отражается в метафорах, например: *compter (toutes) heures* 'считать часы, томиться ожиданием, скучать'.

- *Pour le moment, par exemple, mal dans sa peau, il comptait les heures qui le séparaient de Lausanne, puis de Paris* (G. Simenon. *Le Train de Venise*). – В данный момент ему что-то стало не по себе, он считал часы, отделяющие его от Лозанны, потом от Парижа.

Среди многообразия фразеологических единиц выделяются такие, которым свойственна сема приведения субъекта в то или иное состояние. Этим значением обладают ФЕ: *taper l'œil* 'поразить, удивить'; *faire sortir*

les yeux de la tête 'привести в крайнее изумление', *en jeter plein les yeux* 'удивить, поразить'; *couper bras et jambes à qn* 'удивить, привести в состояние оцепенения, парализовать от удивления'; *en boucher un coin à qn* (pop.) *ошарашить, огорошить кого-л.* Как видно, в структуре фразеосочетаний главным словом является переходный глагол. Активная форма глагола включает в себе сему действия, которое приводит субъекта в определенное состояние. *Причина (фактор)*, которая является следующим элементом структуры ЭС, определяет, таким образом, присутствие агенса, выражающееся в языке переходным глаголом в качестве доминирующего слова фразеологизма.

Причиной является событие, вызывающее соответствующее состояние. Определения причин строятся по модели, куда входят основные элементы – удовольствие / неудовольствие субъекта эмоции, вред по отношению к «другому», оценка «хорошо / плохо» [Вольф 1989: 57]. Причина (фактор) способствует переживанию субъектом определенного эмоционального состояния. Как элемент структуры ЭС, причина представляет собой событие, которое может быть обозначено различными способами в пределах высказывания, и поэтому она находится вне понятийной зоны фразеологизма.

Эмоциональные состояния могут обозначаться различными видами предикатов: глаголами и глагольными конструкциями, прилагательными, существительными, фразеосочетаниями. Предикаты эмоционального состояния не содержат актанта – объекта отношения. Они имеют общие свойства, характеризующие предикаты внутреннего состояния вообще, такие, например, как ограниченная протяженность во времени, инактивный субъект. И одновременно обладают свойствами, характерными именно для ЭС. В таких свойствах проявляется субъективный аспект значения эмоциональных состояний – специфичность, оценочность, способность к интенсификации [Вольф 1989: 59].

Большинство ЭС включает в свою структуру *оценочный элемент* «хорошо / плохо». Однако не все они связаны с определенным оценочным

знаком. Эмоциональные состояния могут быть и хорошими, и плохими. Волноваться можно и от радости, и от горя. Сфера удивления может также быть и хорошей, и плохой, поскольку удивляются и радостным событиям, и горестным.

Таким образом, эмоциональные состояния, обладая абсолютным большинством признаков языковой категории состояния, являются ценным объектом лингвистических исследований. Фразеологические единицы представляют собой наиболее эффективное средство для изучения признаков ЭС и их структуры. Компоненты фразеосочетаний позволяют наиболее отчетливо увидеть и выделить не только признаки состояния, но и эмоциональный компонент, заключенный в значении фразеологизма.

2.2. Состав фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека»

Для определения состава фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» необходимо, прежде всего, выделить основные признаки фразеологической единицы французского языка. Большинство исследователей выделяют семантический признак в качестве основного признака фразеологизма (В.В. Виноградов, В.П. Жуков и др.). Однако известно, что семантической цельностью обладают не только фразеологизмы, но и свободные словосочетания. По мнению А.Г. Назаряна, основной признак фразеологической единицы должен быть не только семантическим, но и дифференциальным [Назарян 1987: 40]. В процессе фразеологизации происходит семантическое преобразование, в ходе которого план содержания и план выражения не совпадают. Наличие такого преобразования превращает свободное словосочетание во фразеологическую единицу и придает ей фразеологическую устойчивость. В качестве примера можно привести ФЕ *être en saeur* 'быть веселым, бодрым; быть усердным'. Как видно, значение выражения не вытекает из значения его компонентов. В ходе фразеологизации

произошло переосмысление, что привело к несоответствию плана содержания плану выражения. Под фразеологизацией нами, вслед за А.Г. Назаряном, понимается процесс семантического преобразования, приводящий к формированию качественно новых единиц языка. Семантическое преобразование, таким образом, выступает основным признаком фразеологических единиц французского языка, позволяющим отграничить их от устойчивых нефразеологических выражений [там же: 41].

Процесс семантического преобразования может распространяться на все словосочетание, и тогда преобразование является полным, а фразеологизм предстает как идиома, например: *ficher (filer, foutre) le bourdon à qn* 'испортить настроение кому-л., нагнать тоску'. Значение отдельных компонентов данного фразеологизма, его план выражения не совпадает со значением всей идиомы – планом содержания.

Семантическое преобразование может распространяться на часть словосочетания, и тогда оно является частичным: *être mal luné (прост.), être de mauvais poil (прост.)* 'быть в плохом настроении, быть дурно настроенным'. Первая часть в приведенных примерах не подвергается переосмыслению: глагол *être* употребляется в своем основном значении 'быть', тогда как вторая часть предстает полностью переосмысленной.

Прямым следствием семантического преобразования, приводящего к фразеологизации словосочетания, является возникновение смысловой зависимости между компонентами последнего. Эта зависимость может быть различной. Именно характер взаимозависимости значений компонентов внутри словосочетаний позволяет выделять идиоматические и неидиоматические выражения. К идиоматическим принято относить такие словосочетания, значение которых не вытекает непосредственно из значения компонентов. Можно выделить два случая взаимозависимости значений компонентов фразеологической единицы. В первом случае, когда переосмыслению подвергается лишь часть выражения, наблюдается односторонняя взаимозависимость значения компонентов. При полном переосмыслении

имеет место двусторонняя зависимость значений компонентов фразеологизма [Гак 2004: 240].

Приведенные выше теоретические положения, лежащие в основе фразеологизации словосочетания, а также собранный в ходе исследования фактический материал позволяют определить состав фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека». Он включает в себя несколько групп эмотивных фразеологических единиц, объединенных общим компонентом значения «испытывать то или иное эмоциональное состояние», «находиться в том или ином эмоциональном состоянии». В составе рассматриваемого ФСП выделяются следующие группы фразеологизмов.

1. Фразеосочетания с односторонней взаимозависимостью значения компонентов, например: *crever le cœur* 'разрывать сердце, расстрогать'.

- *Viens avec moi, lui dis-je. – Non, fit-il, la vue de Catherine me crève le cœur, et puis il faut aussi que je reste avec mon père* (Erckmann-Chatrion. *Waterloo*). – *Идем со мной, – сказал я ему. – Нет, – ответил он, – когда я вижу Катрин, у меня разрывается сердце, а кроме того, мне нужно остаться с отцом.*

2. Идиоматические выражения с двусторонней взаимозависимостью значения компонентов. Например: *avoir de la tête près du bonnet* 'лезть в бутылку, сердиться'; *chercher des poux dans la tête* 'ссориться по пустякам'.

3. Компаративные фразеологизмы (КФ), или фразеологические образные сравнения. Известно, что не всякое устойчивое образное сравнение французского языка можно отнести к компаративным фразеологизмам. Некоторые исследователи французской фразеологии (Ф. Брюно, Ш. Брюно, Ж. Марузо) считают все образные сравнения сложными словами: «Des locutions populaires du type *blanc comme neige* doivent être considérées comme des mots composés» [Bruno 1936: 140]. Конечно, не все образные сравнения входят во фразеологический запас языка, а лишь те из них, в которых сравнительный компонент выступает как эталон приписываемого субъекту качества или признака, в результате чего этот компо-

нент, как и все словосочетание, приобретает обобщающее значение. Этот процесс сопровождается частичной утратой сравнительного значения словосочетаний, в чем и заключается принципиальное отличие компаративных ФЕ от образных нефразеологических сравнений [Назарян 1987: 196]. В качестве примеров третьей группы состава ФСП «Эмоциональные состояния человека» могут служить такие выражения, как: *être gai comme un pinson* 'быть очень веселым'; *prendre feu comme de l'amadou* 'вспыхнуть, рассердиться'; *heureux comme un tueur de cochons* 'очень счастлив'.

4. Выражения пословичного типа также входят в состав рассматриваемого фразеосемантического поля. Для них характерно ситуативное расширение смысла словосочетания. Пословицы, как правило, обладают обобщенным смыслом, что, однако, не лишает их возможности выражать эмоциональные состояния. Например: *c'est à mourir (à crever) de rire* (посл.) 'ну и потеха, животики надорвешь от смеха'; *un peu de honte et bien passé* (посл.) 'стыд не дым, глаза не выест'.

- *Il avait du sang dans la bouche. Il remua les lèvres. – C'est à mourir de rire ... à mourir* (Boileau-Narcejac. *La vie en miette*). – *Во рту у него была кровь. Он пошевелил губами. – Ну и потеха, можно умереть со смеху ... умереть.*

Для паремических выражений ФСП «Эмоциональные состояния человека» характерно предикативно-денотативное переосмысление по метафорическому (или метонимическому) признаку. Об этом свидетельствует, например, значение пословицы *qui craint le danger ne doit pas aller en mer* (посл.) 'волков бояться – в лес не ходить'. Для паремий в составе исследуемого поля характерно выражение состояния в целом без конкретизации его интенсивности; при этом их удельный вес невелик.

Состав фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» не представляет собой замкнутое образование. Он может расширяться и включать в себя другие объединения фразеологизмов. Представленные нами группы сформированы на базе выделенного для исследования корпуса фразеологических единиц.

Состав поля позволяет определить его структуру, которая представляет собой многоступенчатое, сложное образование, характеризующееся определенной стройностью и взаимозависимостью компонентов.

2.3. Структурная организация фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека»

Понимание языка как системы систем является одним из основных положений современной лингвистики. Полевой подход к явлениям языка базируется на понимании языковой системы как инструмента мысли и коммуникации, как системы средств, служащей определенной цели. Понятие поля прочно вошло в современные методы исследования разных областей и уровней языка. Поле рассматривается не только как единое целое, но и как составное образование, включающее в себя ряд иерархических элементов [Моисеева 2002: 64 – 65].

Фразеосемантическое поле «Эмоциональные состояния человека» выступает системообразующим фрагментом языка как мегасистемы. Оно представляет собой строго организованную систему, внутри которой существуют упорядоченные иерархические отношения между подсистемами, и компоненты которой характеризуются общим инвариантным признаком. Составляющие его аспекты подчинены логике отношений. Такой принцип упорядочения компонентов поля не навязывается языку извне, а вытекает непосредственно из языковых данных и происходящих в языке процессов [Апресян 1995: 223].

Теоретической основой настоящего исследования являются научные изыскания доктора филологических наук, профессора Моисеевой С.А. в области моделирования семантических полей (Моисеева 1998, 1999, 2002, 2005, 2006).

Фразеосемантическое поле «Эмоциональные состояния человека» мы определяем как упорядоченное множество фразеологических единиц,

объединенных семантическим примитивом «испытывать какое-либо эмоциональное состояние», «находиться в каком-либо эмоциональном состоянии». Являясь фразеологической макросистемой, данное поле характеризуется автономностью, целостностью и специфичностью для конкретного языка [Моисеева 2002: 65]. Для построения ФСП «Эмоциональные состояния человека» используется идентификационный принцип, активно применяемый С.А. Моисеевой при построении семантического поля восприятия [Моисеева 1998: 161; 2005: 158]. Следуя этому принципу, исследование базируется на словарных дефинициях, что позволяет не только объединить фразеологические единицы с общим семантическим показателем в составе одного поля, но и определить степень интенсивности передаваемого состояния, что является важным моментом для выделения ядра, центра и периферии поля.

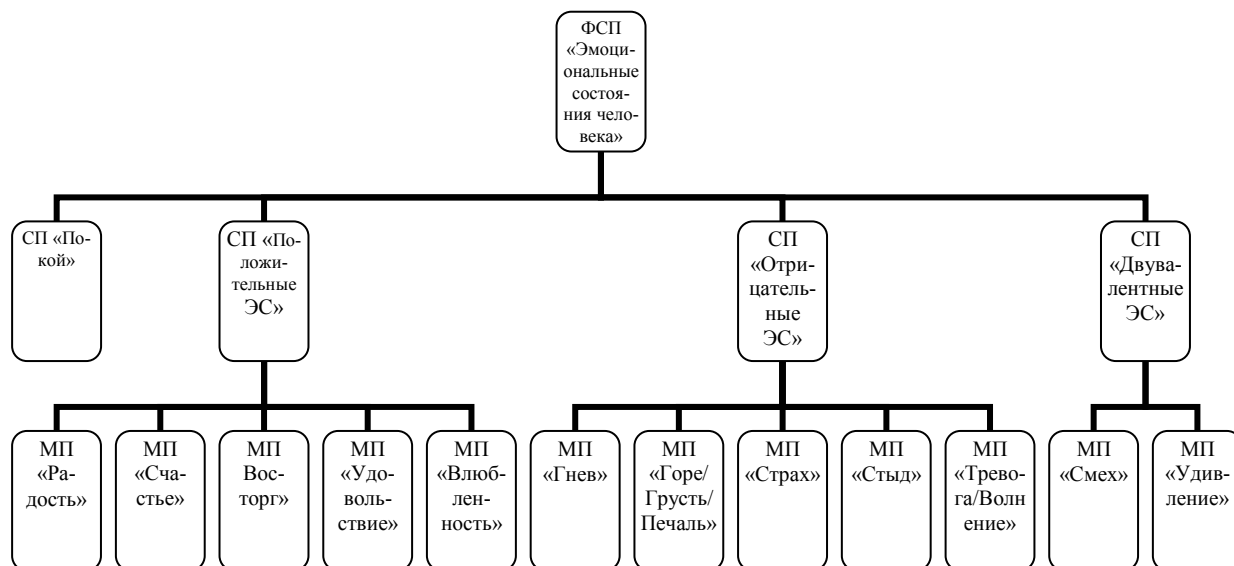
Описание отношений внутри семантического поля выполняется при помощи методики компонентного анализа, исходя из того, что каждый член ФСП отличается от другого члена поля хотя бы однойемой.

ФСП «Эмоциональные состояния человека» представляет собой многомерное образование, включающее несколько субполей (СП), то есть полей ограниченного размера в составе единого рассматриваемого ФСП. Это такие субполя, как: 1) субполе «Покой – нулевая точка отсчета ЭС»; 2) субполе «Положительные ЭС»; 3) субполе «Отрицательные ЭС»; 4) субполе «ЭС с биполярной модальностью». В свою очередь, субполе «Положительные ЭС» имеет в своем составе микрополя (МП) – меньшие по размеру, чем субполе, полевые образования. Это микрополя «Радость», «Счастье», «Восторг», «Удовольствие», «Влюбленность». Субполе «Отрицательные ЭС» включает в себя микрополя «Гнев», «Страх», «Грусть / Печаль / Горе», «Тревога / Волнение», «Стыд». И, наконец, последнее из выделенных субполе состоит из микрополя «Удивление» и микрополя «Смех». Таким образом, собранный для исследования фактический материал позволяет выявить трехуровневую структуру фразеосемантического

поля «Эмоциональные состояния человека». Наглядно представить исследуемое поле позволяет следующая схема:

Схема № 1.

Общая структура ФСП «Эмоциональные состояния человека»

В ФСП «Эмоциональные состояния человека» выделяется ядро с центральной частью и периферия. Ядро содержит в себе архисему «испытывать какое-либо эмоциональное состояние». Единицы поля связаны между собой семантическим интегральным признаком, который служит основанием для полевого объединения фразеологических единиц. Дифференциальные признаки не только позволяют распределить ФЕ по разным микрополям и субполям, но и установить семантические отличия внутри одного микрополя или субполя. Системное расположение фразеологических единиц от ядра к центру и периферии зависит от семы интенсивности выражаемого ЭС. Ядро составляют идеограммы, то есть фразеологические единицы, не выражающие интенсивность состояния. Чем сильнее и отчетливее фразеологизм передает интенсивность ЭС, тем более он удален от центра поля. Таким образом, на периферии поля находятся ФЕ, выражающие наивысшую степень эмоционального состояния.

2.3.1. Субполе «Покой»

Исследователи (Лакофф Ж., Джонсон М.) отмечают, что представление о психике человека ассоциируется с его параметрическими характеристиками по вертикали и горизонтали. Данный тезис правомерен и для характеристики эмоций. В наивной картине мира эмоциональное состояние «Покой» связано с неподвижным, вертикальным положением тела, отсутствием резкой мимики.

Фразеология, как специфическое языковое явление, довольно ограниченно отражает то состояние, которое не имеет специфических экстралингвистических средств выражения. Поэтому фразеосемантическое субполе «Покой» представляет собой наименьшее по объему образование в составе ФСП «Эмоциональные состояния человека».

Фактический материал позволяет выделить в ядро субполя выражения *en avoir le cœur net* 'на сердце спокойно', *la chair tranquille* 'держась спокойно, сохраняя спокойствие', *avoir son esprit en repos* 'на душе спокойно', имеющие архисему «испытывать состояние покоя». Внутри поля выделяется оппозиция с дифференциальной фазовой семой, указывающей на ту или иную фазу состояния (его начало или конец). Например: *prendre haleine* 'перевести дух; успокоиться'.

- *Messieurs, dit Madeleine à ses soupirants... je désire demeurer quelque temps libre de ma personne afin de reprendre haleine.* (O. Feuillet. *Scènes et proverbes*). – Господа, – объявила Мадлен своим воздыхателям, – ... я желаю некоторое время сохранить за собой свободу действий, дабы вновь обрести спокойствие.

Наблюдения над фактическим материалом позволяют выделить начальную фазу состояния: *prendre son calme* 'успокоиться, взять себя в руки'.

- *C'est un mensonge, c'est un cauchemar, je vais me réveiller. Réveille-toi... Madeleine!*

- *Prends ton calme.* (J. Cocteau. *Les parents terribles*).

– *Это ложь, это кошмар, но я сброшу его с себя. Очнись и ты, Мадлена!*

– *Возьми себя в руки.*

В выражениях *être (rester) de glace* 'быть (оставаться) холодным, безучастным', *être froid comme une carafe d'orgeat* (разг.) 'быть очень холодным, равнодушным, флегматичным' интегральной семе «испытывать состояние покоя» противостоит дифференциальная сема «оставаться равнодушным в течение определенного промежутка времени». В данных фразеологических единицах при односторонней зависимости значения компонентов переосмысление базируется на метафорическом признаке.

Фразема *se tenir à carreaux* (прост.) 'сидеть спокойно, сохраняя спокойствие' так же, как и предыдущие ФЕ, имеет дифференциальный семантический признак, указывающий на длительность состояния. В то же время она относится к просторечному стилю. Сниженный стилистический регистр обеспечивает данной единице место на периферии субполя «Покой».

Исследование показало, что в ограниченном по объему субполе «Покой» выделяются лишь две оппозиции, обусловленные дифференциальными семами: фазовой и дуративной. Однако, несмотря на малый объем, в структуре данного субполя присутствует четкая взаимозависимость его конституентов. Периферия поля максимально приближена к центру. Это объясняется тем, что интегральный и дифференциальный семантические признаки отличаются не более чем одной дифференциальной семой.

2.3.2. Субполе «Положительные эмоциональные состояния»

Согласно биологической теории эмоций (Анохин, 1949), основным признаком положительного эмоционального состояния является его закрепляющее действие, как бы санкционирующее полезный приспособительный эффект, который формируется при помощи аппарата оценки. Развитие эмоциональных состояний человека – от первичных примитивных ощущений до высших форм удовлетворения в определенной деятельности,

произошло на основе формирования аппарата оценки результатов действия [Анохин 1984: 173].

Положительные эмоциональные состояния представляют собой сложное психологическое явление. Исследователи относят их к смешанному типу эмоций (*émotions mixtes*) [Lavirey, 2002]. Эта особенность положительных ЭС, таких, как счастье, широко отражена во фразеологическом составе французского языка. В ЭС «Счастье» можно выделить несколько составляющих. Это радость, восторг, удовольствие и соответствующие им микрополя.

Каждое из микрополей субполя «Положительные эмоциональные состояния» имеет дифференциальный семантический признак, указывающий на определенное состояние (радость, восторг, счастье, удовольствие). В зависимости от дифференциальной семы в каждом микрополе выделяются ядерные ФЕ. Метод словарных дефиниций позволяет выделить в ядре каждого микрополя стилистически нейтральные фразеологизмы, не ограниченные в сферах употребления. Например, ядро микрополя «Радость» – «*la joie*»: *émotion agréable et profonde, sentiment exaltant ressenti par toute la conscience* [PR 1973, 949] содержит идеограмму *être à (dans) la joie de son cœur* 'радоваться всем сердцем'.

В центральной части микрополя «Радость» находятся ФЕ *être à (dans) la joie de son cœur* 'радоваться всем сердцем, веселиться от души'; *ne pas sentir d'aise* 'не чувствовать под собой ног от радости'; *ne pas se tenir de joie* 'быть вне себя от радости', имеющие дифференциальную сему усиления состояния.

- *Richelieu sait gré à Mme de Pompadour de l'avoir débarrassé de son vieil adversaire. Il paraît que le jour où fut annoncée la disgrâce, il ne se tenait pas de joie. (J. Levron. *Secrète Madame de Pompadour*). – Ришелье был благодарен мадам де Помпадур за то, что она освободила его от старого противника. Казалось, что в день, когда тому объявили опалу, он был вне себя от радости.*

В микрополе «Радость» анализ фактического материала позволяет выделить ближнюю и дальнюю периферии. Компаративный фразеологизм *bicher comme un (petit, vieux) pou (comme un pou sur la tête d'un teigneux)* 'ликовать, не помнить себя от радости' помещается в ближнюю периферийную зону микрополя. Он имеет, по меньшей мере, две дифференциальных семы: «высокая степень эмоциональности выражения состояния» и «наивысшая степень его интенсивности».

- *Regardez-le, comme il est heureux! persifla Bobin. Il biche comme un petit pou (P. Siniac. Le Casse-croûte).* – *Посмотрите на него, как он счастлив! – сказал с издевкой Бобен. Себя не помнит от радости.*

В ближней периферии данного микрополя находятся также предикативные фразеологические единицы *avoir l'air d'un bienheureux* '1) иметь почтенный вид; 2) сиять от радости' и *avoir l'air à la danse (à la noce)* '1) любить потанцевать; 2) быть оживленным, веселым'. Это единицы с односторонней зависимостью значения компонентов. Переосмысление здесь базируется на метафорическом образе. Как полисемичные, они одновременно покрывают периферийные зоны нескольких фразеосемантических полей: «Эмоциональные состояния», «Внешний вид человека», «Деятельность человека».

- *Dites donc, Favier, murmura Hutin, regardez le patron, là-haut... Il n'a pas l'air à la noce (E. Zola. Au Bonheur des dames).* – *Послушайте, Фавье, – прошептал Ютен, – посмотрите на хозяина, там наверху... Вид у него совсем невеселый.*

Стилистически сниженные фразеологические единицы выражают большую, чем нейтральные, степень интенсивности эмоционального состояния, например: *se lécher (s'en lécher, se purlécher) les babines* (разг.) 'облизываться от удовольствия', *prendre des airs râmés* (разг.) 'закатывать глаза, млеть от восторга'. Словарные пометы, ограничивающие сферу употребления этих выражений, определяют их место в дальней периферии поля.

Микрополе «Восторг» – «admiration»: sentiment de joie et d'épanouissement devant ce qu'on juge sérieusement beau ou grand [PR 1973, 22] в качестве ядра имеет предикативную ФЕ *être au comble de la joie* 'быть на верху блаженства' и субстантивную единицу *l'âme en fête* 'быть в восторженном состоянии'. Особенность последней ФЕ состоит в том, что она представляет собой субстантивную фразему и является редким случаем у фразеологизмов, выражающих эмоциональные состояния.

- *Son cheval se carrait à chaque instant. Il était au comble de la joie.* (Stendhal. *Le Rouge et le Noir*). – Конь под ним то и дело вставал на дыбы. Он был на верху блаженства.

- *Devant elle il se découvrait timide comme à seize ans. Il partit l'âme en fête, emporté par une rame* (H. Troyat. *Le geste d'Eve*). – В ее присутствии он чувствовал себя робким, как шестнадцатилетний юноша. Но когда он расстался с нею, уносимый поездом, в душе его все пело и ликовало.

На периферии МП «Восторг» находятся ФЕ с дифференциальной семой «вызвать восторженное состояние», такие как: *forcer (soulever) l'admiration* 'вызвать восхищение, восторг'.

В ядре микрополя «Удовольствие» – «le plaisir»: état affectif fondamental, un des deux pôles de la vie affective: sensation ou émotion agréable, liée à la satisfaction d'une tendance, d'un besoin, à l'exercice harmonieux des activités vitales [PR 1973: 1317] представлена единица *être bien aise* 'быть очень довольным'.

- *Ils étaient bien aises de se venger de son intransigeance et de façon dont il les tenait à l'écart...* (R. Rolland. *Les Amies*). – Им доставляло удовольствие отомстить ему за его прямолинейность и за то, что он сторонился их ...

На периферии данного микрополя с дифференциальным семантическим признаком «испытывать высшую степень удовольствия» находятся ФЕ *se râner d'aise (de plaisir)* 'млеть от удовольствия'; *prendre son plaisir à...* 'наслаждаться'.

- *Hadj Madhoni prit longuement son plaisir à bien voir de ses yeux, bien toucher de ses doigts. (C. Farrer. Les Hommes nouveaux). – Хадж Мадхони долго наслаждался возможностью все видеть собственными глазами, все трогать собственными руками.*

Вышеназванные фразеологические единицы взаимосвязаны, так как они имеют один интегральный семантический признак «быть в хорошем состоянии духа».

Микрополе «Влюбленность»

Любовь представляет собой сложный объект как для психологического, так и для лингвистического анализа. С одной стороны, понятие «любовь» отражает определенную психологическую реальность и обладает достаточной конкретностью. С другой – любовь необходимо отличать от остальных, связанных с ней чувств, таких, например, как дружба, секс и др. Термином «любовь» обозначаются качественно различные отношения. Это и чувство матери к ребенку, и отношения молодых людей, и супружеская любовь, любовь к своему делу, любовь к Родине. Психологи выделяют несколько специфических типов любви: братская, материнская, эротическая, любовь к самому себе, любовь к Богу [Гозман 1987: 48]. Любовь характеризуется как *amour paternel, maternel, filial, platonique, brûlant, éperdu, éternel, immense, profond, fidèle, constant, transi, fou, tendre, chaud, cordial* [Lacroix 1961: 23].

В понятии «любовь» можно выделить такие составляющие, как забота, ответственность, уважение, знание, положительные чувства по отношению к партнеру, эротические чувства, потребность в положительном отношении со стороны партнера, чувство близости и интимности и даже чувство враждебности [Хатисс 1969: 28]. Последняя составляющая (враждебность) в проявлении любовных переживаний не позволяет однозначно рассматривать любовь как положительное чувство, которое к тому же часто сопровождается состоянием тревоги, грусти, печали. Любовь способна выступать как амбивалентное чувство: можно одновременно любить и нена-

видеть. Существует безответная любовь, причиняющая страдания. «Любовь» как концепт неоднократно подвергалась детальному изучению (С.Г. Воркачев и др.). Задачей настоящего исследования является построение полевой модели состояния «Влюбленность», которое мыслится нами как всегда положительное. Оно характеризуется такими изменениями в организме человека, которые принято считать полезными, укрепляющими дух, благотворно сказывающимися на здоровье. Состоянию влюбленности соответствует приподнятое настроение, в этот период мобилизуются познавательные механизмы личности, необходимые для активной деятельности индивида.

Как положительное ЭС влюбленность широко представлена во фразеологии французского языка. Во фразеосемантическом поле «Эмоциональные состояния человека» нами выделяется отдельное микрополе с соответствующим названием. Ядро рассматриваемого микрополя состоит из фразеологизмов, объединенных синонимической связью и архисемой «быть влюбленным». К ним относятся выражения предикативного типа с односторонней зависимостью компонентов, такие, как: *avoir le cœur épris de qn* 'быть влюбленным', *être en amour* 'быть влюбленным', *tomber amoureux* 'влюбиться'. Как видно из фактического материала, метафоризации подвергаются различные структурные составляющие фразеологизма. Фразеологический образ заключен и в зависимом (*le cœur épris*), и в главном (*tomber*) компонентах ФЕ.

В центральной части микрополя в оппозиции к ядерным единицам находится выражение *aimer d'amour* 'страстно, искренне любить', обладающее дифференциальной семой усиления эмоциональности благодаря повторению в одном фразеосочетании двух однокоренных слов.

- *Monsieur Daniel, me dit le Cévenol... ce que je veux savoir de vous est très simple... C'est bien le cas de le dire... La petite vous aime d'amour ... Est-ce que vous l'aimez vraiment vous aussi?* (A. Daudet. *La Petite Chose*). – Господин Даниель, – сказал мне мой земляк. – Мне нужно получить от вас

ответ на один простой вопрос... *Малютка любит вас по-настоящему. А вы? Вы ее действительно любите?*

Фразема *s'éprendre d'amour pour (de) qn* 'страстно влюбиться в кого-л.' также имеет дифференциальную сему интенсивности состояния. Характерной структурной особенностью данного выражения является вариативное употребление предлога. В качестве вариантов используются предлоги *pour* и *de*. Употребление глагола *s'éprendre* не влечет за собой семантической обратной связи, тогда как в выражении *s'adorer à la bouche perdue* 'любить друг друга без памяти' в семантике глагола *s'adorer* заключена так называемая обратная связь, представленная дифференциальной семой «влюбиться друг в друга».

На оси интенсивности переживаемого состояния по мере его усиления расположены идиоматические выражения *avoir qn dans la peau* 'влюбиться в кого-л. по уши', *sentir le diable dans son ventre* 'быть во власти страстей'.

Выражения центральной части микрополя «Влюбленность», как и его ядерные единицы, характеризуются синонимической связью. В то же время они имеют дифференциальную сему, указывающую на различную интенсивность состояния.

Фразеосочетание *avoir le coup de foudre* 'влюбиться' также находится в центральной части микрополя, но имеет фазовую дифференциальную сему, обозначающую начальную фазу состояния. Изменение состояния происходит быстро благодаря метафорически переосмысленному выражению *avoir le coup de foudre*.

- *En 2002, la journaliste Brigitte Brault, 41 ans, tourne un documentaire en Afganistan. Elle a le coup de foudre pour Shzada, 35 ans, chef d'une tribu montagnarde, marié et père de sept enfants (Marie Claire, N 656, avril, 2007).* – В 2002 году журналистка Брижит Бро, 41 года, снимает документальный фильм в Афганистане. Она влюбляется в Жада, 35 лет, вождя одного из горных племен, женатого мужчину и отца семерых детей.

Компаративные фразеологизмы *aimer comme un fou, amoureux comme une chatte, amoureux comme un roi* 'быть влюбленным до безумия' с дифференциальной семой интенсивности состояния составляют ближнюю периферию микрополя. Они представляют собой предикативные и адъективные образные сравнения с традиционным для них союзом *comme*.

- ... *pour moi, la conclusion était facile à tirer: elle ne t'aimait pas, et tu l'aimais comme un fou* (H. de Balzac. *Le contrat de mariage*). – ... мне нетрудно было прийти к заключению: она не любила тебя, а ты был влюблен в нее до безумия.

- *Quant à la petite Fadette elle était assez fine pour connaître enfin que Landry était bel et bien amoureux comme un roi* (G. Sand. *La petite Fadette*). – Маленькая Фадетта была достаточно проницательна, чтобы понять, что Ландри влюблен до безумия.

В последнем примере эмоциональность ФЕ *amoureux comme un roi* усиливается с помощью стоящего перед ним фразеосочетания *bel et bien*.

В зоне ближней периферии рассматриваемого микрополя также находится выражение *faire un œil (des yeux) de crapaud mort d'amour* 'смотреть влюбленными глазами' с дифференциальной семой «быть немного влюбленным». Особенностью его структуры является наличие распространенного дополнения *crapaud mort d'amour*, представляющего метафорический образ – основу данного фразеологизма.

Дальняя периферия микрополя «Влюбленность» объединяет фраземы, расположенные в двух уровнях. На первом уровне находятся стилистически сниженные единицы с функциональной дифференциальной семой, такие, как: *aimer comme ses (petits) boyaux (прост.)* 'любить как самого себя, души не чаять'. Как большинство образных сравнений, представленная единица характеризуется односторонней зависимостью значения компонентов. Кроме функциональной, в рассматриваемой фраземе выделяется вторая дифференциальная сема – «глубокое состояние влюбленности», которая реализуется посредством специфической, характерной для французского языкового сознания компаративной лексемы *boyaux* 'кишки'.

- *Et pourquoi vous emporter? C'est vous qui avez toutes les torts... Si M. Schmucke et moi qui vous aime comme mes petits boyaux, nous avons cru bien faire?* (H. de Balzac. *Le cousin Pons*). – Почему вы волнуетесь? Во всем виноваты вы сами. И г-н Шмуке, и я, любящий вас всей душой, думали, что так лучше.

Во второй уровень дальней периферии помещаются полисемичные стилистически сниженные фразеологические единицы. Например: *avoir à la chouette* (арго) '1) втрескаться, втюриться; 2) чувствовать симпатию к кому-либо'. Данное идиоматическое выражение характеризуется двусторонней зависимостью значения компонентов. Оно полностью переосмысленно.

В той же позиции находится ФЕ *en croquer* (прост.) '1) быть влюбленным, втрескаться; 2) быть полицейским осведомителем; 3) подглядывать'. Выражения второго уровня дальней периферии, входя в состав ФСП «Эмоциональные состояния человека», одновременно относятся и к периферии фразеосемантического поля «Деятельность человека», что позволяет говорить о размытости границ периферической зоны МП «Влюбленность».

Таким образом, субполе «Положительные эмоциональные состояния», объединяя в себе несколько микрополей, предстает как сложная, неоднородная структура, характеризующаяся упорядоченностью компонентов – с одной стороны и разветвленной сетью оппозиционных отношений внутри конститuentов – с другой. В количественном отношении доминируют выражения предикативного типа с односторонней зависимостью значения компонентов. Границы микрополя размыты в силу того, что они пересекаются с периферическими зонами других полей. Особенностью данного субполя является разноуровневая конструкция периферических зон составляющих его микрополей.

2.3.3. Субполе «Отрицательные эмоциональные состояния»

В обыденном сознании человека положительные эмоции связаны с движением вверх: *прыгать от радости*, отрицательные – с движением вниз: *сгибаться от горя*. Необходимо отметить, что во французской фра-

зеологии, в той ее части, которая выражает эмоции, это положение не находит полного подтверждения. Глаголы, обозначающие движение тела вверх, например: *sauter* 'прыгать', *monter* 'поднимать' входят в состав ФЕ, выражающих отрицательные эмоциональные состояния: *sauter en l'air* 'гневно возмущаться', *monter à l'arbre* (прост.) *кипятиться*, 'лезть в бутылку'. Эти примеры подчеркивают специфику французского языкового сознания, которое особым образом интерпретирует эмоции у носителей языка.

Микрополе «Гнев»

В субполе «Отрицательные эмоциональные состояния» наиболее обширный корпус составляют фразеологические единицы микрополя «Гнев». Это объясняется прежде всего тем, что состояние гнева очень активно выражается невербальными средствами: мимикой, жестами, изменениями цвета кожных покровов. В состоянии гнева у человека появляются реакции его отдаленных предков: оскал зубов, движение скул, сужение век, ритмические сокращения мышц лица и всего тела, сжимание кулаков, готовых для удара, прилив крови к лицу, принятие угрожающих поз [Еникеев 2007: 513]. Все это находит свою репрезентацию в языке. Из характеристик гнева можно отметить такие, как: *la colère sourde, violente, concentrée, continue, terrible, subite, furieuse, folle* [Lacroix 1961: 64].

Эмоции группы «гнев» распределяются на шкале интенсификации состояния следующим образом: 1) досада, раздражение, 2) озлобленность, 3) возмущение, 4) ярость.

Экстралингвистические средства выражения гнева являются неиссякаемым источником огромного количества фразеологизмов одноименного значения, семантические особенности которых рассматриваются в Главе III настоящего исследования.

Ядро микрополя «Гнев» представлено серией фразеологических единиц, в которую входят ФЕ *se mettre en colère* 'разгневаться', *prendre feu et flammes* 'метать громы и молнии', *sauter en l'air* 'гневно возмущаться', и вокруг которых по оси «ядро – центр» формируется обширная центральная

область поля. Ее составляют фразеосочетания, обладающие более высокой степенью интенсивности передаваемого состояния, например: *sentir la moutarde au lait* 'внезапно рассердиться, вспыхнуть, вскипеть'. На оси «центр – периферия» располагается выражение *s'allumer comme une trainée de poudre* '1) вспыхнуть как порох, быстро загореться; 2) вспылить, стать раздражительным'. Данное фразеологическое сравнение находится на периферии ФСП «Эмоциональные состояния человека» и ФСП «Физическое действие». Пересечение периферийных зон этих полей позволяет сделать вывод о размытости границ исследуемого нами фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека».

Фразеологизм *avoir bouffé du lion* (прост.) 'разбушеваться, как с цепи сорваться' имеет дифференциальный семантический признак «испытывать сильный гнев». Это обстоятельство, а также словарная помета (прост.), ограничивающая употребление ФЕ лишь сниженным регистром языка, способствуют размещению ее в зоне ближней периферии микрополя «Гнев».

- *La cour s'impatientait, grondait. Des voix proposaient de boucler le patron, de le garder prisonnier, de lui couper le téléphone, de l'affamer. – Les discours, nous, vous savez... – On préférerait une ralonge... Ils avaient bouffé du lion* (J.-P. Chabrol. *L'Embellie*). – Суд бурлил, гудел. Раздавались голоса, предлагавшие арестовать хозяина, засадить за решетку, перерезать ему телефон, уморить голодом. – Пустые слова, мы, вы знаете... – Лучшие срок добавить... Они совсем разошлись.

В ближней периферии микрополя «Гнев» располагаются также стилистически сниженные единицы *être à cran* (разг.) 'кипеть, негодовать, быть на пределе'; *bouffer son cran* (арго) 'кипятиться, ерепениться' с дифференциальной семой «испытывать сильный гнев».

В дальнюю периферию рассматриваемого микрополя помещаются выражения с дифференциальным семантическим признаком «разгневать», «вызвать состояние гнева», например: *mettre à cran* 'вывести из себя, довести до белого каления'; *faire monter (grimper) à l'arbre* 'выводит из себя';

aigrir le sang 'озлобить'; *faire bouillir le sang* 'выводить из себя, выводить из терпения'; *faire chier la bite à qn* (арго) 'надоедать, приставать, выводить из себя'.

Вектор семантического признака «разгневать» может иметь диаметрально противоположное направление «умерить гнев», что манифестируется наличием в периферийной зоне МП «Гнев» фраземы *modérer (tempérer) la bile* 'умерить гнев, раздражение'.

Следующая ниже серия примеров иллюстрирует активное использование ФЕ с рассматриваемым значением в литературных произведениях французских авторов.

- *Il a cessé tout à coup hier soir. Il a soufflé pendant neuf jours et c'est assez pour mettre tout le monde à cran* (G. Simenon. *Mon ami Maigret*). – Вчера к вечеру он внезапно стих. Он дул в течение девяти дней, а этого достаточно, чтобы окончательно вывести всех из себя.

- *Antoine Naudé ... savait à l'occasion le faire monter à l'arbre* (R. Rolland. *Pierre et Luce*). – Антуан Нодэ ... умел при случае разозлить его.

- *Voilà une des premières origines du schisme ou de la déchirure de la Pologne: la dispute a aigri le sang* (Voltaire. *Dictionnaire philosophique*). – Вот одна из первых причин раскола или же распада Польши: споры озлобили людей.

- *Le spectacle de l'injustice et de méchanceté me fait encore bouillir le sang de colère* (J.-J. Rousseau. *Rêveries*). – Зрелище несправедливости и злобы заставляет еще мою кровь кипеть от гнева.

- *Fais pas chier la bite, on est dans notre droit* (A. Boudard. *Bleubite*). – Не выводи меня из себя, мы действуем по закону.

Как видно из примеров, выразительность и эмоциональность фразеологических единиц со значением «вызвать состояние гнева» вносит национальный колорит в литературный текст, подчеркивает этническое отражение действительности языковым сознанием носителей и, в первую очередь, литераторов как наиболее образованной в языковом отношении части этноса.

Микрополе «Стыд»

В ядро следующего микрополя отрицательных ЭС – «Стыд» помещается ФЕ *avoir honte* с архисемой 'испытывать чувство стыда'. Иерархический принцип организации поля находит свое выражение в оппозиции его единиц по оси «ядро – центр – периферия», от нейтрально выраженного эмоционального состояния до максимальной степени его репрезентации. В центре микрополя «Стыд» располагаются фразеологические единицы, отличающиеся от ядерной, по меньшей мере, одной семой. Например: *boire une honte (toutes les hontes)* 'испить чашу позора, пережить позор', *civer sa honte* 'тяжело переживать позор'.

- *La reine me prit les mains et me les serra convulsivement. – Il est dit que je boirai toutes les hontes, murmura-t-elle* (A. Dumas. *Souvenirs d'une favorite*). – Королева схватила меня за руки и конвульсивно сжала их. – Видно, так суждено, чтобы я испила до дна чашу позора, – прошептала она.

В периферийной зоне МП «Стыд» располагается ФЕ *faire faire honte à qn* 'пристыдить кого-либо' с дифференциальной семой «заставить кого-либо испытать чувство стыда» .

- *Anne-Marie décidait de faire faire honte à son cousin par quelqu'un de sensé* (H. Pourrat. *Les Vaillances, farces et gentillesses de Gaspard des Montagnes*). – Анна-Мари решила попросить кого-либо из толковых людей пристыдить ее двоюродного брата.

Особого внимания заслуживает фразеологическое образное сравнение *honteux comme un renard qu'une poule aurait pris* 'быть сильно пристыженным' (букв. пристыженный как лисица, пойманная курицей). Оно имеет дифференциальный семантический признак, указывающий на силу испытываемого состояния. Это обстоятельство обуславливает место данной единицы в периферийной зоне МП «Стыд».

– ... *il était mortifié d'avoir chuté dans la même trappe, où son orgueil et sa passion lui avaient donné le droit de toiser d'en haut et de mépriser Assia. Et*

que ce fut, par-dessus le marché, pour trouver au fond de la trappe, au lieu de colombe, une corneille, il était honteux, deux fois honteux, comme un renard qu'une poule maigre aurait pris (R. Rolland. L'Ame enchantée). – ... он был унижен тем, что попал в ту же ловушку, где его гордыня и его страсть дали ему право смотреть на Асю свысока и презирать ее. И кроме того, найти в глубине ловушки вместо голубя ворону; он был смущен и сконфужен.

Данное выражение имеет необычную для фразеологических образных сравнений структуру. Его компаративная часть представлена не лексемой, а сложноподчиненным предложением с придаточным определительным: *un renard qu'une poule aurait pris*. Такая структура крайне редка для компаративных фразеологизмов. Во фразеосемантическом поле «Эмоциональные состояния человека» выявлено лишь два выражения с подобной структурой.

На периферии рассматриваемого микрополя находится также выражение *avoir l'air constipé* (разг.) 'прийти в смущение' с дифференциальной функциональной семой.

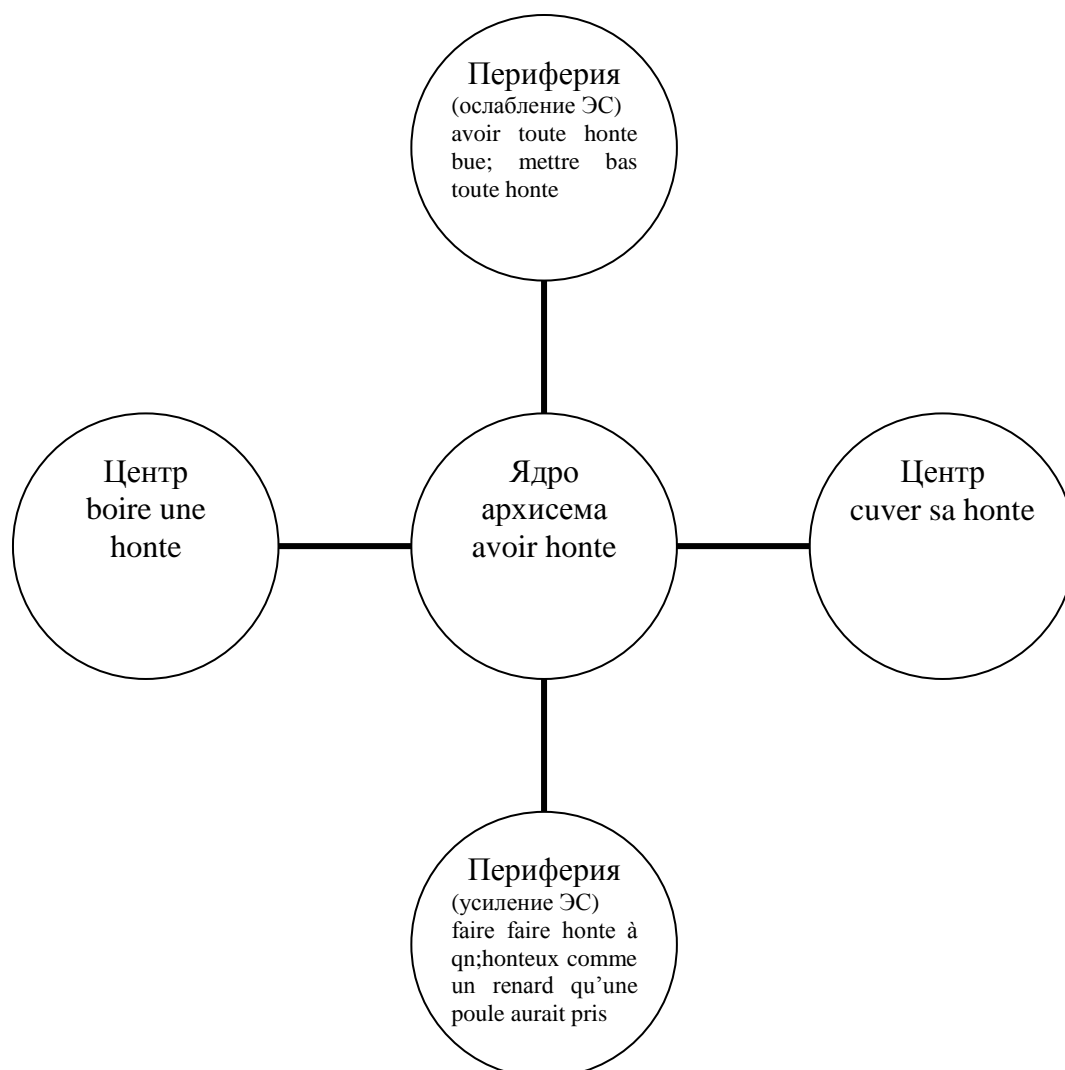
В диаметрально противоположной ядру оппозиции находится выражение *avoir toute honte bue* (*mettre bas toute honte*) 'отбросить всякий стыд'.

- *Le jeune homme prit ce mot pour l'atroce plaisanterie d'un voleur qui abu toute honte ... (H. de Balzac. L'Envers de l'histoire contemporaine). – Юноша принял эти слова за жестокую шутку вора, потерявшего всякий стыд.*

Данный пример показывает, что отношения между элементами поля строятся не только по оси усиления эмоционального состояния, но и наоборот – по оси его ослабления, вплоть до полного исчезновения, что можно представить в виде следующей схемы:

Схема № 2.

Оппозиционные отношения компонентов внутри микрополя «Стыд»

Микрополе «Тревога / Волнение»

Тревога, как отрицательное эмоциональное состояние, имеет характерный признак ощущения неприятного. Состояние тревоги является репродукцией переживания, содержащего предпосылки повышения раздражения и отвода его на определенные нервные пути, благодаря чему неприятное чувство при тревоге приобретает специфический характер [Фрейд 1927: 56].

МП «Тревога / Волнение» выстраивает отношения между своими конституентами следующим образом. Синонимичные выражения данного ЭС с необозначенной степенью интенсивности *prendre l'alarme* 'встревожиться', *être sur (à) l'œil (se tenir sur l'œil)* 'нервничать' и *être dans tous ses*

états 'волноваться, беспокоиться' составляют ядро микрополя. Фразеологические единицы его центральной части имеют дифференциальную сему «испытывать сильное (или очень сильное) волнение». Например: *en avoir le cœur retournée* 'испытывать сильное волнение', *(avoir) la gorge sèche* 'перехватило дыхание (от волнения)', *avoir la boule dans la gorge* 'чувствовать комок в горле (от волнения)'.

- *La jeune fille les avait aperçus de loin, et s'était précipitamment détournée, feignant de ne pas les avoir vus. La gorge sèche, la nuque raide, elle les sentait approcher (R. Martin du Gard. Les Thibault). – Девушка заметила их издали и поспешно отвернулась, притворившись, будто их не видела. От волнения у нее пересохло в горле, шея напряглась, она чувствовала, как они приближаются.*

На периферии данного микрополя находятся стилистически сниженные ФЕ, например: *être sur les épines (sur le gril), être sur des charbons (ardents)* (прост.) 'быть в томительном ожидании, в волнении, в тревоге'.

- *Souvent je comprenais à des certaines attitudes, à quelques gestes détournés, à des coups d'œil lancés obliquement, qu'il était question de moi et que l'on parlait ou de mon âge ou de ma figure. Alors j'étais sur des charbons ardents (Th. Gautier. Mademoiselle de Maupin). – Часто по выражению лиц, по неопределенным движениям рук, по взглядам исподтишка я понимала, что это относится ко мне, что говорят о моей молодости, о моей внешности, и я была как на горящих угольях.*

Периферию МП «Тревога / Волнение» составляет также многочисленный корпус фразеологизмов с семантическим признаком «вызывать волнение и тревогу». Это такие ФЕ, как: *faire battre le cœur* 'вызывать глубокое волнение, глубоко взволновать', *faire vibrer les cordes du cœur* 'расстрогать, разволновать', *donner (mettre) l'alarme du quartier* 'взволновать, встревожить', *faire faire du mauvais sang à qn* 'причинить беспокойство кому-либо', *remuer (faire vibrer) l'âme* 'волновать душу'.

- *Comme c'est bon, comme ça fait battre le cœur, le premier lecteur, comme c'est meilleur qu'un éditeur! (A. Sarrazin. La Traversière). – Как это*

прекрасно, как это волнительно – первый читатель, это лучше, чем издатель!

На периферии МП «Тревога / Волнение» находится также выражение с дифференциальным семантическим признаком, заключающим в себе симбиоз двух состояний. Это ФЕ *avoir un colloque avec son traversin* 'страдать бессонницей (от тревожных мыслей)'. В его семантике отражены физическое и эмоциональное состояния. Данная фразема с односторонней взаимозависимостью значения компонентов, в которой семантический перенос базируется на метафорическом признаке, относится к периферийным зонам двух ФСП: «Эмоциональные состояния человека» и «Физические состояния человека».

Границы микрополей субполя «Отрицательные эмоциональные состояния» размыты. Диффузность их обеспечивается тем, что, например, на периферии МП «Тревога / Волнение» находится выражение, которое одновременно составляет периферию МП «Стыд» и МП «Грусть / Печаль». Это ФЕ *être serré à la gorge* 'чувствовать комок в горле' (от волнения, стыда, печали).

- *C'est la mort de l'âme qu'elle regagna ce soir-là son gîte, et, la gorge serrée elle refit comme tous les soirs les mêmes gestes ... (J. Carrière. L'épervier de Maheux).* – В ней что-то надорвалось, когда она в тот вечер вернулась домой, и с печалью в сердце вновь принялась за свои ежевечерние обязанности.

Выражение *jeter (mettre, répandre) l'alarme au camp* 'встревожить, испугать, нагнать страх' находится на периферии МП «Тревога / Волнение» и МП «Страх», обеспечивая тем самым диффузность границ этих микрополей.

Фактический материал показывает, что дальняя периферия фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека», которую составляют преимущественно фразеосочетания с дифференциальным семантическим признаком «вызывать какое-либо ЭС», пересекается с перифери-

ческими зонами других ФСП, например, ФСП «Характер человека». Так, ФЕ *suer les grosses gouttes*, будучи полисемичной, имеет значения: а) *лезть из кожи вон, стараться изо всех сил и б) приходиться в состояние крайнего беспокойства*, и, следовательно, относится к периферическим зонам вышеназванных полей.

Микрополе «Страх»

Следующим в субполе «Отрицательные эмоциональные состояния» является микрополе «Страх». Страх представляет собой состояние, которому предшествует опасность, какая-либо ситуация, способная причинить ущерб субъекту. Это состояние градуальное. Оно может наступить внезапно или нарастать постепенно; быть вызванным определенными причинами или возникать как инстинктивное состояние.

Возникая в крайне опасной ситуации, страх преодолевается путем активизации ориентировочного рефлекса торможения всех побочных текущих деятельностей, напряжения необходимых для борьбы мышц, учащения дыхания и сердцебиения, изменения состава крови, повышения ее свертываемости на случай ранений, мобилизации резервов из внутренних органов [Еникеев 2007: 513].

Эти изменения деятельности организма отражаются языком в первую очередь в процессе фразообразования. Например: *avoir le chair (la peau) de poule* 'иметь гусиную кожу, мороз по коже, страшно'; *mettre qn hors d'état de bouger* 'парализовать, сковать страхом', *donner la colique à qn (груб.)* 'вызвать страх, ужас'.

Обширный корпус фразеологических единиц исследуемого эмоционального состояния позволяет выделить в ядро микрополя архисемичное выражение *avoir peur* 'бояться', *prendre peur* 'испугаться'.

- *Ce matin il y a eu du bruit dans la ville et au-dessus de la ville. En vérité nous avons eu peur* (A. Camus. *L'Etat de siège*). – *Этим утром в городе и за городом было шумно. Мы на самом деле испугались.*

Первую оппозицию архисеме составляют предикативные фразеосочетания *avoir une peur bleue* 'сильно испугаться', *avoir un trac terrible* 'душа ушла в пятки', *avoir la frousse* 'сердце в пятки уходит'.

- *C'était encore pis, pour les courants d'air, il en avait une peur bleue, il engueulait tout l'établissement, si une porte restait entr'ouverte* (E. Zola. *L'Assommoir*). – *Было еще хуже, что касается сквозняков, он их ужасно боялся, и ругал все заведение, если какая-то дверь оставалась приоткрытой*.

Эти фразеосочетания имеют дифференциальный семантический признак, указывающий на изменение состояния в сторону его усиления. Они составляют центр микрополя «Страх».

Другую оппозицию архисемичному выражению *avoir peur* представляют синонимичные ему ФЕ *avoir la crainte*, *avoir la grelotte* (арго) 'бояться', *avoir les couilles molles* (прост.) (груб.) 'бояться, трусить', *avoir les fumerons* (прост.) 'бояться, дрейфить', несущие в себе имплицитные семы, то есть такие элементы значения, которые присутствуют в плане содержания, но отсутствуют в плане выражения. Словарные пометы, указывающие на сниженный стиль, и имплицитные семы позволяют поместить эти выражения в центр микрополя.

Стилистически сниженные выражения, обладающие потенциальной семой, указывающей на дополнительную характеристику состояния, образуют ближнюю периферию микрополя. Это предикативные метафорически переосмысленные выражения: *jouer les castagnettes* (прост.) 'целкать зубами от страха', *chier dans sa culotte* (*dans son froc*) (вульг.) 'сильно трусить, наделать в штаны от страха'.

Вторую оппозицию в ближней периферии микрополя «Страх» составляют ФЕ с дифференциальным семантическим признаком «испугать, вызвать страх». Например: *faire peur*, *ficher la frousse*, *donner le froid dans le dos* (*aux os*) 'испугать', *glacer l'âme* 'леденить кровь'.

- *Un lièvre partit brusquement, qui fit peur à la jeune fille, puis il sauta le talus et détalla vers les joncs marins de la falaise (G. de Maupassant. Une Vie). – Вдруг появился заяц, он перепугал молодую девушку, потом перепрыгнул через насыпь и помчался к камышам.*

Фактический материал позволяет выявить ФЕ с дифференциальной семой «испугать», относящиеся к разным речевым стилям. В данном микрополе они составляют еще одну оппозицию и помещаются в дальнюю периферическую зону. Например: *donner la chair de poule (прост.) 'испугать'*; *donner (foutre) les chocottes (прост.) 'пугать, нагонять страх'*.

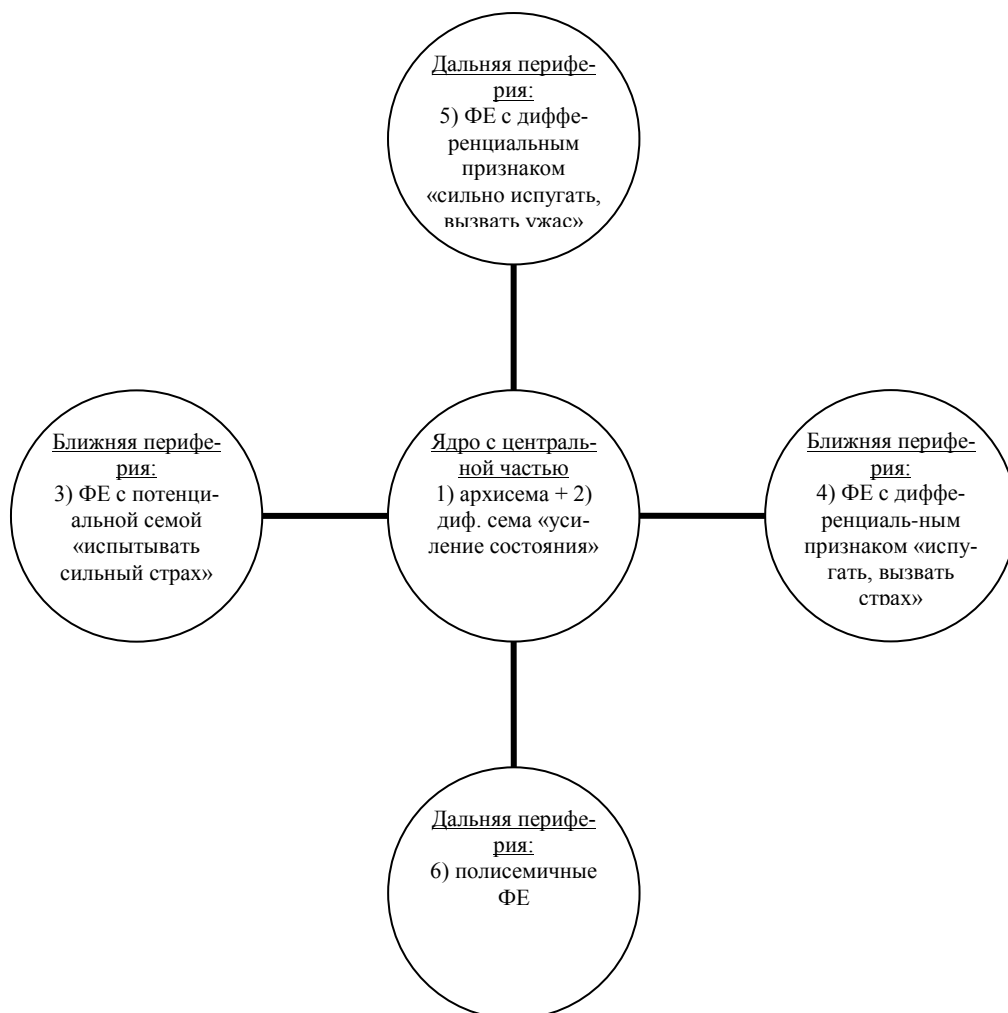
В последнюю оппозицию выделяются полисемичные фразеологические единицы, которые покрывают зоны дальней периферии микрополя «Страх» в составе ФСП «Эмоциональные состояния человека» и одновременно относятся к периферии ФСП «Физические состояния человека», например: *trembler comme une feuille 'трястись как лист' (от холода или страха)*; *claquer les dents 'стучать зубами' (от холода или страха)*. Это также выражения, относящиеся к разным микрополям субполя «Отрицательные эмоциональные состояния», например, фразеологическое сравнение *blanc comme neige (comme un tur) 'мертвенно бледный' (от страха или гнева)* относится к периферийным зонам МП «Страх» и МП «Гнев».

Таким образом, следуя иерархии конститuentов микрополя «Страх», можно представить следующую схему данного микрополя:

Как можно видеть из схемы, микрополе «Страх» имеет шесть оппозиционных положений своих конститuentов, позволяющих логически выстроить отношения внутри поля. Такая иерархия не является закрытой структурой. Поле может расширять свой состав и приобретать дополнительные дифференциальные признаки за счет пополняющих его ФЕ из других фразеосемантических полей.

Схема № 3

Структура микрополя «Страх».

Микрополе «Грусть / Печаль / Горе»

Следующим в субполе «Отрицательные эмоциональные состояния» является микрополе «Грусть / Печаль / Горе». Сложное наименование поля, состоящее из трех слов – названий эмоций, объясняется тем, что эти состояния, проявляя себя в форме грусти, печали и горя, тем самым репрезентируют оценочное изменение отношения субъекта к действительности в неблагоприятную сторону. По сути, грусть и печаль выступают как различные модальности одного эмоционального состояния – горя. Поэтому в

настоящем исследовании фразеологические единицы, выражающие разные градации этого состояния, объединены в одно микрополе.

Внешнее проявление изменения состояния от грусти к печали и горю состоит в парализующем действии на двигательный аппарат. Печальный человек узнается по внешнему виду. Движения он совершает с усилием, ходит медленно, голос его слаб, он часто неподвижен и молчалив.

С другой стороны, в состоянии печали вазо-моторные мышцы сокращаются сильнее, чем обычно. Кровь выталкивается из сосудов, в результате чего для грустного человека характерна бледность кожных покровов, осунувшиеся черты лица. Следствием анемии кожи является ощущение холода, озноб. Печальный человек с трудом согревается и очень чувствителен к холоду. Чем серьезнее огорчение, тем больше усугубляется физическое состояние, и его проявления становятся более заметными: во рту становится сухо, появляется ощущение горького вкуса, как результат сухости языка. Присутствует чувство недостатка воздуха и стеснения в груди [Ланге 1896: 13-14]. Данное состояние характеризуется как *le chagrin profond, intime, domestique, léger, petit, grand, gros, immense* [Lacroix 1961: 53].

Для выявления структуры микрополя «Грусть / Печаль / Горе» внешние проявления данного ЭС имеют лишь частичное значение. Фразеология располагает обширным арсеналом средств для выражения грусти / печали, используя, с одной стороны, единицы, в семантике которых отражены телесные проявления состояния, а с другой – фраземы, метафорический образ которых базируется на иных ассоциативных признаках (например, на цветообозначениях).

Идеограммой, которая служит семантическим инвариантом для исследуемого микрополя, является архисема «находиться в плохом настроении». В соответствии с этим ядро МП составляют фразеосочетания *être en dehors de son assiette, ne pas être (ne pas sentir) dans son assiette* 'быть не в настроении'.

- *Mais ce matin, dans ce rapide échange des paroles entre lui et sa mère, il s'était relevé ... en dehors de son assiette ordinaire (P. Mael. Cœur entre cœur).* – Но в это утро, во время короткого разговора с матерью, обнаружилось ..., что он сам не свой.

Первую оппозицию составляют ФЕ с дифференциальной семой, манифестирующей изменение интенсивности состояния в сторону его усиления. Это, например, предикативные выражения с местоименным глаголом в роли доминирующего компонента, который указывает на присутствие субъекта состояния: *se faire des idées noires* 'быть в мрачном настроении'.

Синонимичные выражения с функциональной дифференциальной семой: *être de mauvais poil* (разг.), *avoir le cafard* (разг.) 'быть в плохом настроении' помещаются в центр микрополя. Как и единицы ядра, они являются предикативными. Их отличие от ядерных ФЕ состоит не только в наличии дифференциальной семы, но и в своеобразном метафорическом переосмыслении с использованием образов *le poil* 'шерсть' и *le cafard* 'хандра'. В данном случае имеет место манифестация национального языкового сознания в плане выражения фразеологизма.

- *Salers n'est pas content? – Salers a le cafard. Il est en taule depuis quatre ans, lui, et il en a marre (P. Daix. La dernière forteresse).* – Салер недоволен? – У Салера хандра. Он сидит уже четыре года, и, конечно, ему стало невмоготу.

Во второй оппозиции проявляется градуальная связь конститuentов микрополя. Она предполагает, что синонимические единицы обозначают различную степень интенсивности одного и того же эмоционального состояния. Так, ФЕ имеют дифференциальную грамматическую сему, которая реализуется при помощи прилагательных *gros* 'наполненный', *bas* 'низкий', *lourd* 'тяжелый': *avoir le cœur gros*, *avoir gros sur le cœur* 'быть печальным, расстроенным', *avoir le cœur bas* 'быть в угнетенном, подавленном состоянии', *avoir le cœur lourd* 'быть очень печальным, сокрушаться'. Семантические различия этих прилагательных позволяют градуировать со-

стояние по шкале его усиления. Наличие определения при существительном влияет на семантику каждой ФЕ. По утверждению Ш. Балли, когда существительное («*cœur*»), сохраняя свою независимость, кажется связанным с другим словом, обозначающим качество (*bas, gros, lourd*), роль этого слова нередко сводится к тому, что оно усиливает основное значение существительного, не добавляя никакого нового оттенка [Балли 1961: 93]. Результатом такого взаимодействия компонентов фразеологической единицы является увеличение интенсивности передаваемого ЭС. В рассматриваемых выражениях каждое определение при компоненте «*cœur*» изменяет значение ФЕ в сторону усиления состояния от печали: *avoir le cœur gros* до депрессии: *avoir le cœur bas* и даже до отчаяния: *avoir le cœur lourd*. Печаль, депрессия и отчаяние предстают как разные градации горя.

- *Les chanteurs eurent leur tour. Christophe en avait gros sur le cœur à leur dire de leur lourdeur barbare et de leur emphase de province* (R. Rolland. *La Révolte*). – *Затем дошла очередь до певцов. Кристофу было тяжело говорить об их варварской тяжеловесности и провинциальной напыщенности.*

- *Le cœur serré madame Caroline examinait la cour... que les ordures accumulées transformaient en cloaque* (E. Zola. *L'Argent*). – *Сердце сжалось у госпожи Каролины при виде двора ..., который сваленные там нечистоты превратили в помойку.*

В рассматриваемом МП выделяются ближняя и дальняя периферии. В ближней периферийной зоне микрополя рассматриваются две оппозиции. Первую составляют фразеологические единицы с дифференциальным семантическим признаком «испытывать сильное горе», «очень грустить, печалиться». Например: *triste à pleurer* 'грустный до слез', *ne pas avoir assez de ses yeux pour pleurer* 'выплакать все глаза'.

Вторую оппозицию составляют ФЕ с потенциальной семой, указывающей на дополнительные характеристики состояния, такие, как, например, высокая степень погружения в него. Таким является выражение *pleurer comme une vache (un veau)* (разг.) 'реветь как корова, реветь белу-

гой'. Оно также содержит функциональную дифференциальную сему, на что указывает словарная помета (разг.).

- *Il y avait un individu qui courtisait cette femme. Jean est venu chez moi pleurer comme un veau* (С. Cros. *Monologues*). – *За этой женщиной ухаживал еще один тип. Жан пришел ко мне и ревел белугой.*

В дальнюю периферию МП «Грусть / Печаль / Горе» входят фразеосочетания, имеющие фазовую взаимосвязь. Они содержат дифференциальный семантический признак «вызвать состояние грусти, печали, горя» и репрезентируют начальную фазу состояния. Например: *arracher (déchirer, fendre) le cœur, blesser qn au cœur* 'причинить большое горе'; *faire gros cœur* 'печалить, огорчать'; *ficher (filer, foutre) le bourdon à qn* 'испортить кому-л. настроение, нагнать тоску'; *faire du chagrin* 'огорчать кого-л.'

- *Je ne suis pas venu en coulisse pour te féliciter. Ce fut un succès. Tu le sais. Tu as senti l'écoute de la salle. Cela m'arrachait le cœur. Ce 20 avril est une date por toi comme pour moi* (J. Navarre. *Le jardin d'acclimatation*). – *Я не пришел за кулисы, чтобы поздравить тебя. Это был успех. Ты знаешь это. Ты чувствовал, как слушал зал. Это причиняло мне боль. Ведь сегодня 20 апреля, памятный день для нас обоих.*

- *Au restaurant si je regardais une autre femme, elle pâissait immédiatement. Ce n'était pas les scènes à grand fracas, non, un reproche muet, une souffrance contenue qui me faisait du chagrin sans que j'eusse conscience d'avoir faute* (J. Galtier-Boissière. *La Vie de garçon*). – *Если в ресторане я смотрел на другую женщину, Она немедленно бледнела. Нет, не было шумных сцен, только немой упрек, сдерживаемое страдание, огорчавшее меня, хотя я и не чувствовал за собой никакой вины.*

В зоне дальней периферии выделяются две оппозиции конститuentов микрополя. Первую составляют полисемичные ФЕ, например: *être sur le côté* '1) сидеть на мели; 2) лежать больным; 3) находиться в трудном положении; 4) попасть в немилость; 5) чувствовать себя подавленным'. Они покрывают периферийные зоны разных фразеосемантических полей: «Фи-

зическое состояние», «Материальное положение», «Эмоциональное состояние». Примечательно, что все перечисленные поля входят в состав одного макрополя «Человек».

Вторую оппозицию представляют полиэмоциональные фразеологизмы, относящиеся к различным микрополям одного и того же ФСП «Эмоциональные состояния человека» (Подробно о полиэмоциональности см. Главу III). Например: *briser le cœur* '1) разбить сердце, причинить душевную боль; 2) расстрогать'; *crever le cœur* '1) разрывать сердце, 2) расстрогать'.

- *Viens avec moi lui dis-je. – Non, fit-il, la vue de Catherine me crève le cœur ... (Erckmann-Chatrian. Waterloo). – Идем со мной, – сказал я ему. – Нет, – ответил он, – когда я вижу Катрин, у меня разрывается сердце...*

Как видно из примеров пересекаются периферийные зоны микрополей «Грусть / Печаль / Горе» и «Волнение / Тревога».

Итак, в составе микрополей, входящих в субполе «Отрицательные эмоциональные состояния», доминируют фразеологизмы предикативного типа, в которых семантический перенос осуществляется по метафорическому признаку. Кроме единиц, объективирующих отрицательные эмоциональные состояния, для конститuentов данного субполя характерен дифференциальный семантический признак «приведение субъекта в то или иное ЭС». Границы микрополей размыты и пересекаются с периферическими зонами других МП. Ядро субполя представляет собой полицентричное образование, состоящее из ядерных единиц микрополей.

2.3.4. Субполе «Эмоциональные состояния с биполярной модальностью (двувалентные ЭС)»

Состояния, входящие в данное субполе («Смех» и «Удивление»), характеризуются как двувалентные, то есть способные выступать как положительные и как отрицательные. Двувалентные ЭС отличаются от амбивалентных тем, что амбивалентность заключается в одновременном проявлении двух состояний, например: любить и ненавидеть, плакать и смеяться. Двувалентность состоит в том, что одно то же состояние может проявлять-

ся по-разному: как положительное и как отрицательное в зависимости от эмоциональной ситуации.

Микрополе «Удивление»

Удивление представляет собой состояние, переживая которое, человек сталкивается с необычным, странным или непонятым явлением или событием. Психологи относят его к нейтральным эмоциям, таким, как спокойствие, интерес, равнодушие [Лук 1982: 24]. Однако одним из признаков обобщенного семантического прототипа удивления принято считать склонность человека к положительной оценке этого состояния при его общем нейтральном характере [Дорофеева 2002: 6]. Удивление, являясь состоянием, вызываемым странностью, необычностью, непонятностью, неожиданностью, может приобретать такие сопутствующие характеристики, как сомнение и возмущение. Тогда оно приобретает отрицательный оценочный компонент и тяготеет к отрицательной эмоции.

Удивление сопровождается различными ощущениями и переживаниями. В этом состоянии человек может испытывать как положительные эмоции (радость, восторг), так и отрицательные (страх, гнев). Таким образом, имея дополнительную эмоциональную нагрузку, проявляющуюся ситуативно, удивление может быть приятным или неприятным, то есть положительным или отрицательным, что и составляет особенность данного ЭС. Модальная двойственность удивления отражается в его характеристиках, таких, как: *la surprise agréable, désagréable, grande, énorme, joyeuse, triste, douloureuse, feinte* [Lacroix 1956: 284].

Микрополе «Удивление» является составной частью ФСП «Эмоциональные состояния человека». Французский глагол *étonner* 'удивлять' восходит к латинскому *attonare* со значением '*frapper du tonnère – поразить громом*' [PR 1973: 635]. Он имеет дополнительную семантическую нагрузку «вывести из состояния равновесия, спокойствия». Особенность корпуса фразеологизмов микрополя «Удивление» состоит в том, что глагол *étonner* 'удивлять' встречается в их составе крайне редко.

Для МП «Удивление» характерна такая структурная особенность, как диффузность его ядра. Корпус фразеологических единиц, отобранных для исследования, не имеет семы «быть в состоянии удивления», «испытывать состояние удивления». Это значение передается во французском языке свободными словосочетаниями *être étonné, être surpris*. Большая часть корпуса ФЕ обладает семантическим признаком «быть сильно удивленным», следовательно, фразеологический состав французского языка отражает состояние удивления определенной интенсивности. Этот признак и является интегральным для исследуемого микрополя.

Ядро вместе с центральной частью микрополя «Удивление» составляют такие ФЕ, как: *ouvrir de grands yeux, tomber des nues (de la lune), rester bouche bée, en être bleu* с архисемой 'очень удивиться, ошеломенеть от неожиданности', а также ФЕ *regarder avec des yeux ronds* 'смотреть с удивлением', *avoir les yeux hors de la tête* 'глаза на лоб вылезли, быть сильно удивленным'.

- *En rentrant, elle a dit à Larry: – Voilà! Tout est arrangé. Larry en était bleu* (F. Marceau. *Les belles natures.*) – *Вернувшись домой, она сказала Ларри: – Ну вот! Все улажено. Ларри был ошеломлен.*

В периферийной зоне исследуемого микрополя выделяются несколько оппозиций.

Первую оппозицию составляют устойчивые образные сравнения, выражающие более высокую, чем ядерные ФЕ, интенсивность состояния. Например: *être là comme une souche* 'стоять как пень, как истукан'.

- *Sot que je suis! Je mérite mon sort. Je devais courir comme un lévrier, je reste là comme une souche* (E. Laboulaye. *Les Trois citrons*). – *Какой же я глупец! Я заслуживаю свою судьбу. Я должен был бежать как борзая; а я стою как истукан.*

В данной оппозиции выделяется субпозиция, конститuentы которой имеют функциональную дифференциальную сему «испытывать крайнюю степень удивления»: *en rester comme deux ronds de frites* (разг.) 'быть ошарашенным, ошеломленным'.

Во вторую оппозицию выделяются фразеологические единицы с дифференциальной семой «быть неприятно удивленным». Например: *les bras lui en tombent* 'остолбенеть от удивления'; *les mains m'en tombent* 'не могу прийти в себя от удивления'. Эти выражения содержат отрицательный семантический элемент, репрезентируемый глаголом *tomber* 'падать'. Интегральной для них является сема «движение рук вниз, вызванное неожиданным событием или явлением», которая сигнализирует о переживании субъектом отрицательного эмоционального состояния.

Для ФЕ, входящих в третью оппозицию, характерна дифференциальная сема «испытывать отрицательные или положительные эмоции в состоянии удивления». Это такие фразеосочетания, как: *avoir le souffle coupé* 'дух захватило от удивления'; *avoir la boule perdue* 'растеряться от удивления'; *ne pas croire ses yeux* 'быть крайне удивленным'; *tomber en bas de sa chaise* '1) быть неприятно пораженным; 2) быть в восторге'. Особенность данных фразеологизмов состоит в том, что они могут выражать положительное или отрицательное удивление в зависимости от ситуации, в которой находится субъект эмоционального состояния. Поэтому дифференциальные семы «испытывать неприятное удивление» и «испытывать приятное удивление» являются для них окказиональными и контекстуальными.

В настоящей работе не были выделены единицы с дифференциальным признаком «испытывать только положительные эмоции в состоянии удивления», поскольку не выявлен фактический материал с такой семантической особенностью.

Четвертую оппозицию в исследуемом микрополе составляют стилистически сниженные фразеологические единицы. Кроме функциональной дифференциальной семы, на которую указывают словарные пометы, они имеют сему «испытывать крайнюю степень удивления». К ним относятся следующие выражения: *demeurer* (*être, en être, rester*) *baba* (прост.) 'остолбенеть, обалдеть от удивления'; *en rester assis* (разг.) 'поразиться, обомлеть'.

- *Eh bien, déclara la soubrette, je peux dire que je suis baba. Moi je te prenais pour un garçon gosse... (J. Dutourd. Au bon beurre). – Ну и удивлена же я, – заявила субретка. – Я принимала тебя за несмышленыша ...*

- *Votre garçon, pour moi, c'est bien simple. Vous êtes comme tant d'autres mères... Vous l'avez gâté!...- J'en suis restée toute baba! (L.-F. Céline. Mort à crédit). – Ваш мальчик для меня, это слишком просто. Вы как многие другие мамы... Вы его испортили!... – Я была ошеломлена!*

Пятая оппозиция представлена единицами с дифференциальным семантическим признаком «вызвать состояние удивления». Например: *taper l'œil* 'поразить, удивить'; *faire sortir les yeux de la tête* 'привести в крайнее изумление'; *couper bras et jambes* 'парализовать от удивления'; *en filer un coup* 'поразить, ошеломить'; *laisser baba* 'поразить, ошеломить'. Примечательно, что в плане выражения многие фразеологизмы данной оппозиции имеют компоненты-соматизмы. Это объясняется тем влиянием, которое оказывает состояние удивления на изменения в опорно-двигательном аппарате.

- *Il a une façon de parler qui vous laisse baba (H. Jelinek. La vache multicolore). – У него такая манера говорить, которая вас ошеломляет.*

Здесь так же, как и в первой оппозиции, выделяется субпозиция, которую представляют ФЕ с функциональной дифференциальной семой, вызывающей на крайнюю степень вызываемого состояния. Например: *en boucher un coin à qn* (прост.) 'ошарашить, огорошить кого-л.', *couper le chique à qn* (прост.) 'ошарашить кого-л.'

- *Ce que c'est épatant!.. Vrai, vous m'en bouchez un coin, monsieur Derval! (Goron. Les Antres de Paris). – Да это просто поразительно!.. Вы меня прямо ошарашили, господин Дерваль.*

Итак, в микрополе «Удивление» было выделено пять оппозиций взаимозависимых конститuentов. Предложенные оппозиции определяют логику построения микрополя, стройность и законченность его структуры, иерархию компонентов внутри поля.

Микрополе «Смех»

Смех является одним из проявлений счастья и радости. В основе смеха как психологического явления лежит телесная и душевная реакция человека на определенные факторы внешнего мира. По своей природе смех уникален. Он является отличительным свойством человека: *rire est le propre de l'homme*. В романе «Гаргантюа» («Gargantua») Франсуа Рабле пишет: «*Mieux est de rire que de larmes écrire, parce que rire est le propre de l'homme*» (F. Rabelais. *Gargantua*). – «Милей писать не с плачем, а со смехом, лишь человеку свойственно смеяться».

М.М. Бахтин выделяет три источника смеха, таких, как: гиппократовская философия смеха, учение Аристотеля о смехе и образ смеющегося в загробном царстве, созданный Лукианом. Они раскрывают значение и ценность данного явления, определяют его как универсальное, мирозерцательное начало, признают за этой эмоцией положительное, возрождающее, творческое значение [Бахтин 1990: 80].

Психологически смех многозначен при доминирующей позиции положительной его ценности. Известно, что смех может быть веселым и грустным, умным и глупым, добрым и злым, саркастическим, враждебным, нервным, животным и т.д. Французский словарь «Les mots et les idées» предлагает такие характеристики смеха, как: *éclatant, bruyant, forcé, fou, homérique, inextinguible, prolongé, moqueur, ironique, sarcastique, sardonique, amer, niais, strident, cristallin, puéril, gros* [Lacroix 1961: 261].

Во фразеосемантическом поле «Эмоциональные состояния человека» выделяется самостоятельное микрополе «Смех», в котором эта эмоция, наряду с удивлением, рассматривается как обладающая положительной и отрицательной модальностью. Определение идеограммы микрополя – его ядерной единицы, представляет определенную сложность, так как в обширном корпусе фразеологизмов архитипичный семантический примитив «смеяться» отсутствует. Любая фразема, выражающая смех, обладаетемой интенсивности состояния различного достоинства. Поэтому ядро мик-

рополя представляет собой размытое образование. Диффузность ядра составляет одну из особенностей микрополя «Смех». В качестве идеограммы нами выделяется фразеологическая единица *rire de tout (de bon) cœur* 'смеяться от души', обладающая интегральным семантическим признаком.

Далее оппозиционные отношения конstituентов микрополя выстраиваются по двум векторам – положительному и отрицательному. Наличие двух векторов интенсивности состояния составляет еще одну особенность микрополя «Смех». На положительной оси находятся единицы с дифференциальной семой усиления состояния. Это в основном предикативные выражения, такие, как *rire à se tenir (à se torde) les côtes (à se faire mal aux côtes)* 'смеяться до упаду, помирать со смеху'.

- *Et malgré moi, dans la pensée, j'affublais de jaquettes à fleurs, de culottes courtes, de larges feutres à retroussis, tout ce brave petit monde de droguistes, doreurs, marchands d'épices qui se tenaient les côtes à regarder dépaver leurs rues et paraissaient si fiers d'avoir une barricade devant leur magasin (A. Daudet. Les Contes du Lundi). – И невольно мне рисовался этот маленький мирок аптекарей, позолотчиков, бакалейщиков, одетых в жилеты с цветочками, короткие штаны, фетровые шляпы с загнутыми полями, которые помирают со смеху, глядя, как выламывают их мостовую, и гордятся тем, что перед их магазином построена баррикада.*

Здесь также встречаются фразеологические образные сравнения, например: *rire (rigoler) comme une baleine* 'смеяться во весь рот'.

- ... *et lui de rigoler comme une baleine (B. Cendrars. Emmène-moi au bout de monde). – ... И тут он рассмеялся во все горло.*

В данную оппозицию входят немногочисленные субстантивные фразеологизмы, выражающие эмоциональное состояние, типа: *la bouche fendue jusqu'aux oreilles* 'рот до ушей'. Их количественный состав в рассматриваемом фразеосемантическом поле невелик. В микрополе «Смех» выявлена лишь одна единица. Это явление объясняется тем, что субстантивные ФЕ, имеющие существительное в качестве доминирующего компонента, в

первую очередь выполняют номинативную функцию. Как показало исследование, такие фразеосочетания крайне редко выражают состояния.

На противоположной оси в оппозиции к ядру микрополя находятся фразеологические единицы с дифференциальной семой ослабления состояния: от смеха к улыбке. А улыбка, как известно, это лишь преддверие смеха. Например: *sortir à toutes ses dents* 'улыбаться во весь рот', *être tout sourire* 'расплыться в улыбке', *sourire de toutes ses dents* 'расплываться в широкой улыбке; улыбаться, оскалив зубы'.

- *Paul sourit de toutes ses dents, marmonne une formule et sort* (H. Bazin. *La mort du petit cheval*). – *Поль расплывается в широкой улыбке, бормочет положенные приветствия и уходит.*

Периферийная зона анализируемого микрополя разделена на ближнюю и дальнюю. Ближнюю периферию составляют ФЕ с дифференциальной семой «смеяться втихомолку», такие, как: *rire sous la barbe*; *rire sous (la) cape*; *rire sous coiffes (dans les coiffes)* 'смеяться исподтишка'. Особенностью выражений, помещенных в ближнюю периферию микрополя, является то, что все они выступают как национально маркированные единицы. Если для русского языкового сознания сема «смеяться исподтишка» реализуется в выражении *смеяться в кулак*, то для носителя французского языка это значение заключается в выражениях *смеяться в бороду (под плащом, под чепцом)*. Как видно, метафоризации в рассматриваемом МП подвергаются исключительно национальные образы.

Дальнюю периферию микрополя «Смех» составляют стилистически сниженные фразеологические единицы с функциональной дифференциальной семой. Например: *se fendre la gueule (la bulle)* (прост.) 'хохотать'; *se taper le cul par terre (de rire)* (прост.) 'безудержно смеяться', *rire comme un cul* (груб.) 'смеяться, хохотать во все горло'; *se faire rire des cuisses de qch* (груб.) 'смеяться'.

- *Le secret de cette mystérieuse affaire [disait le journal]... Le secret? Je m'en serais fait rire les cuisses, s'il ne s'était agi de moi dans ce coup* (Simonin.

Cave se rebiffe). – Тайна этого загадочного дела [писала газета]... Тайна? Я бы от души посмеялся на этим, если бы речь не шла обо мне в этой связи.

ФЕ, составляющие дальнюю периферию микрополя, характеризуются не только ограниченной сферой употребления. Как видно из примеров, внутри корпуса единиц этой зоны выделяется еще одна дифференциальная сема, разграничивающая интенсивность выражаемого состояния от «просто смеяться» до «хохотать во все горло». Стилистически сниженное значение данных выражений обеспечивается тем, что в их состав входят сниженные лексические единицы. Несмотря на происходящее в процессе фразеологизации переосмысление значения компонентов фразеологизма, все выражение в итоге остается стилистически сниженным. Можно заключить, что при фразеобразовании коннотация стилистически сниженного компонента доминирует по отношению к другим составляющим фразеологической единицы. Это свойство стилистически сниженных ЛЕ обеспечивает тот регистр, на котором и функционирует полученное в ходе фразеобразования выражение.

Как сказано выше, эмоция «Смех» имеет полярную модальность. Известно, что деление эмоциональных состояний на положительные и отрицательные связано с удовлетворением или неудовлетворением потребностей человека. Поэтому они классифицируются не по нравственному признаку, а согласно понятиям «приятное / неприятное» [Волкова 2005: 19]. Способность смеха выступать в качестве положительного или отрицательного ЭС обусловлена самой природой человека, возможностью смеяться даже в неподходящей ситуации. В таком случае говорят о вынужденном смехе, о смехе сквозь слезы, и смех как эмоциональное состояние приобретает отрицательную модальность.

В дальней периферии исследуемого микрополя помещаются фразеологические единицы с дифференциальной семой «смеяться принужденно». Это такие выражения, как: *rire jaune* 'деланно смеяться', *rire à bout des dents* 'принужденно смеяться'. Переосмысление происходит по метафори-

ческому (*jaune 'желтый'*, цвет, который в языковом сознании носителей французского языка ассоциируется с грустью и печалью) и по метонимическому (*à bout des dents*) признакам.

Таким образом, проведенное исследование показало, что МП «Смех» в составе фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» представляет собой многоступенчатое образование с размытым ядром, нелинейной структурой, биполярной зависимостью конstituентов. При нечетко выделенной ядерной зоне периферия не пересекается с другими полями, как это имеет место у большинства других микрополей рассматриваемого фразеосемантического поля.

В целом субполе «Эмоциональные состояния с биполярной модальностью» характеризуется как бицентричное образование, поскольку его центр составляют ядра двух микрополей: «Удивление» и «Смех». При доминирующей позиции предикативных фразеологических единиц встречаются и другие структурные типы: субстантивные и компаративные ФЕ. Особенностью субполя является отсутствие в нем единиц с дифференциальным семантическим признаком «рассмешить». Сема «вызвать то или иное эмоциональное состояние» присутствует во всех микрополях ФСП «Эмоциональные состояния человека», и лишь в МП «Смех» она не выявлена.

§ 3. СПЕЦИФИКА ЕДИНИЦ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА»

3.1. Национально маркированные фразеомотивы французского языка

Выражение эмоциональных состояний носит национально обусловленный характер, который проявляется как на экстралингвистическом, так и непосредственно на лингвистическом уровне.

Особенно ярко национальное своеобразие языка отражается во фразеологии. Оно обнаруживается при изучении любого ее аспекта. Фразеологическим единицам в целом свойственна национальная специфика. Она включает в себя идиозтнические черты фразеологизмов, обусловленные типичными особенностями языка и сознания его носителей, фразеологическое значение также является национально-специфичным. Оно выступает как потребность этноса, то есть «объективная нужда, отраженная в его психике» [Рубинштейн 1989: 103]. Эта потребность ищет форму для своей материализации и находит ее в конкретном образе, который существовал на бессознательном уровне мыслительной деятельности народа [Кириллова 2003: 19].

Национально маркированные фразеологические выражения рождаются из необходимости отобразить те или иные стороны человеческой жизни, включая различные ощущения и переживания, непосредственно связанные с определенным этносом и его специфическим отражением действительности.

Кроме того, язык представляет собой результат деятельности как народа в целом, так и отдельной творческой личности. Такой подход к отражению языком опыта человеческой деятельности позволяет взглянуть на человека не только как на думающее (*homo sapiens*), но и как на чувствующее (*homo sentiens*) существо, что делает эмоциональную сферу языковой личности важной областью изучения современной лингвистики.

Языковая личность представляет собой явление, в котором понятие личности дополняется национальным своеобразием. Это своеобразие определяется, в первую очередь, языком, которым эта личность пользуется. Язык, наряду с общностью культурных ценностей и традиций, отражает национальный характер и национальные особенности народа [Караулов 1976: 47]. Эмоции человека, не являясь зеркальным отражением мира, выступают как эмоциональное отношение к нему и выражаются в языке посредством эмотивов. Большинство антропоцентрических эмотивных фразеологизмов французского языка в основе своей имеет национальные образы. Они могут быть определены в рамках таких культурных кодов, как: 1) антропоморфный, репрезентирующий человека и части его тела; 2) биоморфный, репрезентирующий явления животного и растительного мира; 3) объектный – представляет образы предметов обихода; 4) анимический, репрезентирующий явления природы; 5) мифологический, объективирует религиозные образы, сказочные персонажи; 6) колоративный – образы, связанные с символикой цвета [Багаутдинова 2006: 7].

3.1.1. Национально-культурный семантический компонент французских фразеоземотивов

В настоящей монографии идиоэтнические фразеологизмы рассматриваются, с одной стороны, с точки зрения тех эмоциональных состояний, которые они выражают, с другой – на уровне составляющей национально-культурного компонента, заключенного в них. Так, выражение ЭС «Удовольствие / неудовольствие» реализуется в таких фразеологических единицах, как: *boire au (petit) lait 'с удовольствием слушать похвалы в свой адрес'*; *être de bon poil 'быть в хорошем настроении'*; *être bien dans sa peau (ses baskets) 'быть в хорошем расположении духа'*; *être comme un crin 'быть раздражительным, быть вечно не в духе'*.

- *Nous disposons des ressources assez considérables d'ailleurs ... Je buvais du petit lait. Cet aveu! (P. Cautrat. Paris, porte à porte). – Мы располагаем довольно значительными средствами. Я наслаждался. Вот это признание!*

- *Sans savoir encore s'il était de bonne humeur ou de mauvais poil, Maigret grommela (J. Simenon. Mon ami Maigret). – Еще не зная, был он в хорошем или плохом настроении, Мэгре заворчал.*

- *... il est comme un crin dès qu'il s'agit de son trésor (H. de Balzac. Le Cousin Pons). – ... тронь только его сокровища, он весь раскипятится.*

В приведенных примерах информация о национально-культурном компоненте содержится во внутренней форме идиомы. В рассмотренных фразеологических единицах фразеолексы *lait, poil, peau, crin* представляют собой ядро внутренней формы, в котором заключен национальный компонент, образная составляющая фразеологизма (термин Д.О. Добровольского). Под фразеолексой мы понимаем лексему в несамостоятельной функции, с приобретенными во фразеологизме свойствами [Кириллова 2003: 86]. Термин «фразеолекса» в работе принято употреблять вместо «компонент ФЕ» во избежание понятийной путаницы.

Образный потенциал идиомы представляет собой комплексный, разносторонний феномен. При актуализации идиомы говорящий представляет образы, которые описываются и истолковываются в определенных условиях. Они, как правило, не связаны со значением соответствующих идиом.

Национально-специфические черты выявляются в ходе анализа составляющих фразеологизма от лексем до фразеосемемы по схеме, предложенной Н.Н. Кирилловой: лексема – фразеолекса – атомарное словосочетание (АСС) – фразеосемема. Таким образом, в центре исследования идиоэтнического фразеологизма находится фразеолекса как единица фразеолексикона. Под фразеолексиконом понимается совокупность лексем, которые продолжают свою семантическую эволюцию во фразеологических единицах.

Важными составляющими представленной цепи являются атомарное словосочетание и фразеосемема. Под атомарным понимается словосочетание, лексемная структура которого предопределяется сформировавшимися в сознании народа установками, то словосочетание, которое выполняет роль имени атомарного факта из экстралингвистической действительности

[там же: 29]. Это имя первичного десигната (ситуации), которое становится фразеологической единицей, наполняясь новым содержанием (фразеосемемой), возникающим в результате трансформации значения отдельных компонентов фразеологизма. Например: *être soupe au lait* 'быть очень вспыльчивым' (АСС 'быть молочным супом', 'вскипать так же быстро, как молоко') – фразеосемема несет в себе выражение ЭС «Гнев». Она радикально отличается от значения атомарного словосочетания.

- *Julien est soupe au lait, il dit dans sa colère des choses qu'il ne pense pas* (A. Wurmser. *Un Homme vient au monde*). – Жюльен вспыльчивый человек. В гневе он говорит то, чего не думает.

Гнев также выражается фразеологической единицей *prendre la mouche* 'внезапно рассердиться'. Фразеолекса «*la mouche*» включает в себе национальный компонент, т.к. значение данного идиоэтнического выражения имеет истоки, связанные с деревенской жизнью Франции. Укусы животных насекомыми, например, оводами, жертвами которых становились в основном лошади и крупный рогатый скот, вызывали внезапные резкие движения этих животных. Фразеосемема образуется из аналогии с поведением животных в таких ситуациях.

- ... *Le petit monsieur regardait toujours Tartarin... A la fin le Tarasconais prit la mouche* (A. Daudet. *Tartarin de Tarascon*). – ... Маленький господин все глядел на Тартарена. Наконец, тарасконца взорвало.

Подобным образом сложилось фразеологическое значение выражения *mettre (ficher, foutre) qn en boule* (разг.) 'разозлить, вывести из себя', которое также связано с поведением некоторых животных, их способностью собираться в клубок в случае опасности или гнева (еж, кошка).

- *Je parie qu'encore avant ce soir nous aurons un coup de téléphone du jeune M. Cromières. Encore un qui avait le don de mettre Maigret en boule* (G. Simenon. *Maigret et les vieillards*). – Держу пари, что еще до наступления вечера нам позвонит молодой господин Кромьер. Еще один, кто способен выводить Мегрэ из себя.

Национально маркированным является значение идиомы *faire l'Olibrius* 'бушевать, бесноваться'. Его специфика состоит в том, что для выражения ЭС «Гнев» использовано имя жестокого правителя Галии Оибриуса, преследовавшего христиан.

Истоки значения фразеологизма *monter (jucher) sur les grands chevaux* 'сердиться, возмущаться; вспылить, в гневе наброситься на кого-л.' восходят к Средневековью, когда знатные вельможи, принимая воинственный вид, взбирались на своих породистых, высоких лошадей, демонстрируя тем самым проявление гнева по отношению к врагу и готовность к бою.

- *Mon Oustric, il avait fait la bêtise de lui en dire un mot; l'autre était monté sur ses grands chevaux* (L. Aragon. *Les Communistes*). – *Мой Устрик имел глупость проговориться, а тот вспылил.*

Фразеологическое значение идиомы, которое выражается фразеологическим знаком и присутствует там, где человек желает выразить свое отношение к предмету восприятия, выступает как потребность этноса, ищущего форму для своей материализации и находящего ее в конкретном образе, существовавшем на бессознательном уровне мыслительной деятельности народа.

Фразеосемантика идиоэтнической единицы, выражающей эмоциональное состояние, обусловлена значением фразеолексы, которое включает в себе национально-культурный компонент. Сама же фразеолекса может быть представлена:

1. **Библеизмами:** *faire des yeux de basilic* 'смотреть злыми, сердитыми глазами'; *être aux anges*; *être au septième ciel* 'быть на седьмом небе от счастья'. Понятие «*le septième ciel*» – «седьмое небо» связано с иудейско-христианской религией, где Вселенная рассматривается как состоящая из семи уровней. Самым высоким является седьмой уровень. Именно там находится Бог, ангелы и души блаженных. Следовательно, выражение *être au septième ciel* означает пребывать в состоянии наивысшего блаженства.

- *Dans un mois je te ferai dîner avec ce petit ange-là... Car nous en sommes aux anges, mon vieux camarade* (H. de Balzac. *La Cousine Bette*). –

Через месяц я приглашу тебя пообедать с этим ангелочком... Ведь мы с ней живем на седьмом небе, старина.

Значение фразеологизма *pleurer comme une Madeleine* 'рыдать, лить слезы в три ручья', которое выражает ЭС «Горе», также имеет объяснение, связанное с религией, когда раскаявшаяся грешница Магдалина омыла своими горячими слезами ноги Христа.

- ... *Il est étendu comme un veau sur son lit et pleure comme une Madeleine* (H. de Balzac. *Eugénie Grandet*). – Он лежит на постели, как теленок, и плачет навзрыд.

Примечательно, что библейское имя собственное *Madeleine*, являясь компаративной лексемой выше названного фразеологического сравнения, употребляется в его составе с неопределенным артиклем: *une Madeleine*. Таим образом, оно приобретает формальный признак нарицательного имени существительного и наполняется новым, расширяющим и обобщающим смыслом.

Эмоциональное состояние «Покой» передается выражением *sérieux comme un rare* 'очень серьезный'. Синоним этой ФЕ – *tranquille comme Baptiste* 'невозмутимый, спокойный'. Что касается последнего примера, то национально-культурный компонент, заключенный во фразеолексе *Baptiste*, не имеет отношения к библеизмам. Это имя часто использовалось авторами французских комедий для персонажей-простаков, которые, получая многочисленные тумаки и удары, оставались невозмутимыми на радость толпе.

- *Albert était derrière son comptoir, tranquille comme Baptiste*. (L. Malet. *Le Soleil naît derrière le Louvre*). – Альбер стоял за своей стойкой с невозмутимым видом.

В приведенных выше фразеологизмах фразеолексы *au septième ciel*, *un rare*, *Baptiste* содержат в себе образную составляющую, которая выступает как элемент плана содержания и оказывает непосредственное влияние на усиление экспрессивности ФЕ.

2. Фразеолекса представлена **артефактами**: *ne pas être à prendre avec des pincettes* 'у кого-л. плохое настроение и с ним невозможно разговаривать'. В данном фразеосочетании национально-культурный компонент заключен в значении лексической единицы *des pincettes* 'щипцы'. Оно (значение) способствует отражению состояния печали специфическим, присущим французскому языковому сознанию образом. Подобным значением обладает ЛЕ *un croque-mort* 'факельщик, служащий похоронного бюро' в ФЕ *avoir une figure de croque-mort* 'выглядеть мрачным, недовольным'.

Во фразеологическом сравнении *être triste comme un bonnet de nuit* 'быть очень грустным' национально-культурная специфика заключена во фразеолексе *un bonnet de nuit*. В данном случае мы имеем усеченный вариант выражения *triste comme un bonnet de nuit sans coiffe*. *Un bonnet de nuit* (ночной колпак) на ночь надевали мужчины, а *une coiffe* (чепчик) женщины. Поэтому выражение *un bonnet de nuit sans coiffe* – имеет метафорическое значение 'остаться одному, грустить'.

- *Il me déplait, moi, ce testament insensé qui donnerait Raymonde, une jolie fille rieuse, à ce M. Giraud, qui est triste comme un bonnet de nuit* (J. Claretie. *Le Million*). – Мне не по душе это нелепое завещание, которое отдало бы Раймонду, жизнерадостную девушку, этому унылому господину Жиро.

3. Фразеолекса идиотизмических ФЕ представлена **цветообозначениями**. При анализе ФЕ с фразеолексой – цветообозначением установлено, что для выражения тех или иных эмоциональных состояний используются универсальные цветообозначения, принятые в различных языках. Это такие цвета, как: *rouge* 'красный', *noir* 'черный', *blanc* 'белый'. Например: *le rouge lui monte au visage* 'краска бросилась ему в лицо'; *se faire des idées noires* 'быть в мрачном настроении'; *blanc comme (un) linge* 'белый как полотно'.

- *Connie est restée dans la voiture. Elle est blanche comme un linge et elle claque des dents* (D. Didier. *Un policeman*). – Конни осталась в машине. Она была бледна как полотно и от страха стучала зубами.

Кроме того, фразеолекса эмотивных ФЕ выражается национально маркированными цветообозначениями. Это зеленый цвет для выражения страха: *être vert de peur* 'позеленеть от страха'; серый – для выражения печали: *avoir la grise* (прост.) 'грустить, тосковать'; желтый – для выражения гнева: *colère jaune* 'яростный гнев, сильное раздражение'. (Ср. русск.: 'посинеть от страха'; 'тоска зеленая', 'побелеть от гнева').

- *Bonaparte sauta de sa chaise... Une vraie colère le prit; une de ses colères jaunes* (A. de Vigny. *Certitude et grandeur militaires*). – *Бонапарт вскочил со стула... Он рассердился не на шутку. Это был приступ яростного гнева.*

На основании анализа корпуса ФЕ можно сделать вывод о том, что фразеолекса выражается цельнооформленными либо раздельнооформленными лексическими единицами, преимущественно существительными или прилагательными, как в структуре выражений третьей группы, где в роли фразеолексы доминируют прилагательные, обозначающие цвет.

4. Фразеолекса представлена субъектами живой природы (**зоонимами и фаунонимами**): *jeter des cris de raon (d'orfraie)* 'сильно кричать'; *triste comme un hibou* 'скудный, надутый'; *mouton enragé* 'разъяренный ягненок (о рассвирепевшем кротком человеке)'; *avoir (gober) son bœuf (sa chèvre)* (арго) 'рассвирепеть, прийти в ярость'; *avoir un chien pour qn* (разг.) 'влюбиться в кого-л.'; *avalier un rat (bouffer du rat)* (разг.) 'иметь недовольный вид'; *devenir chèvre* (разг.) 'проявлять нетерпение, психовать, беситься'.

Анализ фактического материала показывает, что для французского языкового сознания при выражении эмоциональных состояний наиболее типичными образами животных являются такие, как *une baleine* 'кит', *un bœuf* 'бык', *une chèvre* 'коза', *un chien* 'собака', *un hibou* 'сова', *un rat* 'крыса', *un raon* 'навлин', *une orfraie* 'орлан', *un mouton* 'баран'. В ходе исследования установлено, что, несмотря на обилие образов животного мира во фразеологии французского языка, эмотивных ФЕ с фразеолексой – зоонимом или фаунонимом насчитывается сравнительно немного – всего около 30 еди-

ниц из общего корпуса ФЕ. Они представлены, преимущественно, предикативными выражениями и обладают высоким эмоциональным и аксиологическим потенциалом благодаря лежащей в их основе образности.

Таким образом, исследование показало, что национальная специфика фразеэмотивов французского языка проявляется посредством национально-культурного компонента, заключенного во внутренней форме фразеологических единиц. В основе внутренней формы лежит идиоэтнический образ, отраженный французским языковым сознанием и закрепившийся в ФЕ.

3.1.2. Метафорический образ

в идиоэтнических эмотивных фразеологизмах

Образные ассоциации эмотивных идиоэтнических фразеологических единиц базируются на метафорическом переносе значения. Метафора оживляет реальное значение фразеологизма, с одной стороны, и ярче отражает его национально-культурные особенности, с другой. Благодаря метафоре язык представляет систему лексических и фразеологических единиц в постоянной динамике. Она позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации для носителя данного языка [Маркелова, Хабарова 2005: 20].

Внутренний мир человека, его эмоциональное состояние часто представляется в языке при помощи метафор. «Метафорическое зеркало» отражает не реальное положение дел, а его восприятие в национальном сознании [Чудинов 2003: 211].

Исследователи обозначают метафору как перенос из области-источника в область-мишень. Область-источник представляет собой так называемую «донорскую зону», основу, признаки и свойства которой переносятся на область описания. Для передачи ирреальных сущностей, которые включает в себе эмоциональная сфера человека, язык использует знаки, закрепившие за собой уже существующий опыт [Пименова 2004: 83]. Фразеэмотивы выражают эмоциональные состояния через признаки

внешнего мира. Явления внутреннего мира носитель языка описывает, соотнося их с тем, что уже известно другим людям. Так возникает уподобление ЭС стихиям, веществу, растениям и т.д. Оно позволяет увидеть сходство между известным и неизвестным. Это сходство квалифицируется как метафорический признак, то есть общее основание, по которому сравниваются несхожие явления.

Исследуемый фактический материал позволяет выделить у идиоэтнических эмотивных фразеологических единиц французского языка метафорические признаки, соотносящиеся со следующими понятиями:

1. Продукты питания: *sentir la moutarde au nez* 'внезапно рассердиться, вспылить, вскипеть'; *la colère (la moutarde, la poudre) lui monte au nez*; *la moutarde lui pique au nez* 'он вспылит'. Специфическим национальным маркером в данных ФЕ является лексическая единица *la moutarde* 'горчица'. Едкий запах и специфический вкус этого продукта ассоциируется у носителя языка с неприятным, раздражающим ощущением. Такая ассоциация отражается в процессе фразообразования и имеет идиоэтнический характер.

- *La moutarde me monte au nez, je distribue à droite et à gauche des coups de cravache...* (A. Theuriet. *La Chanoinesse*). – *Гнев охватил меня, я стал раздавать удары хлыстом направо и налево...*

Состояние удивления выражает фразеологическое сравнение *en rester comme une tomate (une tourte)* (pop.) 'быть крайне удивленным' (букв. *оставаться как томат (как круглый пирог)*). Образные сравнения, в основе которых лежат названия продуктов питания, можно найти и в других языках. (Ср. русск.: *первый блин комом, хрен редьки не слаще*). Но компоненты *une tomate* 'помидор' и *une tourte* 'круглый пирог' в качестве сравниваемых образов характерны именно для французского языкового сознания.

2. Эмоциональные состояния ассоциируются в языковом сознании носителей французского языка со **стихиями**. Признаки стихий огня и воды традиционно используются эмотивными ФЕ для выражения отрицатель-

ных ЭС, таких, как «Гнев» и «Горе». Например: *prendre feu comme de l'amadou* 'рассердиться, вспыхнуть'; *souffler le feu* 'войти в раж, раскипиться'; *se fondre en eau* 'заливаться слезами'. Признак стихии 'земля' манифестируется при передаче ЭС «Тревога / Волнение»: *le sol manque sous les pas de qn* 'земля уходит из-под ног у кого-л.' Этот же признак, выражаемый лексической единицей *la terre*, обнаруживается в эмотивных фразеологизмах, объективирующих отрицательные эмоциональные состояния («Стыд»), положительные («Радость»), а также биполярные ЭС («Удивление», «Смех»). Он встречается в таких фраземотивах, как: *ficher (flanquer, foutre) par terre* '1) бросить, швырнуть, уронить; 2) ошеломить, ошарашить'; *faire rentrer en terre* 'ошеломить'; *être à terre de rire* 'номирать со смеху'; *faire rentrer (à cent pieds) sous terre* 'пристыдить, оконфузить, вогнать в краску'; *vouloir être à cent pieds sous terre (vouloir rentrer sous terre)* 'быть готовым провалиться сквозь землю (от стыда); *ne pas toucher la terre* 'ног под собой не чуют от радости'.

Признак четвертой стихии – воздуха обнаруживает себя в эмотивных фразеологизмах, выражающих самые разные состояния: удовольствие, волнение, гнев, удивление, страх, радость. Например: *se donner de l'air* 'расслабиться, развлекаться'; *s'envoyer en l'air* (прост.) 'получать удовольствие, наслаждаться'; *être en l'air* 'быть в смятении, волноваться'; *sauter en l'air* 'гневно возмущаться, прийти в негодование'; *se sentir en l'air* 'не чувствовать твердой почвы под ногами' (от страха или от радости).

- *Vous êtes si aimé, que toute la maison est en l'air pour vous* (H. de Balzac. *Le Cousin Pons*). – Вас так любят, что весь дом всполошился из-за вас.

Таким образом, можно заключить, что национальное своеобразие эмотивных фразеологизмов французского языка проявляется посредством метафорических образов стихий с учетом этнопсихологического восприятия последних. Специфика национального видения стихий заключается в широком толковании и отражении во фразеологическом пространстве образов земли и воздуха.

3. В следующую группу объединяются единицы с метафорическим признаком **предмета**, обозначающего: а) оружие: *être en fusil* 'быть в ярости'; б) предметы домашней утвари: *les charettes lui nuisent* (разг.) 'он крайне раздражителен'; *ouvrir le robinet* 'плакать горячими слезами, реветь'; в) одежду – обувь: *avoir le bonnet près de l'oreille* (разг.) 'быть вспыльчивым'; *mettre son bonnet de travers* (разг.) 'быть не в духе'; *être (entrer) dans ses petits souliers* 'чувствовать себя неловко; быть охваченным беспокойством, страхом'; г) химическое вещество: *péter les plombs* (прост.) 'нервничать'; д) небесные тела: *être dans une (la) bonne (mauvaise) lune* 'быть в хорошем (плохом) расположении духа'; *tomber (débarquer) de la lune* 'свалиться с луны, удивится'; *piquer le soleil* 'вспыхнуть, покраснеть (от стыда)'

Образы в основе вышеприведенных фразеологизмов национально специфичны: *un fusil* 'ружье', *une charette* 'повозка', *un robinet* 'кран', *un bonnet* 'ночной колпак', *des souliers* 'туфли', *la lune* 'луна', *le soleil* 'солнце'. Примечательно, что, например, образ *un fusil* манифестирует этническое восприятие гневного состояния, а образ *une charette*, представленный стилистически нейтральной лексической единицей, выступает экспрессивно-эмоциональным маркером того же состояния.

Исследование показало, что метафорические представления о предметах одежды не часто используются в эмотивных фразеологизмах французского языка. Они составляют менее 1 % от общего количества единиц, отобранных для исследования.

В целом, все эти образы способствуют отражению эмоциональных состояний сквозь призму национального сознания французского этноса.

4. **Части тела (соматизмы):** *chaleur de foie* (разг.) 'вспышка гнева'; *avoir la tête près du bonnet* (разг.) 'быть вспыльчивым, раздражительным'; *faire mal au ventre de qn* 'действовать кому-либо на нервы', *la plume me tombe des mains* 'я очень удивлен, ошеломлен'.

Анализ фактического материала показывает, что метафоры-соматизмы наиболее широко представлены в исследуемом корпусе ФЕ.

По этой причине представляется целесообразным провести более подробный анализ этой весьма своеобразной и объемной группы единиц во фразеологической системе французского языка.

Метафорические образы, в основе которых лежат наименования различных частей человеческого тела, особенно активно используются при фразообразовании для выражения различных типов смеха. Например: *rire à belles dents* 'смеяться во весь рот'; *rire à la gorge déployée* 'смеяться во все горло'; *dilater le cœur* 'радовать, воодушевлять, ободрять'; *rire au nez* 'смеяться в лицо'; *la bouche fendue jusqu'aux oreilles* 'рот до ушей'; *rire à ventre déboutonné* 'живот надорвать от смеха'. Употребление метафоры-соматизма в составе перечисленных ФЕ объясняется тем, что во время смеха, в первую очередь, происходят соматические изменения в организме человека, что нашло свое выражение во фразеологическом пространстве языка.

Связать выражение эмоций в языке со строением человеческого тела и внутренними органами помогает «наивная анатомия». Фразеологизмы, в которых в роли фразеолексы, несамостоятельной единицы языка в составе ФЕ, выступают названия частей человеческого тела и внутренних органов, широко распространены во французском языке. Они активно используются для отражения различных характеристик личности, включая эмоции.

Исследователи считают, что ЭС – состояние души и тела, как эмоциональная реакция на события окружающей действительности, может быть описано в языке лишь, будучи испытанным самим человеком [Телия 1996: 112]. Языковое выражение душевных (эмоциональных) состояний наиболее естественным образом осуществляется при помощи лексической единицы «сердце», так как понятия «душа» и «сердце» тесно связаны между собой в эмоциональном смысле. В самом деле, «душа» и «сердце» имеют много общего в своем значении. С этими понятиями связаны определенные процессы, происходящие в человеческом организме. И чаще всего они ассоциируются с функциями, которые выполняют душа и сердце [Урысон 1995: 3]. Сердце неслучайно считается символом чувств. Гиппократ умел

различать до 60 оттенков в работе сердца в зависимости от эмоционального состояния человека [Еникеев 2007: 517].

Для исследования фразеологизмов, содержащих фразеолексу «*cœur*» 'сердце', методом прямой выборки из различных фразеологических словарей французского языка были отобраны 214 фразеологических единиц. Из них только 15 единиц, или 7%, выражают то или иное эмоциональное состояние человека.

Для проведения семантического анализа отобранные ФЕ сгруппированы по принципу фразеосемантической диады, один компонент которой представляет собой фразеолексу, а другой – название эмоционального состояния, которое эта фразеолекса передает в составе данного фразеологизма.

Ниже представлен фактический материал в виде таблиц. Название каждой таблицы соответствует определенной фразеосемантической диаде.

Таблица 1

Cœur – rire (ЭС «Смех»)

<i>rire de bon cœur</i> <i>(rire de tout cœur)</i>	<i>смеяться от всей души</i>
<i>avoir le cœur gai</i> <i>avoir le cœur joyeux</i>	<i>быть веселым, жизнерадостным.</i>

Таблица 2

Cœur – amour (ЭС «Влюбленность»)

<i>le cœur en fête</i>	<i>в прекрасном настроении</i>
<i>avoir le cœur épris de qn</i>	<i>быть влюбленным в кого-либо</i>

Таблица 3

Cœur – chagrin (ЭС «Печаль»)

<i>le cœur gros</i>	<i>с тоской, с грустью</i>
<i>avoir (se sentir) le cœur gros,</i> <i>avoir gros sur le cœur</i>	<i>быть печальным</i>
<i>avoir le cœur serré</i>	<i>с тяжелым сердцем</i>
<i>avoir le cœur bas</i>	<i>быть в угнетенном, подавленном состоянии</i>
<i>avoir le cœur lourd</i>	<i>быть очень печальным, сокрушаться</i>

Cœur – émotion (ЭС «Волнение»)

<i>en avoir le cœur retourné</i>	<i>испытывать сильное волнение</i>
<i>avoir le cœur en déroute</i>	<i>быть потрясенным до глубины души</i>

Принцип диады при систематизации ФЕ является условным, т.к. один и тот же фразеологизм может находиться в составе двух и более диад. Например: ФЕ *le cœur en fête* 'в прекрасном настроении' может передавать состояние влюбленности и входить в состав диады *cœur – amour*. Тот же самый фразеологизм способен выражать состояние радости, входя в состав диады *cœur – joie*.

- *Son humeur fluctuait de l'indulgence à la colère ... Passer la soirée avec des gamins de vingt ans. Et s'en revenir tout gilleret, le cœur en fête...* (J.-P. Curtis. *La Quarantaine*). – Его настроение переходило от снисхождения к раздражению... Провести вечер с двадцатилетними мальчишками. И все же чувствовать себя веселым, как в праздничный день.

В этих случаях ФЕ *le cœur en fête* имеет положительную коннотацию, тогда как ФЕ *en avoir le cœur retourné* 'испытывать сильное волнение', входя в диаду *cœur – émotion*, где она выражает отрицательную эмоцию, может одновременно находиться в составе диады *cœur – amour*, приобретая при этом положительную коннотацию.

- *Quand le vaguemestre appelait «Vallier!» il en avait le cœur retourné* (L. Aragon. *Les Communistes*). – Когда вахмистр вызывал: «Валье!», у того душа уходила в пятки.

Семантическая составляющая в приведенных выше примерах фразеологических единиц базируется на метафорическом переносе значения. Лексическая единица «*cœur*», являясь фразеолексой, одновременно выступает в качестве метафоры с положительным или отрицательным значением: *cœur gros*, *cœur bas*, *cœur en fête*. Образ, созданный этой метафорой, способствует выражению ЭС в зависимости от ассоциаций, которые он вызывает у реципиента. Этот образ является основой не только предметно-

логического, но и эмоционально-оценочного содержания ФЕ [Маркелова, Хабарова, 2005: 17].

Квантитативный анализ фразеологических единиц с фразеолоксой «*cœur*» показывает, что в составе ФЕ со значением ЭС «Смех» она встречается в четырех из пятнадцати единиц, содержащих данную фразеолексу (см. таблицу № 1), несмотря на уникальность этого эмоционального состояния. Известно, что смех – эмоция, присущая исключительно человеку. Она рассматривается как высшая духовная привилегия человека, недоступная другим живым существам.

В составе фразеологизмов, выражающих ЭС «Влюбленность», две ФЕ из пятнадцати имеют фразеолексу «*cœur*» (см. табл. 2). Эмоциональное состояние «Волнение» представлено также двумя ФЕ (см. табл. 4).

В составе ФЕ со значением ЭС «Горе / печаль» исследуемая фразеолекса встречается в семи ФЕ из пятнадцати (см. табл. 3). На основании проведенного количественного анализа можно сделать вывод, что фразеолекса «*cœur*» одинаково употребляется во фразеологизмах, выражающих положительные и отрицательные эмоции.

Исследуемый фактический материал показывает, что предикативные фразеологические единицы с фразеолоксой-соматизмом имеют преимущественно так называемый «инактивный» глагол *avoir* 'иметь' в качестве доминирующего компонента, например: *avoir le cœur joyeux* 'быть жизнерадостным'. В такой же позиции употребляются и некоторые местоименные глаголы, например: *se faire du bon sang* 'развлечься, доставить себе удовольствие'; *se promener dans la lune* 'витать в облаках'; *s'aigrir la bile* 'злиться, беситься'; *se lever le cul devant (разг.)* 'быть не в духе'. При анализе фактического материала, наряду с упомянутыми глаголами, были выявлены *переходные глаголы, выражающие активное действие* в составе ФЕ со значением эмоционального состояния, например, глагол *prendre* 'брать': *en prendre plein la gueule (прост.)* 'восторгаться, восхищаться'; *prendre son plaisir à ...* 'наслаждаться'; глагол *passer* 'проходить': *passer*

par toutes les couleurs de l'arc-en-ciel 'сильно испугаться'. В этих выражениях переосмыслению подвергается не только денотат образа в основе ФЕ, но и денотат предиката, в котором заключена общая сема «находиться в том или ином состоянии». Таким образом, можно заключить, что в процессе фразеологизации семантическим изменениям подвергаются все структурные члены устойчивого выражения, представляющие собой знаменательные части речи.

5. Следующую группу метафорических образов составляет жидкая среда организма – кровь.

Чувства и желания человека представляют собой ту сферу, которая, хотя и косвенно, но связана с анатомией и физиологией человека [Урысон 1995: 6]. Сердце, являясь органом эмоциональной жизни, с точки зрения «наивной анатомии», ассоциируется с кровью. Изменения в кровообращении при эмоциональных нагрузках напоминают изменения кровообращения при тяжелой мышечной работе [Шингаров 1971: 5].

Фразеологический состав французского языка позволяет наглядно показать, как представления носителей языка связаны с понятием «кровь» и отражены в языке. Для исследования были отобраны 80 фразеологизмов, имеющих в своей основе метафорический образ «*sang*» 'кровь'. Из них 24 единицы выражают различные эмоциональные состояния. Приведенный выше принцип фразеосемантической диады позволяет представить фактический материал следующим образом:

Таблица 1

Sang – joie (ЭС «Радость»)

<i>faire du bon sang</i>	<i>радовать, ободрять</i>
<i>se faire du bon sang (une once, une pinte de bon sang)</i>	<i>развлечься, доставить себе удовольствие</i>

Таблица 2

Sang – chagrin (ЭС «Горе»)

<i>pisser du sang (пост.)</i>	<i>мучиться, страдать</i>
<i>faire pisser du sang (пост.)</i>	<i>причинять страдания</i>

Sang – émotion (ЭС «Гнев», «Волнение»)

<i>le sang aux yeux</i>	<i>с налитыми кровью глазами</i>
<i>allumer (fouetter, brûler, é mouvoir, enflammer) le sang</i>	<i>взволновать кровь, возбудить, распалить</i>
<i>avoir le sang chaud (avoir le sang vif, avoir le sang qui bout, avoir le sang qui bouille dans les veines)</i>	<i>быть вспыльчивым</i>
<i>se cailler le sang</i>	<i>злиться, выходить из себя</i>
<i>se calciner le sang</i>	<i>волноваться, сильно беспокоиться</i>
<i>se faire du mauvais sang (un sang du diable, de canard, de vinaigre, d'encre, une pinte de mauvais sang)</i>	<i>нервничать, волноваться, злиться, переживать из-за кого-л.</i>
<i>faire tourner le sang à ...</i>	<i>вывести из себя, возмутить до глубины души</i>
<i>son sang bout (bouillonne, s'enflamme, s'allume, pétille) (dans ses veines)</i>	<i>кровь кипит у него в жилах</i>
<i>mon (son) sang n'a fait qu'un tour</i>	<i>я (он) вспылил, вскипел</i>
<i>le sang lui monte aux joues</i>	<i>у него кровь приливает к щекам, он покраснелся (от волнения)</i>
<i>le sang lui monte à la tête</i>	<i>кровь ударила ему в голову</i>

Таблица 4

Sang – peur (ЭС «Страх»)

<i>avoir le sang glacé</i>	<i>кровь стывает в жилах</i>
<i>glacer (figer) le sang (dans les veines)</i>	<i>леденить кровь в жилах</i>

Таблица 5

Sang – paix (ЭС «Покой»)

<i>de sang rassis</i>	<i>спокойно</i>
-----------------------	-----------------

В ходе анализа выявлены некоторые особенности семантики и структуры исследуемых единиц. В плане содержания фразеологические единицы с фразеолоксой «sang» преимущественно выражают отрицатель-

ные ЭС (21 единица из 24, или 85%). С точки зрения структуры они представляют собой в основном предикативные выражения (20 из 24, или 83%) с односторонней взаимозависимостью значения компонентов. Образ «*sang*» в основе рассматриваемых ФЕ как таковой не является национально-маркированным. Однако в процессе фразообразования как результат переосмысления образуются идиоэтнические выражения, национальная специфика которых обусловлена метафорическим образом, выступающим в единой семантической связке с фразеолоксой «*sang*», например: *se faire un sang du diable (de canard, de vinaigre)*.

Рассмотренные ФЕ с фразеолексами-метафорами предстают ценностно маркированными идиоэтническими единицами, заключающими в себе элементы культурной коннотации. Их характерной чертой является образно-ситуативная мотивированность, которая является связующим звеном с мировидением народа – носителя языка.

В целом эмотивные фразеологизмы французского языка являются частью исторической памяти нации. Образное содержание и национально-культурная коннотация – это те составляющие, которые позволяют культуре закрепиться в языке. Выражая эмоциональные состояния человека, идиоэтнические фразеологические единицы несут в своем значении также специфические особенности мировидения и мироотражения носителями языка.

3.2. Фразеологические сравнения как средство передачи эмоциональных состояний

Известно, что сравнение как мыслительный процесс играет важную роль в чувственном познании и осмыслении окружающего мира.

Фразеологические сравнения составляют еще одну группу фразеологических средств, активно выражающих эмоциональные состояния человека. В любом языке можно обнаружить большое количество выражений, в основе которых лежит образное сравнение. Известно, что прием сравнения

играет важную роль в процессах познания, ведь именно в сравнении ярко отражена обобщающая природа языка.

Среди различных типов сравнений выделяют индивидуальные, общепринятые и устойчивые, или компаративные фразеологизмы. К ним относят возникшие на образной основе бинарные устойчивые обороты, члены которых объединены союзом *comme* [Назарян 1987: 113], а также образные сравнения, сложившиеся в языке как фразеологические единицы и вошедшие в его словарный состав [Назарян 1965: 7].

Образные выражения представляют собой одно из наиболее эффективных средств передачи эмоциональных состояний. В основе образного выражения эмоционального состояния в языке лежит единый принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению (реакции души), тому, что может наблюдаться непосредственно (реакции тела). Реакции тела могут оказаться ключом к тому, что происходит в душе человека [Апресян 1995: 461]. Представления о реакциях тела, лежащие в основе формирования значения устойчивого выражения, продолжают существовать в семантической структуре оборота в виде его образной составляющей [Добровольский 1996: 70]. Так, образная составляющая фразеологизма *trembler comme une feuille* 'дрожать как осиновый лист' заключена в компаративной лексеме *comme une feuille*. В данном случае ЭС «Страх» передается образным сравнением с объектом живой природы.

- *Il tourne vers moi un visage décomposé. Il tremble comme une feuille.* (P. Nord. *Journal d'un maître chanteur*). – Он поворачивается ко мне. Лицо его искажено. Он дрожит от страха.

Образные фразеологические сравнения французского языка передают эмоциональные состояния человека, одновременно оказывая эмоциональное воздействие на реципиента. Открывая новые грани восприятия, такие сравнения передают реципиенту настроение агенса, например: выражение *pleurer comme une source* – *заливаться горячими слезами* передает ЭС «Горе» и выступает стимулятором подавленного настроения.

Jeanne, dans sa chambre, se laissait déshabiller par Rosalie qui pleurait comme une source (G. de Maupassant. *Une Vie*). – Жанна в своей комнате дала себя раздеть Розали, заливавшейся горячими слезами.

ФЕ *s'allumer comme une traînée de poudre* 'вспыхнуть как порох, вспылить' сообщает о смене фазы состояния агенса в отрицательную сторону.

Компонентный анализ компаративных фразеологизмов со значением эмоциональных состояний человека представляется целесообразным провести на уровне **доминирующей** и на уровне **компаративной** лексем.

Исследование показало, что по способу выражения доминирующей лексемы выделяются глагольные и адъективные КФ. Доминирующая лексема глагольных фразеосочетаний, в свою очередь, может быть представлена:

1. **Конструкцией: глагол + прилагательное**, например: *être aise comme rat en paille* 'быть очень довольным' (АСС 'быть довольным как крыса на соломе'). Для данного типа фразеологических единиц применима формула: $V_{pass} + comme + N (pr.+N)$.

2. Доминирующая лексема представлена **непереходным глаголом** по формуле $V_t + comme + N$, например: *souffrir comme une roué* 'испытывать сильное горе, жестоко страдать'.

3. **Местоименный глагол** выступает в роли доминирующей лексемы компаративного фразеологизма по формуле $V_{pron} + comme + N (pr.+N+pr.+N)$: *s'amuser comme un limaçon sur un tuyau de poêle* 'сильно радоваться' (АСС 'забавляться как улитка на ручке сковороды').

Другую группу представляют ФЕ, в которых доминирующей лексемой является **именная часть речи**. Так, эмоциональное состояние «Счастье» передается фразеологическими сравнениями с прилагательным в роли доминирующей лексемы по формуле $Adj + comme + N$: *heureux comme un roi* 'счастлив до безумия'.

Компонентный анализ фактического материала показывает, что большинство компаративных фразеологизмов со значением эмоциональных состояний человека в качестве доминирующей лексемы имеет глагол с

универсальной формулой V + comme + N. Например: *admirer comme une brute* 'обмирать от восторга, приходит в восхищение' (ЭС «Восторг»), *errer (rôder, traîner) comme une âme en peine* 'ходить как неприкаянный, не находить себе покоя' (ЭС «Тревога / волнение»).

- *Elle rôdait autour de lui comme une âme en peine: elle eut souhaité de trouver les mots qui lui eussent fait du bien ... (R. Rolland. Le Matin).* – Она ходила вокруг него как неприкаянная, ей хотелось найти слова, которые бы утешили его ...

Результатом проведенного исследования является вывод о количественном преимуществе глагольных КФ над адъективными в составе ФСП «Эмоциональные состояния человека». Это можно видеть из приведенной ниже таблицы, в которую включены все образные сравнения, выражающие ЭС, выявленные в ходе отбора фактического материала методом сплошной выборки из различных фразеологических словарей французского языка. Всего нами отобрано 56 единиц. Из них: глагольных – 38, адъективных -18.

Таблица 1

**Количественное соотношение глагольных
и адъективных фразеологических сравнений**

Глагольные КФ	Адъективные КФ
1	2
<i>admirer comme une brute</i>	<i>amoureuse comme une chatte</i>
<i>aimer comme ses (petits) boyaux (нрост.)</i>	<i>amoureux comme un roi</i>
<i>amuser (s') comme un bienheureux</i>	<i>amusant (gai) comme un croque-mort (ирон.)</i>
<i>amuser (s') comme une croûte de pain derrière une malle</i>	<i>blanc comme la neige (comme un mort, comme un mur)</i>
<i>amuser (s') comme un limaçon sur un tuyau de poêle</i>	<i>chaud comme braise (comme une caille) (разг.)</i>
<i>amuser (s') comme un rat mort</i>	<i>heureux comme un roi (une reine, un chérubin, un coq en pâte, un dieu, un pape, un prince)</i>
<i>avoir l'air comme un bonnet de nuit</i>	<i>heureux comme un tueur de cochons</i>
<i>bicher comme un pou sur la tête d'un teigneux</i>	<i>heureux comme un poisson dans l'eau</i>

1	2
<i>bondir (se jeter) comme un tigre</i>	<i>aigre (acide) comme verjus</i>
<i>craindre comme le feu (le diable, la foudre, la grêle, la peste)</i>	<i>honteux comme un renard qu'une poule aurait pris</i>
<i>craindre comme Satan</i>	<i>méchant comme une teigne</i>
<i>emporter (s') (monter) comme une soupe au lait</i>	<i>rouge comme un homard</i>
<i>errer (rôder, traîner) comme une âme en peine</i>	<i>triste comme un hibou</i>
<i>être comme un saint dans sa niche</i>	<i>rougir comme une tomate</i>
<i>être aise comme rat en paille</i>	<i>triste comme l'hiver</i>
<i>être comme une âme en peine</i>	<i>triste comme un jour sans pain</i>
<i>être (rester) comme frappé par la foudre</i>	<i>triste comme un lendemain de fête</i>
<i>être gai comme un pinson</i>	<i>triste comme la mort</i>
<i>être (rester) comme frappé par la foudre</i>	<i>triste comme la porte de prison</i>
<i>être là comme une souche</i>	
<i>être comme une saucisse (пaзг.)</i>	
<i>être étonné comme un fondeur de cloches</i>	
<i>être (en) (en rester) comme deux ronds de flan (de frites) (пaзг.)</i>	
<i>être sérieux comme un pape</i>	
<i>être tranquille comme Baptiste</i>	
<i>ouvrir les yeux comme des portes cochères (des tasses, des salières)</i>	
<i>pleurer comme une fontaine (une source, une saule, une vigne)</i>	
<i>pleurer comme une Madeleine</i>	
<i>pleurer comme une vache (un veau) (пaзг.)</i>	
<i>prendre feu comme de l'amadou</i>	
<i>rester comme une bûche</i>	
<i>rester (en) comme une tomate (une tourte) (пaзг.)</i>	

1	2
<i>rire comme une baleine</i>	
<i>rire comme un bossu (comme un coffre, comme un crevé)</i>	
<i>rire comme un cul (зруб.)</i>	
<i>souffrir comme une roué</i>	
<i>tourner comme un lion (un fauve) en cage</i>	
<i>trembler comme une feuille</i>	

Следует отметить что, **доминирующая лексема** компаративных фразеологизмов со значением эмоциональных состояний человека, как правило, является *нераспространенной*, будь то глагольные или адъективные ФЕ, в отличие от **компаративной лексемы**, которая может иметь вид:

1. **Цельнооформленной лексической единицы**, например: *aigre (acide) comme verjus 'очень раздражительный'*.

2. **Словосочетания**, например: *heureux comme un coq en pâte 'безмерно счастлив' (АСС 'счастлив как петух на откорме')*, *heureux comme un poisson dans l'eau 'очень счастлив' (АСС 'счастлив как рыба в воде')*.

- *Ne te fais pas de mauvais sang, je suis heureux comme un poisson dans l'eau (M. Ragnol. Fanny). – Не вздумай волноваться из-за меня, я здесь как рыба в воде.*

3. **Придаточного предложения**: *être surpris comme une poule qui a couvé des canards 'быть сильно удивленным' (АСС 'быть удивленным как курица, высидевшая утят')*.

Исследование показало, что выражение различных эмоциональных состояний при помощи компаративных фразеологизмов достигается путем сравнений с объектами живой и неживой природы, а также с образами библейских персонажей. Так, покраснение лица человека, испытывающего чувство стыда, сравнивается с цветом спелого помидора: *rougir comme une tomate*, а состояния гнева, волнения, удивления, радости передаются при помощи сравнений с образами животных и насекомых. Например: *tourner*

comme un lion (un fauve) en cage 'сильно волноваться', *méchant comme une teigne* 'злбный, злюка', *bondir (se jeter) comme un tigre* 'вскочить с места (от возмущения, удивления, радости)'. ЭС «Покой» репрезентируется с помощью компаративной фразеологической единицы *être comme un saint dans sa niche* 'быть совершенно спокойным, неподвижным'. Библейские образы также встречаются в компаративных фразеологизмах, выражающих страх, например: *craindre comme Satan* 'очень сильно бояться (бояться как Сатану)'.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что для французских компаративных фразеологизмов фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» характерно наличие подвижной внутренней формы и образной составляющей, что необходимо учитывать при описании их значения. Сравнения обладают способностью не только ярко и образно передавать эмоциональные состояния человека, но и могут выступать в качестве способа познания мира и закрепления результатов этого познания в культуре.

3.3. Семантические интенсификаторы выражения эмоциональных состояний

Одним из признаков эмоциональных состояний является интенсивность. Это качество присуще эмоциям в силу их градуального характера. Оно определяется эмоциональной ситуацией, складывающейся по отношению к субъекту ЭС. Интенсивность эмоции рассматривается как положительный или отрицательный признак, в зависимости от влияния, которое она оказывает на индивида. По мнению исследователей (К.Е. Изард), эмоции обладают свободой интенсивности, то есть большая или меньшая степень проявления состояния связана все с той же эмоциональной ситуацией, которая позволяет субъекту регулировать и контролировать интенсивность эмоции с помощью его личностных качеств.

В языковом выражении интенсивность ЭС определяется с помощью лингвистических оценочных значений «хорошо» / «плохо» или, что более

характерно для эмоциональных состояний, «сильно» / «слабо». Шкала оценок, на которой располагаются эти значения, имеет положительную, отрицательную и нейтральную зоны. Исходной в оценке принято считать позицию «хорошо» [Вольф 1986: 39]. Поэтому положительное состояние рассматривается как соответствующее норме, а отрицательное – как отклонение от нее.

Как отмечено выше (см. Гл. I. п. 1.6.), структурными компонентами оценки являются ее объект, субъект, основание и характер. В настоящем исследовании объектом оценки является то или иное эмоциональное состояние, а ее субъект, в силу идеографического вектора работы, отсутствует. Проблема, каким образом оценка принимает участие в определении интенсивности ЭС (при отсутствии оценивающего состояния субъекта), решается с помощью принимаемого рабочего положения об оценочных смыслах, которые кроются в семантике **интенсификаторов** состояний. Под интенсификаторами понимаются определенные языковые средства, заключающие в себе семы – усилители ЭС. В ходе исследования были выявлены интенсификаторы в структуре эмотивных фразеологических единиц. Они объективируются в **вариантах ФЕ, синонимичных выражениях, в многозначных и полиэмоциональных единицах, а также в энантисемичных фразеологизмах**. Очерченный круг интенсификаторов не является исчерпывающим и мыслится как открытое образование, способное принимать в свой состав другие составляющие.

3.3.1. Варианты и синонимы эмотивных фразеологизмов

Вариативность является специфической чертой французской фразеологии в силу легкости замены компонентов в составе фразеологической единицы. Фразеологический вариант представляет собой закрепленную нормой разновидность ФЕ, характеризующуюся единством образа, общностью денотативно-сигнификативного содержания, выполняемой в языке функцией и категориальным (лексико-грамматическим) значением [Назарян 1987: 227].

Фундаментом варианта является языковое значение лексемы. Оно, по словам А.А. Леонтьева, представляет собой процесс, при котором мысль движется в поле звуковых, семантических признаков. Механизм выбора слов в высказываниях заключается в подборе варианта на основе его семантических или семантико-ассоциативных характеристик [Цит. по: Диброва 1979: 60]. Замена компонента фразеологической единицы происходит на основании семантических механизмов взаимодействия между значением фразеологизма в целом и тем варьирующимся компонентом, который входит в его состав.

Варианты фразеологической единицы не нарушают ее семантическое тождество. Они базируются на единстве образа, обусловленном общностью их происхождения. По мнению Е.И. Дибровой, лексические варианты ФЕ отражают явления, связанные как с первичной номинацией, например: *avoir le sang qui bouille, avoir le sang qui bout dans les veines* 'быть вспыльчивым, иметь горячую кровь', так и со вторичной номинацией – общей сигнификативной перестройкой ЛЕ: 'взволновать кровь, возбудить' *allumer le sang, brûler le sang, fouetter le sang*.

Cette pièce trop chauffée, cette table où traînait la débandade du couvert, l'imprévu du voyage qui tournait en parie fine, tout lui allumait le sang (E. Zola. *La Bête humaine*). – Жарко натопленная комната, стол с остатками завтрака, неожиданная поездка, принимавшая характер кутежа вдвоем, – все зажигало в ней кровь.

В ходе исследования установлено, что французские фразеологические единицы ФСП «Эмоциональные состояния человека» обладают различными типами вариантов. Передавая эмоциональные состояния человека, эмотивные фразеологизмы используют большой арсенал лексических, грамматических и стилистических средств, что находит свое выражение в разнообразных вариантах одной единицы. В исследуемом материале было выделено несколько типов фразеологических вариантов.

1. Наиболее многочисленными являются **лексические варианты** – фразеологизмы, различающиеся лексическим составом. Один или несколько

компонентов таких ФЕ заменяются семантическими вариантами, которые выражаются следующими частями речи: а) глаголами, например: *forcer l'admiration*, *soulever l'admiration* 'вызывать восхищение, восторг'; *crier bravo*, *faire bravo* 'дрожать от страха'; *être (devenir, rester) tout chose*, *avoir l'air tout chose* 'волноваться, быть вне себя'; *piquer (prendre) une colère* 'рассердиться'; *mettre (pousser) qn à bout* 'вывести кого-л. из себя'.

- *Vers les derniers jours de juin, Coupeau perdit sa gaieté. Il devenait tout chose* (E. Zola. *L'Assommoir*). – К концу июня Куно утратил свою жизнерадостность. Он становился сам не свой.

- *Elle [ma mère] pique des colères terribles si seulement je me mets à tousser ...* (L.-F. Céline. *Mort à crédit*). – Моя мать страшно сердится, как только я начинаю кашлять ...

- *Allez au diable! s'écria le général que cette arrestation ne laissait pas d'embarasser. Il s'agissait pour lui de ne pousser à bout ni la duchesse ni le comte Mosca* (Stendhal. *La Chartreuse de Parme*). – Идите к черту! – воскликнул генерал, которого этот арест не переставал беспокоить. Он ни в коем случае не хотел выводить из себя ни герцогиню, ни графа Моска;

б) существительными: *le sang lui monte aux joues (à la tête)* 'раскраснеться от волнения'; *avoir la chaire (la peau) de poule* 'мороз по коже, страшно'.

- *Souvent quand il travaillait sur la plaine, il avait envie de rentrer à la maison, et le sang lui montait aux joues parce qu'il pensait à Gustave et à Clautilde, les deux plus petits* (M. Aymé. *La Jument verte*). – Часто, когда он работал в поле, его вдруг охватывало желание вернуться домой, кровь приливала к щекам от волнения, при мысли о Гюставе и Клотильде, своих младшеньких.

- *Madame Astier parlait et répondait avec une parfaite aisance, la mine et la voix heureuse, à me donner la chaire de poule* (A. Daudet. *L'Immortel*). – Госпожа Астье разговаривала и отвечала на вопросы с такой непринужденностью, с таким счастливым видом, что меня мороз по коже продирал.

в) **прилагательными**: *avoir le sang chaud*; *avoir le sang vif* 'быть вспыльчивым'.

- *Comme ils ont le sang vif ... ils en viennent parfois à des jeux des couteaux* (J. Joubert. *L'Homme de sable*). – Так как у них горячая кровь, то иногда в ход пускаются ножи.

Для лексических вариантов эмотивных ФЕ характерны такие слова-заменители, которые: а) выступают в роли синонимов лишь в данном фразеологизме. Например: *être sur les épines* (*sur le gril*) 'быть в волнении, тревоге'; *se faire du mauvais sang* (*un sang du diable, de canard, de vinaigre, d'encre, une pinte de mauvais sang) 'волноваться, переживать'.*

- *Moi, voyant combien elle se tourmentait..., je me faisais du mauvais sang de ne pouvoir l'aider* (E. Le Roy. *Jacquou le Croquant*). – Видя, как она мучается..., я мучился сам из-за того, что не мог ей помочь;

б) являются синонимами с так называемым «разнообъемным» значением. Это такие выражения, как: *crier comme un aveugle*; *crier comme un aveugle qui a perdu son baton* 'сильно кричать'.

... *cet homme ... se mit à crier comme un aveugle, et au lieu d'accepter mes assignats, il les déchira ...* (Erckmann-Chatrian. *Madame Thérèse*). – ... этот человек ... принялся кричать как резаный, и, вместо того, чтобы принять мои ассигнации, разорвал их ...

В данном фразеологическом сравнении, передающем состояние гнева или горя, компаративная лексема *un aveugle qui a perdu son baton* распространена придаточным определительным предложением, которое расширяет ее значение по отношению к варианту *crier comme un aveugle*. Такое семантическое расширение компаративной лексемы способствует выражению более высокой степени интенсивности эмоционального состояния, чем в первом случае. Отсюда можно заключить, что вариант эмотивного фразеологизма способен выступать в качестве интенсификатора выражаемого ЭС.

Расширение значения варьируемых единиц представлено также в образах в основе варианта. Эта особенность характерна для компаративных

фразеологизмов, в которых лексический вариант-образ является интенсификатором ЭС. Например: выражение *ouvrir des yeux comme des tasses* 'широко раскрыть глаза от удивления' имеет варианты: *ouvrir des yeux comme des soucoupes*, *ouvrir des yeux comme des portes cochères*. Наивысшей степени выражения удивления соответствует вариант *ouvrir des yeux comme des portes cochères*, так как образ *des portes cochères* 'ворота' объемнее, чем два предыдущих: *des tasses* 'чашки', *des soucoupes* 'блюдца'. Как видно из примеров, фразеологический образ как структурирующая основа фразеологического значения, не только способствует его формированию, но и является активно действующим мотиватором обобщенно-переносного значения ФЕ, укрепляя ее коннотацию.

Особого внимания заслуживают лексические варианты единицы *donner l'alarme au quartier / mettre l'alarme au quartier / répandre l'alarme au quartier / donner l'alarme au camp / mettre l'alarme au camp / répandre l'alarme au camp* 'встревожить, нагнать страх'.

- ... *Ma présence effraie aussi les gens! Je mets l'alarme au camp!* (*La Fontaine. Le Lièvre et les Grenouilles*). – ... *Меня боятся даже люди, на всех я ужас навожусь.*

Данная ФЕ имеет варианты как главного (*donner, mettre, répandre*), так и зависимого компонента (*au quartier, au camp*), что свидетельствует о неустойчивости ее лексического состава. Наличие большого количества вариантов (глаголов и существительных) не влияет в данном случае на изменение коннотативных аспектов единицы и, соответственно, не передает различные оттенки состояния.

2. Наиболее отчетливо коннотативные аспекты эмотивных фразеологизмов представлены в **стилистических вариантах**, которые так же, как и лексические, выступают в роли интенсификаторов выражения состояния. Стилистически сниженные лексемы в составе вариантов способствуют передаче более интенсивного состояния. Например: *avalier un rat / bouffer un rat* (разг.) 'иметь недовольный вид'; *donner (porter) sur les nerfs* 'раздражать' /

taper sur les nerfs (разг.) 'действовать на нервы'; *donner des boutons à qn* 'раздражать' / *filer des boutons à qn* (разг.) 'выводить из себя'; *coller (ficher, flanquer, foutre) les grolles à qn* (прост.) 'нагонять страх на кого-л.'

– ...*arrête ton tir, papa, tu vas me donner des boutons* (R. Falet. *La soupe aux choux*). – ... *прекрати свои нападки, папа, ты действуешь мне на нервы*.

– *Le gaz, malgré tout, d'y penser, ça me foutait les grolles* (L.-F. Céline. *Le Pont de Londres*). – *Газы, несмотря ни на что, как только я о них вспоминал, нагоняли на меня ужас*.

Как видно из примеров, интенсификатор выражения состояния проявляется на семном уровне стилистически сниженных компонентов фразеологизма.

Особенностью стилистически сниженных эмотивных фразеологизмов является то, что их варианты могут быть выражены нормативными лексическими единицами, а все выражение в целом относится к стилистически сниженному регистру. Примером таких единиц могут служить следующие: *avoir son bœuf* (арго) / *gober son bœuf* (арго) / *gober sa chèvre* (арго) 'разозлиться рассвирепеть'; *monter au renaud* (арго) / *venir au renaud* (арго) 'злиться, беситься, рвать и метать'.

– *Le respect des morts est une belle chansonnette! Seulement quand ils vous ont filé dans une bonne vape avant de canner, on pet quand même venir au renaud* (A. Simonin. *Touchez pas au grisbi*). – *Почитать усопших – красивая фраза! Но если покойник, прежде чем загнуться, здорово вам насолил, вы можете точить на него зубы*.

Исследование лексических вариантов эмотивных ФЕ позволяет рассматривать их как эффективные средства передачи эмоциональных состояний в целом и одновременно как специфические средства-интенсификаторы этих состояний.

3. Анализ фактического материала позволяет выделить в исследуемых единицах не только лексические, стилистические, но и **структурно-грамматические варианты**. Среди них выделяются такие, которые различаются **морфологическими** особенностями. К ним относятся:

а) замена предлога другим предлогом. Например: *être à renaud* / *être en renaud* 'злиться'; *être sur l'œil* / *être à l'œil* 'нервничать';

б) замена неопределенного артикля определенным: *être sur des charbons ardents* / *être sur les charbons* (разг.) 'волноваться, сидеть как на горящих углях';

в) замена артикля предлогом: *avoir (prendre) la chèvre* / *être en chèvre* (разг.) 'раздражаться, горячиться по пустякам'.

г) замена компонента в единственном числе на компонент во множественном числе: *être sur la braise* / *être sur des raises* 'быть вне себя от волнения'; *être dans son mauvais jour* / *être dans ses mauvais jours* 'быть в плохом настроении'; *avoir (donner) sueur froide* / *avoir (donner) sueurs froides* 'быть в холодном поту, испытывать сильный страх';

д) замена неопределенного артикля определенным с детерминативом, выраженным местоимением: *boire une honte* / *boire toutes les hontes* 'пережить позор'.

Как показывает анализ словарных дефиниций, структурная вариативность эмотивных фразеологизмов не влияет на их семантику. Поэтому структурные варианты не могут рассматриваться в качестве интенсификаторов эмоциональных состояний. Эту роль выполняют: а) лексические варианты, выраженные прилагательными (другие части речи – глаголы и существительные – этой способностью не обладают); б) стилистически сниженные варианты и их компоненты.

В качестве интенсификаторов эмоциональных состояний могут выступать фразеологические синонимы. Их отличие от вариантов состоит в том, основанием для синонимов служат разные образы. Если варианты отличаются друг от друга оттенками коннотации, то синонимы при близости значения различаются смысловыми или даже стилистическими оттенками [Назарян 1987: 231].

В ходе исследования единиц фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» было установлено, что фразеологические си-

нонимы обладают способностью передавать различную степень интенсивности ЭС в том случае, если: 1. Они имеют **общий компонент и аналогичную структуру**. Эта особенность характерна для эмотивных фразеологических сравнений. Например, в синонимическом ряду единиц, выражающих ЭС «Грусть / печаль», таких как: *triste comme l'hiver* 'печальный, как осенний дождливый день' / *triste comme un jour sans pain* 'печальный, как постный день' / *triste comme un lendemain de fête* 'скудный, как понедельник' / *triste comme la mort* 'смертельно грустный' / *triste comme la porte de prison* 'унылый, печальный, как в воду опущенный', наибольшую степень состояния передает ФЕ с компонентом *la mort*, который рассматривается как наиболее глубокий и впечатляющий образ.

– *Tu disais donc que ce pauvre du Bouchage devenait triste. – Oui, Sire, triste comme la mort* (A. Dumas. *Les Quarante-Cinq*). – Ты сказал, что бедняга дю Бушаж становится все более печален. – Да, Сир, печален как кладбищенская стена.

Этот же образ выполняет аналогичную функцию в синонимическом ряду фразеологических сравнений, актуализирующих ЭС «Тревога / волнение», таких, как: *blanc comme un cire* 'бледный как воск' / *blanc comme un lin-seul* 'мертвенно бледный' / *blanc comme un mort* 'бледный как мертвец' / *blanc comme la neige* 'бледный как снег' / *blanc comme un plâtre* 'бледный как мел'.

– *Breux qui avait encore giflé deux fois Philibert, se jeta dans la pièce, blanc comme un mort en secouant l'enfant au collet* (P. Margueritte. *Maison ouverte*). – Бре, который уже отвесил две пощечины Филиберу, бросился в комнату, бледный как мертвец, не переставая, тряс мальчика за ворот.

2. **Различные образы**, используемые при фразеологической синонимии эмотивных единиц, выступают не только в качестве интенсификаторов ЭС, но и служат для конкретизации оттенков значения. Так, например, образы в синонимичных ФЕ, выражающих покой, *rester comme une bûche* 'оставаться бесчувственным, инертным' (образ – «полено») и *être (rester) de glace* 'оставаться холодным, безучастным' (образ – «лед»), пе-

редают особенности, связанные в первом случае с зависимостью эмоционального состояния от характера человека (бесчувственный), а во втором – от его поведения (безучастный).

3. Синонимы эмотивных фразеологизмов могут быть представлены единицами, различающимися как по лексическому составу, так и по грамматической структуре. Например: *rougir jusqu'aux blanc des yeux* 'покраснеть до корней волос' / *faire cuire son homard* (арго) 'покраснеть' / *rouge comme un homard* 'красный как рак' (ЭС «Стыд»). Способность к интенсификации эмоционального состояния у таких **разноструктурных синонимов** связана либо с образом (*blanc des yeux; son homard*) – и тогда интенсификатором состояния выступает компонент ФЕ, либо обусловлена стилистическим регистром – и тогда интенсификатором является все выражение (как в приведенном выше примере *faire cuire son homard*).

Некоторые исследователи (А.Г. Назарян) отмечают, что синонимические отношения более характерны для фразеологизмов с отрицательно коннотированным значением. Это положение нашло свое подтверждение при исследовании эмотивных ФЕ французского языка. Фактический материал, отобранный для исследования, в основном содержит синонимичные выражения со значением отрицательных эмоциональных состояний: «Стыд», «Тревога / волнение», «Горе / печаль». Незначительная часть корпуса (две единицы) выражает нейтральное состояние «Покой». На этом основании можно заключить о смещении вектора синонимических отношений в сторону выражения отрицательных состояний у эмотивных фразеологизмов ФСП «Эмоциональные состояния человека».

3.3.2. Интенсификационные семы полисемичных и полиэмоциональных фразеологизмов

Немаловажная роль в выражении эмоциональных состояний принадлежит многозначным фразеологическим единицам. Явление полисемии во фразеологии имеет свои особенности, обусловленные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Фразеологическая поли-

семия, как результат вторичного семантического преобразования, независимо от его формы, связана с ее переосмыслением. Во французской фразеологической полисемии представлены различные формы семантического преобразования, такие, как: 1) ослабление лексических значений и переосмысление; 2) эллипсис и переосмысление; 3) архаизм и переосмысление; 4) народноэтимологическое искажение и переосмысление; 5) смысловое наращение и переосмысление [Назарян 1987: 210]. Для фразеомотивов данного исследования актуальна полисемия, вызванная вторичным осмыслением. Это такие фразеосочетания, оба (или все) значения которых возникли в результате переосмысления по метафорическому типу, то есть ФЕ с двумя и более метафорическими значениями.

В составе полисемичных фразеосочетаний в отдельную группу нами выделяются **полиэмоциональные единицы**. Явление полиэмоциональности во фразеологии близко к полисемии. Но в отличие от полисемичных ФЕ, полиэмоциональные обладают несколькими эмоциональными, а не лексическими значениями [Вакуров 1991: 74]. Например, выражение *avoir les glandes (разг.)* '1) злиться, нервничать; 2) быть не в настроении, хандрить' наделено значением состояния гнева и состояния печали. А единица *être serré à la gorge* имеет лишь одну словарную дефиницию 'чувствовать комок в горле'. Однако она выступает как полиэмоциональная, так как выражает не менее трех ЭС: «Волнение / тревога», «Стыд», «Горе».

- *Il avait toujours souffert de sa timidité: en classe il rougissait, il avait la gorge serré, quand il lui fallait parler (R.Rolland. Antoinette).* – Он всегда страдал от своей застенчивости: в школе, когда ему приходилось отвечать, он краснел, у него перехватывало горло.

В данной фразеологической единице семантический усилитель выражен причастием прошедшего времени *serré*. В исследуемом материале это единственный случай, когда интенсификационная сема заключается не в знаменательной части речи, а в отглагольной форме. Это явление расширяет морфологический арсенал сем – интенсификаторов ЭС.

Особенностью семантики единиц исследуемого поля является двойственный характер метафорического образа в основе эмотивных ФЕ. Метафора, являясь идиоэтническим маркером, одновременно выступает в качестве семантического интенсификатора выражения эмоциональных состояний.

Как показало исследование, в полисемичных и полиэмоциональных фразеологизмах метафорический образ может выражаться существительными со значением **явлений природы**. Например, состояния гнева, грусти, тревоги, печали передаются фразеосочетаниями: *mettre qn aux champs* '1) рассердить кого-л.; 2) встревожить'; *monter (sauter) aux nues* '1) разъяриться; 2) иметь блестящий успех'; *prendre ombrage* '1) загрузить, опечалиться; 2) рассердиться'; *avoir un caillou à caller les roues d'un corbillard* (разг.) '1) выглядеть унылым, печальным; 2) ходить с немой головой. В приведенных выше ФЕ интенсификационные семы заключаются в компонентах-метафорах: *des champs* 'поля', *des nues* 'облака', *l'ombrage* 'тень', *un caillou* 'булыжник'.

- *L'idée qu'en ce moment la conduite de Jacques défrayait la conversation des gens de Juvigny, la mettait aux champs* (A. Theuriet. Boisfleur). – Мысль о том, что в этот момент поведение Жака служит предметом разговора у Жювиньи, тревожила ее.

- *Ma bonne humeur languide ne prenait plus ombrage ni des reproches, ni des moqueries* (J. Blot. Le Soleil de Cavouri). – Ничто не могло омрачить моего хорошего настроения: ни упреки, ни насмешки.

- ... *si le roi ne prenait pas d'ombrage, c'est qu'il est de petits scandales qu'il vaut mieux tolérer ...* (G. Sand. La Comtesse de Roudolstadt). – ... если король не гневался, то лишь потому, что бывают такие мелкие скандальные происшествия, которые лучше стерпеть ...

Как видно из двух последних примеров, один метафорический образ отражает народные представления о различных внутренних состояниях человека.

Во многом национальные взгляды на эмоциональную сферу человека носят символический характер [Пименова 2004: 86]. Они могут интерпретироваться через призму **мифологических представлений**. Например: *avoir le diable au corps (dans le corps; dans la botte)* '1) разозлиться, разбушеваться, рассвирепеть; 2) быть беспокойным; 3) быть очень энергичным; 4) быть во власти страстей' (ЭС «Гнев» и «Тревога / волнение»).

Ce jour-là la mer avait le diable au corps, et la grotte avait l'air d'une chaudière bouillante (P. Mérimée. Lettres à une inconnue). – В этот день море разбушевалось, и грот был похож на бурлящий котел.

- *Que voulez-vous! poursuivit-il; à vingt-deux ans on a le diable dans la botte ... (A. Theuriet. La Chanoinesse).* – Что вы хотите, – продолжал он, – в двадцать два года человеку не сидится на месте.

Представления носителей языка о сильных отрицательных чувствах, таких, как гнев, закреплены в обобщенных характеристиках животных, что позволяет использовать метафорический образ **объектов животного мира** для семантического усиления манифестации некоторых эмоциональных состояний, например: *faire tourner en chèvre* '1) досаждать, надоедать; 2) приводить в ярость' (ЭС «Неудовольствие», «Гнев»).

Интенсификационные семы полиэмоциональных ФЕ заключаются также в антропоморфных метафорических признаках. Примечательно, что такие признаки обнаружили себя в исследуемом материале в различных частях речи: существительных и прилагательных, в таких фразеологизмах, как: *échauffer (chatouiller, chauffer) les oreilles à qn* '1) рассердить, вывести из себя, раздражать; 2) вогнать в краску, пристыдить'; *faire le (un) nez* '1) сделать удивленное лицо; 2) повесить нос, грустить'; *demeurer catuis* '1) удивиться, разинуть рот от удивления 2) 'остаться с носом'. Последнее выражение являет собой пример редкой для эмотивной ФЕ структуры: V + Adj. В исследуемом материале насчитывается менее 1 % таких единиц.

Для метафорического усиления во фразеоземативах используются устойчивые этнические ассоциации, способствующие семантической интенсификации выражения различных эмоциональных состояний.

В перечисленных группах фразеологизмов метафорический признак отражается нормативной лексикой. Исследованием установлено, что интенсификационные семы заключаются также **в стилистически сниженных компонентах** полиэмоциональных и полисемичных ФЕ, например: *se mettre plein la gueule à qn* (прост.), *foutre plein la gueule à qn* (груб.) '1) причинить вред, ущерб кому-л.; 2) поразить, ошарашить кого-л.'; *en prendre plein la gueule* (прост.) '1) восторгаться, восхищаться; 2) понести моральный или физический ущерб'.

Как видно, большинство полисемичных ФЕ обладают одной интенсификационной семой. Однако в ходе исследования выявлены единицы с более чем одной такой семой. Это выражения с двусторонней взаимозависимостью значения компонентов. Наличие двух интенсификационных сем повышает градус выражаемого состояния. Так, в двузначной ФЕ *percer le cœur* первое значение 'убить, умертвить' отражает одностороннюю взаимозависимость значения компонентов, а второе, выражающее ЭС «Горе», 'заставить глубоко страдать', базируется на полном переосмыслении и, соответственно, имеет двустороннюю взаимозависимость значения компонентов. Интенсификационные семы в данном случае заключены как в глаголе *percer* 'пронзать', так и в существительном *le cœur* 'сердце' – место локализации человеческих страданий. Многозначные единицы с двумя интенсификационными семами приобретают третью за счет сниженного стилистического регистра. Это явление находит свое выражение в таких ФЕ, как: *attraper un coup de bambou* (разг.) 1) 'получить солнечный удар; 2) попасть под горячую руку, получить нахлобучку, трепку; 3) осатанеть, прийти в бешенство'; *piquer le coup de bambou* (арго) 1) 'сойти с ума, спянуть; 2) выйти из себя, озвереть'; *coup de bambou* (разг.) '1) солнечный удар; 2) внезапный приступ гнева, бешенства; 3) внезапная усталость, слабость, изнеможение'.

- ...*Eh bien, ça doit être ça. Après le coup de bambou je suis allé manger quelque chose. (R. Pinget. Quelqu'un).* – Да, видимо, это так. После охватившего меня приступа гнева я отправился что-нибудь съесть.

Многозначные фразеологизмы со значением «вызвать то или иное состояние» также обладают интенсификационными семантиками. Примером может служить стилистически сниженное выражение с полностью переосмысленными компонентами *scier à la base* (арго) '1) испортить, погубить; 2) подкосить, доконать; 3) ошеломить, удивить'.

- *Bref, tu m'en donnes combien? – J't'en donne rien, répond aussitôt Gégé. Les diams et les pièces montées, j'en veux pas. Tu peux les reprendre. Moustique ouvre la bouche, scié à la base (J. Houssin. Bras de fer). – Короче, сколько из всего этого ты мне даешь? – Ничего я тебе не даю, – быстро отвечает Жеже. – Бриллианты и готовые изделия мне не нужны. Можешь их забрать. – Комар открывает рот от изумления.*

А в ФЕ *faire suer* (разг.) '1) эксплуатировать, выжимать все соки; 2) приставать, надоедать, действовать на нервы; 3) вызывать отвращение, возмущение; 4) вызывать страх; 5) вызывать смех; 6) выжимать деньги из кого-л.' лексема *suer* содержит сему «сильное отвращение», «сильное раздражение», «страх», «смех». Такое разнообразие эмоциональных значений обеспечивается денотатом ЛЕ *suer* – 'потеть'. Как видно, денотативное значение глагола *suer* в ходе переосмысления обрело семы, связанные с результатом потоотделения: «вспотеть в результате отвращения, раздражения, состояния страха или смеха». Это явление показывает, что в процессе фразеобразования находят свое выражение физиологические процессы, происходящие в организме человека и, что их результаты закрепляются во фразеологии.

- *N'est-ce pas, a dit Lucien, ce n'est pas possible. Entraînement, discipline ... Elle ne l'a pas laissé finir. – Vous, vous commencez à me faire suer (S. Bertheaut. Piaf). – Но ведь, – сказал Люсьен, – это невозможно. Тренировки, дисциплина ... Эдит не дала ему закончить. – А вы, вы начинаете мне действовать на нервы.*

Таким образом, можно заключить, что полисемичные эмотивные фразеологизмы могут содержать от одной до нескольких интенсификаци-

онных сем, и тем самым выражать более высокий градус эмоциональных состояний.

В большой группе полисемичных фразеэмотивов, кроме полиэмоциональных, выделяются энантиосемичные ФЕ. Энантиосемия (от греч. *enantios* – противоположный и *sema* – знак) – это наличие противоположных значений у одного и того же слова или у многозначных слов, которые могут иметь исключаящие друг друга значения. В лингвистической литературе это явление рассматривается, прежде всего, в отношении лексических единиц. Фразеологическая энантиосемия вытекает из эмотивной полисемии и имеет свою специфику, связанную с особенностями фразеологического значения, которое возникает в результате ассоциативно-образного переосмысления целого словосочетания.

Фактический материал, анализируемый в настоящем исследовании, позволяет говорить о наличии у эмотивных фразеологических единиц **эмоционально-оценочной энантиосемии**, под которой мы, вслед за В.Н. Цоллер, понимаем присутствие в семантической структуре ФЕ значений с противоположными по знаку эмоционально-оценочными компонентами. Природа эмоционально-оценочной энантиосемии, как отмечают исследователи, отражает две тенденции языкового развития, заключающиеся в том, что одно и то же явление действительности может по-разному оцениваться и вызывать различные чувства со стороны говорящего [Цоллер 2000: 56].

Так, например, удивление представляет собой эмоциональное состояние, которое возникает как реакция на положительную или негативную информацию. Исходя из того, что значение любой ФЕ, в том числе и выражающей удивление, формируется как результат ассоциативно-образного переосмысления значений ее компонентов, можно заключить, что варьирование содержания фразеологизма находится в зависимости от взгляда на фактор, лежащий в основе ФЕ. Так, выражения *que diable!* 'черт возьми!',

quel diable l'avait poussé 'какой черт его дернул' могут иметь как положительное, так и отрицательное значение:

- *Que diable faites-vous de l'argent? – Je le dépense (G. de Maupassant. Mont-Oriol.) – Черт возьми, что вы делаете с деньгами? – Я их трачу.* В данном примере удивление имеет отрицательную коннотацию.

Que diable! Je ne t'ai pas vu depuis des années! – Черт возьми! Не видел тебя сто лет! В этом восклицании удивление передается с явным положительным знаком.

Выражения типа *que diable! 'черт возьми!', oh, là-là! 'ну и ну!', merde alors! (разг.) 'ну и ну!', 'черт возьми!'* можно отнести к междометным фразеологизмам с эмоционально-оценочной энантиосемией.

Кроме междометных фразеологизмов, эмоционально-оценочной энантиосемией обладают ФЕ так называемого коннотативно-номинативного типа. В исследуемом материале к ним относятся такие идиоматические выражения, как: *les mains t'en tombent 'не могу прийти в себя (от удивления)'; comprimer le cœur à deux mains 'хвататься за сердце'; battre des cils 'хлопать, моргать глазами'*. Причем, две последних ФЕ, кроме удивления, выражают другие эмоциональные состояния: испуг, восторг, горе и, таким образом, будучи энантиосемичными, одновременно являются в широком смысле полиэмоциональными.

- *C'est vrai, Martinon? Tu veux t'épouser? – C'est vrai, mais arrête de battre des cils et de comprimer ton cœur à deux mains (M. Aymé. Les Oiseaux de la lune).* – *Это правда, Мартинон? Ты хочешь на мне жениться? – Правда, но перестань хлопать глазами и хвататься за сердце.*

Ярким примером проявления эмоционально-оценочной энантиосемии у фразеологизмов является ФЕ *la bouche en cœur (en cul de poule)* (разг.) '1) улыбаясь, как ни в чем не бывало; 2) недовольно, поджав губы'.

- *M. Cousinet, d'abord un peu gêné par les inutiles indiscretions de Lisette, s'inclina la bouche en cœur... (C. Vatel. Mon curé chez les riches).* – *Господин Кузине, вначале несколько смущенный излишней откровенностью Лизетты, поклонился с улыбкой.*

- *Comme il a dit: «Je suis fatigué», madame Semblijan, la bouche en cœur, questionne ... (P. Vialar. Pas de temps de mourir). – Когда он сказал: «Я устал», мадам Самближан недовольно спросила ...*

Данное фразеосочетание выступает как полиэмоциональное, выражающее ЭС «Смех» и ЭС «Огорчение» и относящееся к различным микрополям фразеосемантического поля «эмоциональные состояния человека». Одновременно оно энантиосемично, так как обладает противоположными значениями.

Как видно из примеров, энантиосемичными могут быть как предикативные, так и субстантивныe ФЕ, а также выражения, представляющие собой полносоставные предложения.

Основной в семантике энантиосемичных фразеологизмов является тема интенсивности. Степень эмоциональной интенсивности представляет собой обобщающее условное понятие, которое отражает градацию проявлений эмоций в языке, таких ее показателей, как: отчетливость, длительность, самостоятельность, сила. Эти показатели свидетельствуют об изменении степени состояния, одновременно являясь его дополнительными параметрами. Однако не всякие фразеологизмы обладают эмоционально-оценочной энантиосемией. Отсутствие яркого образа, лежащего в основе значения идиомы, лишает ее возможности менять значение на противоположное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык не только отражает предметный мир, он также реализует эмотивную функцию, связанную с желаниями и эмоциями, отношением человека к окружающему миру, его переживаниями и эмоциональными состояниями.

Для проведения настоящего исследования среди многообразия языковых средств выражения ЭС были выбраны эмотивные фразеологизмы французского языка. Систематизация фактического материала проводилась с использованием полевой модели. Необходимость систематизации и тщательного анализа изученных теоретических положений вызвана недостаточным опытом изучения этой области французской фразеологии.

Конструирование фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» позволило представить фразеозэмотивы французского языка как фрагмент фразеологической картины мира, как элемент макросистемы, представляющий собой микросистему с упорядоченным взаимодействием ее компонентов.

Исследованием установлено, что:

1. Эмоциональные состояния представляют собой лингвистическую категорию, являясь составной частью универсальной категории «Состояние». Им присущи определенные признаки, которые объективируются в эмотивных фразеологических единицах.

2. Эмоциональные состояния, выражаемые фразеологическими единицами, имеют особенность структуры, которая состоит в том, что такие структурные элементы, как субъект и причина, обладают специфическими формами проявления, а именно, наличие субъекта ЭС манифестируется на уровне семантики одного или нескольких компонентов фразеологизма. Причина, как элемент структуры эмоциональных состояний, не отражается ни в семантике, ни в структуре ФЕ. Она находится за пределами фразеологического знака.

3. Антропоцентрический подход к изучению языка позволяет представить фразеологические единицы французского языка, объективирую-

щие эмоциональные состояния, в системно организованном языковом пространстве в виде фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека», он способствует выявлению элементов исследуемого поля, репрезентирующих его состав.

Изучение существующего в настоящее время многообразия подходов к конструкции полевой языковой модели позволило определить структуру исследуемого поля. Она представляет собой разветвленную систему иерархически организованных и взаимозависимых элементов, ядерные зоны которых образуют центральную часть поля. Периферийная зона исследуемого ФСП представляет собой неоднородное образование, в котором микрополя имеют как ближнюю, так и дальнюю периферии. Примечательно, что периферийные зоны микрополей «Стыд» и «Гнев» обладают двумя семантическими векторами: «вызвать эмоциональное состояние» и «выйти из эмоционального состояния». А периферии микрополей «Радость», «Восторг», «Удовольствие», «Горе / Грусть / Печаль», «Тревога / Волнение», «Покой», «Удивление» представлены только одним значением: «вызвать эмоциональное состояние». В микрополе «Смех» отсутствует семантический вектор «вызвать состояние смеха».

4. Особенностью исследуемого фразеосемантического поля является наличие в его структуре субполя «Биполярные ЭС» («Удивление» и «Смех»). Анализ фактического материала показал, что фразеологические единицы в составе этих субполей отражают двувалентность состояний удивления и смеха, которая проявляется в их способности выступать в качестве положительного или отрицательного ЭС.

В количественном отношении в ФСП «Эмоциональные состояния человека» преобладают предикативные фразеологические единицы, в процентном отношении они составляют 88 % против 7,3 % адъективных ФЕ и 4,6 % субстантивных. Такое соответствие закономерно, поскольку именно предикату свойственна функция репрезентации состояния.

В ходе исследования установлено наличие иерархических отношений внутри конститuentов поля, которое подтверждает системность языка.

5. Исследование семантических особенностей элементов поля позволяет сделать вывод о национально-специфическом характере единиц в его составе. Национальная специфика конститuentов поля заключается в их внутренней форме и базируется, главным образом, на национальных особенностях представления носителей французского языка о мире и, в частности, об эмоциональной сфере человека. Это объясняется тем, что эмоциональность языка тесно связана с ментальностью этноса. Национальная образность отражает ментальность и, преломляясь в ней, проявляется в виде фразеологизмов как результат народного творчества и мировосприятия.

6. Изучение метафорического переноса при фразообразовании позволило уточнить его функцию в семантике элементов исследуемого поля. В результате анализа было установлено, что метафорический образ в семантике эмотивных фразеологизмов выполняет функцию идиоэтнического средства выражения эмоциональных состояний, одновременно выступая в роли их интенсификатора.

7. Анализ фразеологических сравнений в составе исследуемого поля показал, что при репрезентации эмоциональных состояний преимущественно используются глагольные компаративные фразеологизмы. В отобранном для исследования фактическом материале их процент составил 68% против 32% адъективных КФ.

8. Углубленный анализ признака интенсивности эмоциональных состояний, выявил так называемые, интенсификаторы, в роли которых выступают компоненты лексических и стилистических вариантов эмотивных фразеологизмов, синонимов, полисемичных и полиэмоциональных ФЕ, а также компоненты энантиосемичных единиц.

9. Семантический анализ полисемичных фразеологических единиц позволил выявить специфические семантические средства, способствующие выражению интенсивности эмоциональных состояний. В ходе анализа установлено, что эмоциональные семы компонентов полиэмоциональных ФЕ могут выступать в качестве интенсификаторов двух или более ЭС. Од-

на эмотивная фразеологическая единица способна обладать более чем одной интенсификационной семой.

Фактический материал, использованный в ходе исследования, позволил выделить такой специфический интенсификатор ЭС, как энантиосемичные фразеологические единицы, эмоционально-оценочные семы которых позволяют отразить градуальное проявление эмоций.

10. Исследование показало, что семантика единиц фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» меняется в зависимости от их стилевой принадлежности. Наиболее высокую интенсивность состояния передают стилистически сниженные ФЕ. Интенсификатором состояния в таких единицах выступает значение их компонентов.

Установленные в настоящей монографии структурные особенности ФСП «Эмоциональные состояния человека» и семантическая специфика его единиц выявлены с использованием обширного корпуса фразеологизмов, который, тем не менее, не может носить однозначно исчерпывающий характер. Исследованное поле мыслится как открытое образование, способное расши-

рять свои границы за счет новых единиц, которые постоянно образуются в живом и развивающемся французском языке.

В целом исследованное поле несет в себе богатую информацию о выражении эмоциональной составляющей человека, субъективно отраженной языковым сознанием носителей французского языка. Используемая в исследовании полевая модель позволила отразить объективно существующий системный характер взаимоотношений эмотивных фразеологических единиц французского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамов В. П. Семантические поля русского языка / В. П. Абрамов; Акад. пед. и социал. наук РФ, Кубан. гос. ун-т. – М.; Краснодар : КубГУ, 2003. – 338 с.
2. Абрамова Г. И. Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики : (на прим. рус., казах., англ. яз.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. И. Абрамова. – М., 2004. – 268 с.
3. Адмони В. П. Основы теории грамматики / В. П. Адмони ; АН СССР, Науч. совет по теории сов. языкознания при Отд-нии лит. и яз. – М.; Л.: Наука, 1964. – 115 с.
4. Акмалова Ф. Ш. Семантическая и формально-структурная репрезентация категории «состояние» : (на материале англ., нем. и рус. яз.) : 10.02.19 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фарида Шамильевна Акмалова ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2005. – 17 с.
5. Алефиренко Н. Ф. О статусе фразеологического значения среди семантических единиц других уровней языка / Н. Ф. Алефиренко // Проблемы фразеологии. – Тула, 1980.
6. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с. : ил.
7. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
8. Анохин П. К. Эмоции / П. К. Анохин // Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 172-177.
9. Апресян В. Ю. Метафора в лексикографическом толковании эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27-35.

10. Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 кн. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. рус. культуры : Вост. лит., 1995. – Т. I: Лексическая семантика : синоним. средства яз. – 472 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

11. Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 кн. / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. рус. культуры : Вост. лит., 1995. – Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография – 767 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

12. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания, 1986. – № 2. – С. 57-70.

13. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания, 1995. – № 1. – С. 37-67.

14. Аристотель. О душе / Аристотель // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – М., 1975. – Т. 1. – С. 386-417.

15. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 338 с.

16. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – XV, 895 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

17. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора : (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика: [сб. ст.] / Ин-т рус. яз. АН СССР. – М., 1979. – С. 147-174.

18. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский; Рост. н/Д гос. пед. ин-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.

19. Архипкина О. С. Реконструкция субъективного семантического пространства, означающего эмоциональные состояния / О. С. Архипкина // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1981. – № 2. – С. 40-44.

20. Аспекты семантических исследований / А. А. Уфимцева, Е. С. Кубрякова, Н. Д. Урутюнова и др.; отв. ред. Н. Д. Урутюнова, А. А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1980. – 356 с.

21. Бабенко Е. В. Фразеосемантическое поле эмоций : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Елена Викторовна Бабенко. – М., 2003. – 159 с.

22. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.

23. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии : антропоцентрический и аксиологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Гузель Анваровна Багаутдинова; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2006. – 45 с.

24. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии : антропоцентрический и аксиологический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Гузель Анваровна Багаутдинова. – Казань, 2007. – 332 с.

25. Багдасарова Н. А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Надежда Анатольевна Багдасарова. – М., 2004. – 205 с.

26. Базылев В. Н. Лингвистика страха / В. Н. Базылев // Филология и культура : материалы V междунар. науч. конф., Тамбов, 19-21 окт. 2005 г. / Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Общерос. обществ. орг. «Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов». – Тамбов, 2005.

27. Байрамова Л. К. Аксиологизм человеческих эмоций (смех – плач) и его отражение в языке / Л. К. Байрамова, Г. А. Багаутдинова // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 81-89.

28. Балакина З. Ю. Национально-культурная специфика лексикографического описания эмоциональных концептов : на материале англ. и рус. яз. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Злата Юрьевна Балакина. – Луганск, 2006. – 161 с.

29. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. – М. : Изд-во Иностран. лит., 1961. – 394 с.

30. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. – 2-е изд., стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с. – (Лингвист. наследие XX века).

31. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1990. – 541 с. : ил.

32. Бегаева О. Е. Качество, свойство, состояние как составляющие категории признаковости / О. Е. Бегаева // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы междунар. науч. конф., г. Белгород, 11-13 апр. 2006 г. / Белгор. гос. ун-т. – Белгород, 2006. – Вып. 9, ч. 1. – С. 77-82.

33. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова и др.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 444 с. – (Лингвист. наследие XX века).

34. Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с фр. / Э. Бенвенист; под ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с. – (Языковеды мира).

35. Березович Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3-24.

36. Берлизон С. Б. Эмоциональное значение – особый компонент смысловой структуры слова // Вопросы описания лексико-синтаксической системы языка : тез. докл. науч. конф., Москва, 16-18 нояб. 1971 г. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1971. – Ч. 1. – С. 55-61.

37. Благонадежина Л. В. Эмоции, чувства / Л. В. Благонадежина // Психология : учеб. / под ред. А. А. Смирнова и др.; Акад. пед. наук РСФСР, НИИ психологии. – 2-е изд. – М., 1962.

38. Блинова О. И. Образность как категория лексикологии / О. И. Блинова // Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск, 1983.

39. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.

40. Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке / Н. Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. посвящ. юбилею проф. Н. Н. Болдырева / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2005. – С. 16-39.

41. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, 1976. – 255 с.

42. Бородкина Г. С. Концепты «Angst» и «Freude» в семантическом пространстве языка : на материале нем. яз. и его австр. варианта : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Галина Степановна Бородкина; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2002. – 23 с.

43. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования : роман. языки / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 302 с.

44. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 262 с.

45. Будагов Р. А. Язык и культура : хрестоматия : в 3 ч. : учеб. пособие / Р. А. Будагов. – М. : Добросвет, 2002. – Ч. 3. – 160 с.

46. Вакуров В. Н. Развитие эмоциональных значений и полиэмоциональность фразеологических единиц / В. Н. Вакуров // Филологические науки. – 1991. – № 6. – С. 74-82.

47. Васильев И. А. Эмоции и мышление / И. А. Васильев, В. Л. Поплужный, О. К. Тихомиров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 192 с. : ил.

48. Васильев Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.

49. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с. : ил.

50. Вилюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций / В. К. Вилюнас // Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 3-28.

51. Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений / В. К. Вилюнас. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 142 с.

52. Виноград Т. К. К процессуальному пониманию семантики / Т. К. Виноград // Прикладная лингвистика : [сб. ст.] / сост. В. А. Звегинцева; пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. Б. Ю. Городецкого. – М., 1983. – С. 123-170. – (Новое в зарубеж. лингвистике; вып. 12).

53. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Труды Института русского языка АН СССР. – М.; Л., 1950. – Т. 2.

54. Виноградов В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.; Л. : Учеб.-педагог. изд-во, 1947. – 784 с.

55. Витт, Н. В. Об эмоциях и их выражении : (к проблеме выражения эмоций в речи) / Н. В. Витт // Вопросы психологии. – 1964. – № 3. – С. 140-153.

56. Волкова Н. Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Николаевна Волкова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 19 с.

57. Волкова Н. Н. Эмотивные фразеологизмы в русском и польском языках / Н. Н. Волкова // Язык и национальное сознание: межвуз. науч. сб. / Воронеж. гос. ун-т, Филол. фак., Каф. общ. языкознания, Межрегион. Центр коммуникатив. исслед. – Воронеж, 2005. – Вып. 7. – С. 99-102.

58. Вольф Е. М. Метафора и оценка / Е. М. Вольф // Метафора в языке и тексте / под ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – С. 52-65.

59. Вольф Е. М. Состояния и признаки : оценки состояний / Е. М. Вольф // Семантические типы предикатов / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1982. – С. 320-339.

60. Вольф Е. М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний / Е. М. Вольф // Функциональная семантика : оценка, экспрессивность, модальность : [сб.] / РАН, Ин-т языкознания; ред. Н. Д. Арутюнова, И. И. Чельшева. – М., 1996. – С. 137-168.

61. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их предъявление в языке / Е. М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1989. – С. 55-75.

62. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

63. Воробьев В. В. Лингвокультурология : (теория и методы) / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.

64. Вундт В. Психология душевных волнений / В. Вунд // Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 47-63.

65. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. – 1981. – 195 с.

66. Гак В. Г. Беседы о французском слове : из сравнит. лексикологии фр. и рус. яз. / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1966. – 335 с.

67. Гак В. Г. Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф; отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 174 с.

68. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология : на материале фр. и рус. яз. / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 262 с.

69. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка : учеб. для студентов вузов / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2004. – 862 с. – (Studia academica).

70. Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте / В. Г. Гак // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 47-55.

71. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания / В. Г. Гак // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 87-93.

72. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры : Кошелев, 1998. – 768 с. – (Studia philologica).

73. Гак, В. Г. Национально-культурная специфика фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры : по материалам междунар. симпоз., Москва, 8-10 июня 1998 г. / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1999. – С. 260-268.

74. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков : учеб. пособие / В. Г. Гак. – Л. : Просвещение, 1977 – 300 с.

75. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию : проф. Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову [в день его 60-летия] / МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1958. – С. 103-125.

76. Гарифуллина А. М. Фразеологические единицы, выражающие эмоции и чувства человека, в турецком и английском языках : дис... канд. филол. наук : 10.02.20 / Альбина Маратовна Гарифуллина. – Казань, 2005. – 325 с.

77. Глушакова Т. Е. Концептуально-прагматический аспект субстантивных фразеологических единиц с отрицательной коннотацией в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Т. Е. Глушакова. – Иркутск, 2003. – 189 с.

78. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений / Л. Я. Гозман. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 174 с.

79. Голованевский А. Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах : (на материале рус. яз.) / А. Л. Голованевский // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 78-87.

80. Голованевская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка : (контрастив. анализ лекс. групп со значением «высш. силы и абсолюты», «органы наив. анатомии», «основные мысл. категории», «базовые эмоции») / М. К. Голованевская; МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – 279 с.

81. Гончарова Ю. Л. Слова-названия эмоций в когнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Юлия Леонидовна Гончарова. – Ростов н/Д, 2003. – 162 с.

82. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии / Б. Ю. Городецкий. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 564 с.

83. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.

84. Гумбольдт В. Язык и философия культуры : пер. с нем. / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с. : ил. – (Языковеды мира).

85. Гуревич А. Я. Национально-культурная специфика в языке / А. Я. Гуревич // Вопросы языкознания. – 1997. – № 7. – С. 7-37.

86. Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. – СПб. : Питер, 2001. – 384 с. : ил.

87. Дарвин Ч. Сочинения / Ч. Дарвин. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 5: Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных. – 1040 с. : ил.

88. Декарт Р. Страсти души / Р. Декарт // Психология мотиваций и эмоций: учеб. пособие / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. – М., 2002. – С. 39-48. – (Хрестоматия по психологии).

89. Денисенко В. Н. Семантическое поле как функция / В. Н. Денисенко // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 44-52.

90. Джемс У. Эмоция / У. Джемс // Психология мотиваций и эмоций : учеб. пособие / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. – М., 2002. – С. 91-107. – (Хрестоматия по психологии).

91. Диброва Е. И. Вариативность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.

92. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71-93.

93. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37-48; 1998. – № 6. – С. 48-57.

94. Додонов Б. И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности / Б. И. Додонов // Вопросы психологии. – 1975. – № 6. – С. 21-33.

95. Долгих Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии / Н. Г. Долгих // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 89-99.

96. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале рус. и англ. яз.) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.20 / Наталья Владимировна Дорофеева; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Вологоград, 2002. – 19 с.

97. Дорофеева Н. В. Эмоциональный концепт «удивление» и его реализация в православном дискурсе / Н. В. Дорофеева // Единство системного и фнкционального анализа языковых единиц : материалы регион. науч. конф., 8-9 окт. 2003 г. / Белгор. гос. ун-т : в 2 ч. – Белгород, 2003. – Вып. 7, ч. 1. – С. 65-69.

98. Дубнякова О. А. Категория состояния в современном французском языке : на материале конструкций с фундамент. глаголами avoir, être, faire: автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.05 / Оксана Алексеевна Дубнякова; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2006. – 24 с.

99. Дубровская О. Г. О наивной картине мира русских / О. Г. Дубровская // Язык. Время. Личность : [социокультур. динамика яз. явлений в общенарод. и личност. репрезентациях] : материалы междунар. конф., 3-5 дек. 2002 г. / Ом. гос. ун-т, филол. фак. – Омск, 2002. – С. 35-38.

100. Загоровская О. В. Образный компонент в значении слова / О. В. Загоровская // Лексические и грамматические компоненты в значении слова : межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1983.

101. Загоровская, О. В. Семантическая специфика национальных языковых систем / О. В. Загоровская, И. А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 164 с.

102. Зализняк А. А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния : (на материале фр. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Анна Андреевна Зализняк; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1985. – 24 с.

103. Заметалина М. Н. К проблеме описания функционально-семантического поля в синхронии и диахронии / М. Н. Заметалина // Филологические науки. – 2002. – № 5. – С. 89-93.

104. Звегинцев В. А. Экспрессивно-эмоциональные элементы и лексическое значение слова / В. А. Звегинцев // Звегинцев В. А. Семасиология. – М., 1957. – С. 167-185.

105. Зверева Т. Р. Эмоции во фразеологической картине мира русского языка (с позиции носителя удмурд. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Татьяна Рудольфовна Зверева; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2002. – 19 с.

106. Изард К. Психология эмоций / К. Изард. – Спб. : Питер, 1999. – 460 с.: ил. – (Мастера психологии).

107. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств / Л. Н. Иорданская // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1972. – Вып. 16.

108. Искандерова В. И. Фразеологические единицы библейского происхождения в языке французской периодической печати : автореф. дис. ...

канд. филол. наук : 10.02.05 / Виктория Игоревна Искандерова; Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – М., 2005. – 15 с.

109. Калимуллина Л. А. К вопросу о языковой дифференциации эмоций / Л. А. Калимуллина // Казанская лингвистическая школа: традиции и современность : II междунар. Бодуэновские чтения, Казань, 11-13 дек. 2003 г.: тр. и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 148-150.

110. Калимуллина Л. А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты : с привлечением материала славян. яз. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Калимуллина; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2006. – 48 с.

111. Калимуллина Л. А. Современные трактовки категории эмотивности / Л. А. Калимуллина // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 71-80.

112. Калимуллина Л. А. Эмотивная лексика и фразеология русского литературного языка : (синхрон. и диахрон. аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лариса Айратовна Калимуллина; Башк. гос. ун-т. – Уфа, 1999. – 26 с.

113. Кант И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант; АН СССР, Ин-т философии. – М., 1966. – Т. 6. – 743 с.

114. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов; АН СССР, Отд-ние литературы и языка, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1976. – 355 с. : ил.

115. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

116. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.

117. Кашина И. В. Фразеологизмы со значением удивления в современном русском языке / И. В. Кашина // Русский язык в школе. – 1981. – № 2. – С. 80-85.

118. Кашина И. В. Фразеологизмы со значением эмоционального состояния лица в современном русском языке : структурно-семант. характеристика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ирина Владимировна Кашина; АПН СССР, НИИ преподавания рус. яз. в нац. школе. – М., 1981. – 24 с.

119. Кезина С. В. Семантическое поле как система / С. В. Кезина // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 79-86.

120. Кириллова, Н. Н. Идиоэтническая маркированность фразеологизмов : языковое выражение и языковое сознание / Н. Н. Кириллова // Проблемы идиоэтнической фразеологии : докл. междунар. семинара, 12-14 нояб. 2001 г. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – Вып. 4. – 38 с.

121. Кириллова Н. Н. К вопросу о разграничении лексического и фразеологического значений // Лексическая, категориальная и функциональная семантика / Н. Н. Кириллова. – Л., 1990. – С. 45-50.

122. Кириллова Н. Н. О денотате фразеологической семантики / Н. Н. Кириллова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 82-90.

123. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков : этнолингвист. аспект / Н. Н. Кириллова; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2003. – Ч. 1: Природа и космос. – 319 с.

124. Кирилова, Н. Н. О типологии межъязыковых фразеологических соответствий / Н. Н. Кириллова // Проблемы идиоэтнической фразеологии: докл. на межвуз. семинаре «Идиоэтнол. фразеология роман., герм. и славян. яз.», (21-22 мая 1997 г.) / под ред. Н. Н. Кирилловой. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 33-42.

125. Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов : лекция / В. И. Кодухов; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л. : ЛГПИ, 1955. – 28 с.

126. Кононенко В. И. Символы в фразеологизмах / В. И. Кононенко // Русский язык в школе. – 1991. – № 6. – С. 59-61.

127. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии : (фразеосочетания в системе яз.) / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж, 1989. – 190 с.

128. Косериу Э. Лексические солидарности / Э. Косериу // Вопросы учебной лексикографии : сб. ст. – М., 1969. – С. 93-104.

129. Косякова Ю. Г. Фразеологические единицы эмотивной семантики как фрагмент национальной языковой картины мира : дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Юлия Геннадьевна Косякова. – Омск, 2006. – 218 с.

130. Красавский Н. А. Образы эмоций в русской языковой картине мира / Н. А. Красавский // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – С. 90-94.

131. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский; Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. лингвистика». – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.

132. Кривченко, Е. Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Е. Л. Кривченко // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 99-103.

133. Кронгауз М. А. Семантика : учебник / М. А. Кронгауз; [Ин-т «Открытое о-во»]. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с. : ил.

134. Крюгер Ф. Сущность эмоционального переживания / Ф. Крюгер // Психология эмоций: тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 108-119.

135. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века : (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания, Рос. гос. гуманитар. ун-т; под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 321-341.

136. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Юрий Александрович Кузнецов; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2005. – 23 с.

137. Кургузенкова Ж. В. Особенности культуры франкоязычного мира сквозь призму фразеологии : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.05 / Жанна Вячеславовна Кургузенкова; Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – Барнаул, 2004. – 16 с.

138. Кустова Г. И. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 16-34.

139. Ланге К. Душевные движения : психофизиол. этюд д-ра Г. Ланге, проф. Копенгаген. ун-та / К. Ланге. – Спб. : Ф. Ф. Павленков, 1896. – 89 с.: ил. – (Популярно-науч. б-ка; 26).

140. Ланге К. Об эмоциях / К. Ланге. – М., 1884.

141. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека / Н. Д. Левитов; Акад. пед. наук РСФСР. – М. : Просвещение, 1964. – 344 с.

142. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики : учеб. для студентов вузов / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с. – (Психология для студента). – (Открытая кн. – открытое сознание – открытое о-во).

143. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии : учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2000. – 509 с.

144. Леонтьев А. Н. Эмоции / А. Н. Леонтьев // Философская энциклопедия : в 5 т. – М., 1970. – Т. 5. – С. 553-556.

145. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале растительных метафор / Т. В. Леонтьева // Вопросы языкознания. – 2006. – № 5. – С. 57-77.

146. Липшицене-Зибуцайте Э. И. Фразеологические синонимы французского языка : пособие для студентов фак. иностр. яз. пед. ин-тов / Э. И. Липшицене-Зибуцайте. – Л. : Просвещение, 1971. – 295 с.

147. Лопатникова Н. Н. Лексикология современного французского языка : учеб. для студентов вузов / Н. Н. Лопатникова. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2006. – 335 с.

148. Лук А. Н. Эмоции и личность / А. Н. Лук. – М. : Знание, 1982. – 176 с.: ил.

149. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – Киев : Знання, 2004. – 326 с. : ил.

150. Маркелова Т. В. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом / Т. В. Маркелова, О. Г. Хабарова // Филологические науки. – 2005. – № 5. – С. 17-27.

151. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т. В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67-79.

152. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов / В. А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 208 с. – (Высш. образование).

153. Маслова В. А. К построению психолингвистической модели коннотации / В. А. Маслова // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 108-120.

154. Мезенцева Т. А. Функциональные особенности репрезентации удивления в английском и русском языках : на материалах прозы Ч. Диккенса ориг. и перевод. вариантов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Татьяна Александровна Мезенцева; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.

155. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка : учеб. пособие по спецкурсу / А. М. Мелерович. – Ярославль : Яросл. гос. пед. ин-т, 1979. – 79 с.

156. Моисеева С. А. «Восприятие»: его семантическое поле, состав и структура : (на материале западно-роман. яз.) / С. А. Моисеева // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – № 4. – С. 158-160.

157. Моисеева С. А. Глаголы восприятия в западно-романских языках автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / Софья Ахметовна Моисеева; [Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 2006. – 42 с.

158. Моисеева С. А. Конструирование семантического поля восприятия в западно-европейских языках / С. А. Моисеева // Научные ведомости БГУ. – Белгород, 1998. – № 2 (7). – С. 17-25.

159. Моисеева С. А. Лексико-семантическое поле глаголов зрения во французском языке / С. А. Моисеева // Вопросы романо-германского языкознания : межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т – Саратов, 1999. – Вып. 13. – С. 48-55.

160. Моисеева С. А. Полевое моделирование лексических единиц / С. А. Моисеева // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения : межвуз. сб. науч. тр. : [материалы конф.] / Курск. гос. пед. ун-т. – Курск, 2002. – С. 64-66.

161. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках / С. А. Моисеева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – 264 с.

162. Моисеева С. А. Системные связи глаголов восприятия во французском языке / С. А. Моисеева // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы межвуз. конф., 8-9 дек. 1997 / БелГУ. – Белгород, 1998. – Вып. 3. – С. 161-166.

163. Моисеева С. А. Структура семантического поля глаголов восприятия во французском языке / С. А. Моисеева // Вопросы романского и общего языкознания : сб. науч. тр. к 50-летию каф. ром. филологии РГПУ им. А. И. Герцена / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1998. – С. 78-86.

164. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977. – 282 с.

165. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова : опыт психолингвист. исслед. / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 106 с.

166. Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова : вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Ю. Мягкова; Ин-т языкознания РАН. – М., 2000. – 43 с.

167. Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка : фразеологизмы / А. Г. Назарян; АН СССР, каф. иностр. яз. – М. : Наука, 1965. – 198 с.

168. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка : учеб. / А. Г. Назарян. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 288 с.

169. Носенко Е. А. Семантическое поле эмоционального отношения в испанском и русском языках : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Елена Александровна Носенко; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2005. – 18 с.

170. Обаревич Е. В. «Эмоция» – мир мыслей и чувств / Е. В. Обаревич // Композиционная семантика : материалы третьей междунар. шк.-семинара по когнитив. лингвистике, 18-20 сент. 2002 г. : в 2 ч. / Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2002. – Ч. II.

171. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания : гносеол. аспекты / В. З. Панфилов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1977. – 287 с.

172. Пименова Н. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира : (на прим. эмоцион. концептов) / Н. В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 82-90.

173. Полевые структуры в системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева и др.; науч. ред. З. Д. Попова]. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1989. – 198 с.

174. Пономаренко В. А. Полевый подход к изучению фразеологических единиц в английском языке деловой коммуникации / В. А. Пономаренко // И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания : III междунар. Бодуэновские чтения, Казань, 23-25 мая 2006 г. : тр. и материалы : в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 2. – С. 228-230.

175. Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е. А. Попова // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 69-77.

176. Попова З. Д. Лексическая система языка : (внутр. орг., категориал. аппарат и приемы изуч.) : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 148 с. : ил.

177. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 60 с.

178. Потебня А. А. Мысли и язык : собр. тр. / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 268 с. – (Классика мировой гуманитарной мысли).

179. Прохоров А. О. Рефлексивный слой психического состояния / А. О. Прохоров // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. / под ред. В. Д. Соловьева. – М., 2006. – Вып. 1. – С. 186-203.

180. Психология эмоций : учеб. пособие для студентов вузов / авт.-сост. В. К. Вилюнас. – СПб. : Питер, 2004. – 496 с. : ил. – (Хрестоматия по психологии).

181. Романов Д. А. Психолингвистическое обоснование эмоциональной идентификации / Д. А. Романов // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 78-97.

182. Романов Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований : (на материале рус. яз.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 : 10.02.19 / Дмитрий Анатольевич Романов; ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – Тула, 2004. – 48 с.

183. Романова Т. В. Взаимосвязь категорий модальность – оценочность – эмоциональность в текстовой репрезентации : по материалам соврем. исповедальной прозы / Т. В. Романова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 71-77.

184. Ротова М. С. Лексико-фразеологические поля обозначений «смеха» и «плача» в современном русском языке : автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мария Сергеевна Ротова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1984. – 21 с.

185. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – 2-е изд. – М. : Учпедгиз, 1946. – 703 с.

186. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. / С. Л. Рубинштейн; сост. К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский; АПН СССР. – М. : Педагогика, 1989.

187. Рубинштейн С. Л. Эмоции / С. Л. Рубинштейн // Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 152-161.

188. Рудик П. А. Психология : краткий курс : для сред. физкультур. заведений / П. А. Рудик. – М. : Физкультура и спорт, 1962. – 240 с.

189. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов; науч. ред. В. Б. Кашкин; Воронеж. гос. ун-т, каф. роман. филологии. – Воронеж, 2003. – 272 с.

190. Рылов Ю. А. Очерки романской антропонимии / Ю. А. Рылов. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. – 163 с.

191. Сабурова Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства / Н. А. Сабурова // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 81-88.

192. Самойлова М. Н. Контекст функционирования и семантика средств выражения надежды, уверенности и ожидания позитивного в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Марина Николаевна Самойлова. – Пятигорск, 2003. – 159 с.

193. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов в английском языке / О. Н. Селиверстова, А. Г. Елисеева, О. Н. Ишевская // Семантические типы предикатов. – М., 1982.

194. Селяев А. В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Андрей Васильевич Селяев / Нижегородский гос. лингвист. ун-т. – Н. Новгород, 1995. – 16 с.

195. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. / Э. Сепир; под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – 654 с.

196. Сердюкова Н. Н. Фразеологические парадигмы с антропонимами в испанском и русском языках / Н. Н. Сердюкова // Актуальные про-

блемы описания языковых единиц : сб. ст. учеников проф. Ю. А. Рылова / отв. ред. Т. Н. Филиппова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – С. 114-120.

197. Соколова Г. Г. Многозначные первичные фразеологические единицы / Г. Г. Соколова // Романская филология : ежегод. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Томашпольский; Уральский пед. ин-т. – Екатеринбург, 1993. – Т. 1. – С. 80-90.

198. Соловьев В. Д. Экспериментальные исследования концептов эмоций / В. Д. Соловьев // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. / под ред. В. Д. Соловьева. – 2006. – Вып. 1. – С. 173-185.

199. Солодуб Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55-65.

200. Солодуб Ю. П. Современный русский язык : лексика и фразеология : сопоставит. аспект : учеб. для студ. филол. фак. и фак. иностр. яз. / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 259 с.

201. Солодуб Ю. П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 43-54.

202. Солодуб Ю. П. Типология значений языковых единиц докоммуникативного уровня : функциональный аспект анализа / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1988. – № 5. – С. 37-46.

203. Спиноза Б. Избранные произведения : в 2 т. / Б. Спиноза. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 631 с.

204. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке / Б. Спиноза // Психология мотиваций и эмоций : учеб. пособие для студентов, обуч. по направлению и спец. психологии; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. – М., 2002.

205. Стародубцева А. В. Исследование концептуального пространства «эмоция» в тексте : на материале англ. яз. : автореф. дис. ... канд. фи-

л. наук : 10.02.04 / Александра Васильевна Стародубцева; Барнаул. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2004. – 19 с.

206. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотич. пробл. лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. В. П. Нерознак. – М. : Наука, 1985. – 335 с.

207. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры : опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.

208. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю. С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика / Бенвенист Э. – М., 2002. – С. 5-16.

209. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 172 с.

210. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин; К. Флекенштейн. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1979. – 156 с.

211. Стернин И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. : посвящ. юбилею проф. Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2005. – С. 257-282.

212. Суворина Е. В. Изучение эмоций в когнитивных аспектах / Е. В. Суворина // Композиционная семантика : материалы Третьей междунар. шк.-семинара по когнитив. лингвистике, Тамбов, 18-20 сент. 2002 г. : в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев; ТГУ им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2002. – Ч. 2. – 203 с.

213. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация : виды наименований / В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, Э. А. Азнаурова и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1977. – С. 129-222.

214. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия; отв. ред. А. А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1986. – 141 с.

215. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте / под ред. В. Н. Телия. – М., 1988. – С. 26-52.

216. Телия В. Н. Русская фразеология : семант., прагмат. и лингвокультуролог. аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

217. Телия В. Н. Типы языковых значений : связанное значение слова в языке / В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1981. – 269 с.

218. Тяжлова, О. И. Фразеосемантическое поле деятельности органов чувств человека : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ольга Игоревна Тяжлова. – М., 2004. – 143 с.

219. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3-16.

220. Уфимцева, А. А. Лексическое значение : принцип семиолог. описания лексики / А. А. Уфимцева. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.

221. Уфимцева, А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике; АН СССР. – М., 1961. – С. 30-63.

222. Федькина Л. Н. Эмоциональное состояние человека и отражающая его лексика / Л. Н. Федькина // Вісник Харківського державного університету. – 1996. – № 386. Система мови та мовленнєва діяльність.

223. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М., 1982. – С. 227-239.

224. Филмор Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филмор // Прикладная лингвистика : [сб. ст.] / сост. В. А. Звегинцева; пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. Б. Ю. Городецкого. – М., 1983. – С. 74-122. – (Новое в зарубеж. лингвистике; вып. 12).

225. Фразеография в Машинном фонде русского языка / Э. И. Астахова, А. Н. Баранов, Е. В. Беляева и др.; отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Науч. совет по лексикологии и лексикографии, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1990. – 205 с.

226. Фразеология в контексте культуры : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Телия; РАН, Ин-т языкознания, проблемная группа «Общая фразеология». – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 333 с.

227. Фрейд З. Страх / З. Фрейд. – М. : Современные проблемы, 1927.

228. Хабарова О. Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Оксана Геннадьевна Хабарова. – М., 2004. – 217 с.

229. Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447с.

230. Хайруллина Р. Х. Картина мира во фразеологии : темат.-идеограф. систематика и образ.-мотивац. основы русских и башкирских фразеологизмов : дис... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Райса Ханифовна Хайруллина. – М., 1997. – 536 с.

231. Хомская Е. Д. Мозг и эмоции : нейропсихол. исслед. / Е. Д. Хомская, Н. Я. Батова. – 2-е изд. – М. : Рос. пед. агентство, 1998. – 268 с.

232. Циммерлинг А. В. Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния / А. В. Циммерлинг // Вопросы языкознания. – 1998. – № 1. – С. 36-59.

233. Цоллер В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов / В. Н. Цоллер // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 56-64.

234. Цоллер, В. Н. Экспрессивная лексика : семантика и прагматика / В. Н. Цоллер // Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 62-71.

235. Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович и др.; отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1991. – 214 с.

236. Чельцова Т. Н. Категория состояния в структуре современного французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Чельцова. – М., 1980. – 24 с.

237. Черданцева Т. З. Идиоматика и культура : постановка вопроса / Т. З. Черданцева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 58-70.

238. Черданцева Т. З. Итальянская фразеология и итальянцы / Т. З. Черданцева. – М. : ЧеРо, 2000. – 304 с.

239. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – 2-е изд. – Екатеринбург : Изд-во УГПУ, 2003. – 238 с.

240. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1985. – 160 с.

241. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания – 1984. – № 6. – С. 97-104.

242. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексикосемантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

243. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 7-13.

244. Шаховский В. И. О способах эмотивной номинации / В. И. Шаховский // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. – Волгоград, 1981.

245. Шаховский В. И. Полистатусная репрезентация категории эмотивности в языке и речи / В. И. Шаховский // Композиционная семантика : материалы Третьей междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике, Тамбов, 18-20 сент. 2002 г. : в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев; ТГУ им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2002. – Ч. 2.

246. Шаховский В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий лингвостилистики /

В. И. Шаховский // Проблемы семасиологии и лингвостилистики / Рязан. пед. ин-т. – Рязань, 1975. – Вып. 2.

247. Шаховский В. И. Эмотивность и лексикография / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 1986. – № 6. – С. 42-47.

248. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания : учеб. пособие к спецкурсу / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПИ, 1983. – 91 с.

249. Шаховский В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 59-65.

250. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности / Г. Х. Шингаров. – М. : Наука, 1971. – 223 с.

251. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова : этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 218 с. – (Акад. Фундамент. исслед. : Философия).

252. Шрамм А. Н. Структурные типы лексических значений слова / А. Н. Шрамм // Филологические науки. – 1981. – № 2. – С. 58-65.

253. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 77-99.

254. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1974. – 255 с.

255. Якобсон П. М. Психология чувств / П. М. Якобсон; АПН РСФСР, Ин-т психологии. – 2-е изд., доп. – М. : Из-во АН РСФСР, 1958. – 384 с.

256. Яковлева И. Н. Семантическая категория состояния и средства ее реализации : на материале рус. и англ. яз. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ирина Николаевна Яковлева. – Воронеж, 2003. – 170 с.

257. Bally Ch. Traité de stylistique française / Ch. Bally. – 3-ème éd. – Genève: Librairie Georg; Paris : C. Klincksieck, 1951. – V. 1. – 331 p.

258. Baylon C. La sémantique : avec des travaux pratiques d'application et leurs corrigés / C. Baylon, P. Fabre. – Paris : Nathan, 1979. – 334 p.

259. Bisognin L. Agents, Langage et Emotions: un prototype d'agent émotionnel / L. Bisognin, S. Pesty // Actes de la Journée d'étude AGENTAL : agents et Langue. – Paris, 2004. – P. 39-46.

260. Bonis M. de. Connaître les émotions humaines / M. de Bonis. – Bruxelles : Mardaga, 1996. – 240 p.

261. Bouton Ch. P. La signification : contribution à une linguistique de la parole / Ch. P. Bouton. – Paris : Klincksieck, 1979. – 332 p.

262. Bruno F. Précis de grammaire historique de la langue française / F. Brunot, Ch. Bruneau. – Paris : Masson, 1937. – 796 p.

263. Channouf A. Émotions et cognitions / A. Channouf, G. Rouan. – Bruxelles; Paris : De Boeck Université, 2002. – 319 p.

264. Coseriu E. Structure lexicale et enseignement du vocabulaire / E. Coseriu // Actes du premier colloque international de linguistique appliqué, Nancy, 26-31 oct. 1966. – Nancy, 1966. – P. 175-217.

265. Damasio A. Le sentiment même de soi : corps, émotions, conscience / A. R. Damasio; traduit de l'anglais États Unis par C. Larssonneur, C. Tiercelin. – Paris : Éd. O. Jacob, 1999. – 380 p.

266. Danblon, E. Du cri au discours expressif: une approche généalogique de l'expression des émotions / E. Danblon, J.-M. Colletta, A. Tcherkassof. – Liège: Pierre Mardaga, 2003.

267. Dantzer R. Les Emotions / R. Dantze. – Paris : Presses Universitaires de France, 1988. – 121 p.

268. Duneton C. La puce à l'oreille : anthologie des expressions populaires avec leur origine / C. Duneton. – Paris : Stock, 1978. – 389 p.

269. Geckeler H. Strukturelle Semantik des Französischen / H. Geckeler. – Tübingen : Niemeyer, 1973. – 96 S.

270. Godelu L. Emotions et apprentissage des langues : cultures étrangères / L. Godelu // Le français dans le monde. – 2006. – № 344. – P. 35-36.

271. Guillaume G. Leçons de linguistique / G. Guillaume; publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle, A. J. Québec. – Québec : Presses de l'Université Laval, 1971. – 271 p.
272. Guiraud P. La sémantique / P. Guiraud. – Paris : P.U.F, 1955. – 119 p.
273. Guiraud P. Les champs morpho-sémantiques: critères externes et critères internes en étymologie / P. Guiraud. – s.l. : s.n., 1956. – V. 1. – 265 p.
274. Guiraud P. Les locutions françaises / P. Guiraud. – 2e éd. – Paris : Presses Universitaires de France, 1962. – 122 p.
275. Hatiss, R. Love, feelings in courtship couples: an analysis / R. Hatiss // Readings in humanistic psychology. – New York, 1969.
276. Izard C. E. Patterns of emotions; a new analysis of anxiety and depression / C. E. Izard, E. S. Bartlett, A. G. Marshall. – New York : Academic Press, 1972. – 301 p.
277. Kalma M. Trésor des proverbes et locutions du monde / M. Kalma, C. Tarpel. – Paris : G. Le Prat, 1961. – 240 p.
278. Kandler G. Die Lucke im sprachlichen Weltbild. Sprache-Schlüssel zur Welt / G. Kandler. – Dusseldorf, 1959.
279. Kenny A. Action, emotion and will / A. Kenny. – London : Routledge & Kegan Paul; New York : Humanities Press, 1973. – 245 p.
280. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
281. Lavirey M. La puissance des émotions : comment distinguer les vraies des fausses / M. Larivey. – Montréal : Ed. de l'Homme, 2002. – 328 p.
282. Lehrer A. Semantic fields and lexical structure / A. Lehrer. – Amsterdam : North-Holland; New York : American Elsevier, 1974. – 225 p.
283. Meyer R. M. Bedeutungssysteme / R. M. Meyer // Zeitschrift für deutsche Wortforschung. – 1910. – Bd. 43. – P. 352-368.
284. Mill J. St. of names // Theory of meaning / J. Mill. – Prentis-Hall, 1970.
285. Parret H. Les Passions: essai sur la mise en discours de la subjectivité / H. Parret. – Bruxelles; Liège : P. Mardaga, 1986. – 199 p.

286. Plutchik R. Studies of emotion in the light of a new theory / R. Plutchik // Psychol. Rep. – 1961. – P. 8-170.

287. Rey A. Le lexique : images et modèles : du dictionnaire à la lexicologie / A. Rey. – Paris : A. Colin, 1977. – 307 p.

288. Robert C.-M. Phraséologie Française, Répertoire systématique de Proverbes, Dictons et Locutions idiomatiques commentés et expliqués / C.-M. Robert. – Gronique : Wolters, 1905. – 540 p.

289. Seiffert L. Wortfeldtheorie und Strukturalismus : Studien zum Sprachgebrauch Freidanks / L. Seiffert. – Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz : Kohlhammer, 1968. – 160 S.

290. Solomon R. C. The logic of emotion / R. C. Solomon // Nods. – 1977. – V. 11, № 1. – P. 41-49.

291. Tomkins S. S. Affect, imagery, consciousness : v. 1-2 / S. S. Tomkins; ed. B. P. Karon. – New York : Springer, 1962-1963.

292. Touratier Ch. La sémantique / Ch. Touratier. – Paris : A. Colin, 2000. – 191 p.

293. Trier J. Altes und Neues vom sprachlichen Feld / J. Trier // Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie / Hrsg. A. van der Lee, O. Reichmann. – Paris, 1973. – S. 179-187.

294. Ullmann S. Semantics : an introduction to the science of meaning / S. Ullmann. – Oxford : Blackwell, 1962. – 278 p.

295. Weil S. Trésor des expressions françaises / S. Weil, L. Rameau; préf. de G. Pérec. – Paris : Belin, 1995. – 223 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь / М. И. Еникеев. – М. : Проспект, 2007. – 560 с.

2. Кордуэлл М. Психология. А-Я : словарь-справ. / М. Кордуэлл. – М.: Гранд : Фаир-пресс, 2002. – 448 с.

3. Краткая философская энциклопедия / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Прогресс, 1994. – 574 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов : пер. с фр. / Ж. Марузо; предисл. В. А. Звегинцева. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 435 с.
6. Морен М. К. Словарь синонимов французского языка : пособие для студ. пед. ин-тов / М. К. Морен, Н. А. Шигаревская. – М.; Л. : Просвещение, 1964. – 349 с.
7. Назарян А. Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка = Dictionnaire des locutions comparatives de la langue française : с примерами, переводом и эквивалентами в рус. яз. / А. Г. Назарян. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. – 334с.
8. Новый большой французско-русский фразеологический словарь : более 50000 выражений / В. Г. Гак и др.; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз. : Медиа, 2005. – 1624 с.
9. Смирнова Н. С. Занимательный французско-русский фразеологический словарь = Dictionnaire français-russe phraseologique / Н. С. Смирнова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ : Муравей, 2003. – 436 с.
10. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемеров. – М. : Академ. проект, 2004. – 862 с.
11. Соколова Г. Г. Учебный французско-русский фразеологический словарь = Petit dictionnaire des locutions français-russe : более 2500 фразеолог. единиц / Г. Г. Соколова, О. И. Трусова, В. С. Луговой. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2006. – 541 с.
12. Фразеологизмы французского языка : словарь-практикум / В. Бардоши, Ш. Эттингер, С. Штельтинг, Е. В. Бутина. – Екатеринбург : Урал. изд-во, 2002. – 247 с.

13. Фразеологический словарь русского языка : св. 4 000 словар. ст. / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков; под ред. А. И. Молоткова. – М. : Сов. энцикл., 1967. – 543 с.

14. Французско-русский фразеологический словарь : ок. 35000 фразеолог. единиц / сост. В. Г. Гак, И. А. Кунина, И. П. Лалаев и др.; под ред. Я. И. Рецкер. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1111 с.

15. Ashraf M. Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises / M. Ashraf, D. Miannay. – Paris : Librairie générale française, 1995. – 412 p.

16. Colin J. P. Argot & français populaire : grand dictionnaire / J. P. Colin, J. P. Mével; avec la collaboration de C. Leclère. – Paris : Larousse, 2006. – 976 p.

17. Dournon. Mini encyclopédie des proverbes et dictons de France / Dournon; préf. de J. Dutourd. – Paris : France Loisirs, 1986. – 191 p.

18. Lacroix U. Les Mots et les idées : dictionnaire des termes cadrant avec les idées / U. Lacroix. – Paris : F. Nathan , 1961. – 319 p.

19. Le Petit Robert : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – 12ème éd. – Paris : Société du nouveau Littré, 1973. – 1969 p.

20. Maloux M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maxims / M. Maloux. – Paris : Larousse, 1970. – 628 p.

21. Merle P. Nouveau dictionnaire de la langue verte. – Paris : Ed. Denoël, 2007. – 890 p.

22. Montreynaud F. Dictionnaire de proverbes et dictons / F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni. – Paris : Ed. Les Usuels. Dictionnaire le Robert, 1993. – 492 p.

23. Rat M. Dictionnaire des expressions et locutions traditionnelles / M. Rat. – Paris : Larousse, 1999. – 446 p.

24. Rey A. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2003. – 1086 p.

25. Ripert P. Dictionnaire des synonymes / P. Ripert. – Paris : Booking international, 1995. – 325 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Эмирова А. М. Когнитивная фразеология : опыт полевого анализа / А. М. Эмирова // Культура народов Причерноморья, 2002. – № 33. – С. 178-182. – Режим доступа: http://www.nbuu.gov.ua/Articles/kultnar/knp200233/knp33_37.doc (2июня 2007 г.).

2. Пирко В. В. Семантическое поле как системное объединение просторечных единиц : анализ фрагмента семантического поля «Внешний облик человека» в просторечии Приамурья // Исследовано в России : электр. науч. журнал, 2006. – С. 2568-2579. – Режим доступа: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2006/266.pdf> (2 июня 2007 г.).

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Balsac H. de Une double famille. Le contrat de mariage / H. de Balzac; préface de J.-L. Bory. – Paris : Gallimard, 2002. – 434 p.

2. Balsac H. de Eugénie Grandet / H. de Balzac. – Paris : Garnier, 1977. – 366 p.

3. Balsac H. de La cousine Bette / H. de Balzac. – Paris : Booking International Le Trésor Des Lettres Françaises, 1974. – 365 p.

4. Berteaut S. Piaf / S. Berteaut. – Paris : Laffont Robert, 1969. – 462 p.

5. Boudard A. Bleubite : roman / A. Boudard. – Paris : Librairie générale française, 1988. – 222 p.

6. Camus A. L'Etat de siège / A. Camus // Camus A. Oeuvres complètes. II, 1944-1948. – Paris, 2006.

7. Carrière J. L'épervier de Maheux : roman / J. Carrière Paris : Robert Laffont, 1992. – 319 p.

8. Cautrat P. Paris, porte à porte / P. Cautrat. – Paris : le Dilettante, 1996. – 155 p.

9. Céline L.-F. Mort à credit : roman / L.-F. Céline. – Paris : Gallimard, 1994. – 568 p.

10. Cendrars B. Emmène-moi au bout du monde! / B. Cendrars. – Paris : Gallimard, 1995. – 282 p.
11. Chabrol J.-P. L'Embellie : roman / J.-P.Chabrol. – Paris : Livre de Poche, 1975. – 538 p.
12. Cocteau J. Les parents terribles : version originale et complète / J. Cocteau. – Paris : Gallimard, 1994. – 235 p.
13. Curtis J.-P. La quarantaine / J.-L. Curtis. – Monaco : Ed. du Rocher, 1989. – 315 p.
14. Daix P. La dernière forteresse : roman / P. Daix. – Paris : Éditeurs français réunis, 1954. – 435 p.
15. Daudet A. Contes du lundi / A. Daudet. – Paris, 1938. – 377 p.
16. Daudet A. La Petite Chose / A. Daudet. – Paris : Fasquelle, 1960. – 278 p.
17. Daudet A. L'Immortel / A. Daudet. – Paris : Editions cartouche, 2007. – 237 p.
18. Daudet A. Tartarin de Tarascon : roman / A. Daudet. – Paris : Alteredit, 2007. – 525 p.
19. Dumas A. Les Quarante-Cinq / A. Dumas. – Paris : Robert Laffont, 1992. – 1020 p.
20. Dumas A. Souvenirs d'une favorite / A. Dumas. – Paris : Club français du livre, 1955. – 583 p.
21. Dutourd J. Au bon beurre : scènes de la vie sous l'Occupation / J. Dutourd. – Paris : France loisirs, 1981. – 277 p.
22. Erckman-Chatrion. Madame Thérèse / Erckman-Chatrion. – Paris : Lafitte Pierre, 1919. – 450 p.
23. Erckman-Chatrion. Waterloo / Erckmann-Chatrion. – New York : Gilberton, 1956. – 45 p.
24. Feuillet O. Scènes et proverbes / O. Feuillet. – Paris : Michel Levy, 1857. – 371 p.
25. Galtier-Boissière J. La Vie de garçon : roman / J. Galtier-Boissière. – Paris : Editions de France, 1930. – 237 p.

26. Gautier Th. *Mademoiselle de Maupin* / Th. Gautier. – Paris : Librairie générale française, 1994. – 415 p.
27. Houssin J. *Bras de fer* / J. Houssin. – Paris : Éd. Fleuve noir, 1985. – 186 p.
28. Joubert J. *L'Homme de sable : roman* / J. Joubert. – Arles : Actes Sud; Québec : Leméac, 2001. – 253 p.
29. Le Roy E. *Jacquou le Croquant : roman* / E. Le Roy. – Bordeaux : Éd. Sud-ouest, 2006. – 333 p.
30. Malet L. *Le Soleil naît derrière le Louvre* / L. Malet. – Paris : Presses de la Cité, 1989. – 216 p.
31. Marceau F. *Les belles natures* / F. Marceau. – Paris : Gallimard, 1994. – 278 p.
32. Margueritte P. *Maison ouverte* / P. Margueritte. – Paris : E. Dentu, 1890. – 247 p.
33. Martin du Gard R. *Les Thibault* / R. Martin du Gard. – Paris : Gallimard, 1977. – 1432 p.
34. Maupassant G. *de Mont-Oriol* / G. de Maupassant. – Paris : Gallimard, 2002. – 378 p.
35. Maupassant G. *de Une Vie* / G. de Maupassant. – Paris : Librio, 2003. – 185 p.
36. Navarre J. *Le Jardin d'acclimatation : roman* / Y. Navarre Paris : Livre de poche, 1981. – 379 p.
37. Pagnol M. *Fanny* / M. Pagnol. – Paris : Fallois, 2004. – 189 p.
38. Pinget R. *Quelqu'un Quelqu'un* / R. Pinget. – Paris : Éd. de Minuit, 1992. – 257 p.
39. Pourrat H. *Les Vaillances, farces et gentilleses de Gaspard des montagnes* / H. Pourrat. – Paris : Albin Michel, 1987. – 741 p.
40. Rabelais F. *Gargantua* / F. Rabelais. – Paris : Gallimard, 2007. – 673 p.
41. Rolland R. *Jean-Christophe. 2 : Le matin* / R. Rolland. – Paris : A. Michel, 1929. – 223 p.

42. Rolland R. Jean-Christophe. 4 : La Révolte / R. Rolland. – Paris : A. Michel, 1942. – 320 p.
43. Rolland R. Jean-Christophe. 6 : Antoinette / R. Rolland. – Paris : A. Michel, 1945. – 223 p.
44. Rolland R. Jean-Christophe. 8 : Les amies / R. Rolland. – Paris : A. Michel, 1926. – 254 p.
45. Rolland R. L'Ame enchantée / R. Rolland. – Paris : A. Michel, 1967. – 1467 p.
46. Rolland R. Pierre et Luce / R. Rolland. – Paris : A. Michel, 1958. – 158 p.
47. Rousseau, J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire / J.-J.Rousseau. – Fasano : Schena; Paris : Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2003. – 296 p.
48. Sand G. La Petite Fadette / G. Sand. – Paris : Gallimard, 2004. – 280 p.
49. Sand G. Le Beau Laurence / G. Sand. – Morsang-sur-Orge : Safrat, 1990. – 155 p.
50. Sarrazin A. La Traversière : roman / A. Sarrazin. – Paris : Le Livre de poche, 1970. – 317 p.
51. Simenon G. Maigret et les vieillards / G. Simenon. – Genève : Édito-service, 1980. – 127 p.
52. Simenon G. Mon ami Maigret / G. Simenon. – Paris : Librairie Générale Française : Presses de la cité, 2003. – 219 p.
53. Simonin A. Cave se rebiffe / A. Simonin. – Paris : Gallimard, 1973. – 188 p.
54. Simonin A. Touchez pas au grisbi / A. Simonin. – Paris : Gallimard, 2000. – 275 p.
55. Stendal. La Chartreuse de Parme / Stendhal. – Paris : Gallimard, 2006. – 681 p.
56. Stendal. Le Rouge et le Noir/ Stendhal. – Paris : Hatier, 2004. – 699 p.
57. Vialer P. Chronique française du XXe siècle. 7 : Pas de temps pour mourir / P. Vialer. – Paris : Del Duca, 1955-1968.

58. Voltaire. Dictionnaire philosophique / Voltaire. – Paris : Gallimard, 1996. – 545 p.

59. Wurmser A. Un homme vient au monde / A. Wurmser. – Paris : Les Editeurs français réunis, 1946. – 516 p.

60. Zola E. Au bonheur des dames / E. Zola. – Paris : Hatier, 2007. – 569 p.

61. Zola E. La bête humaine / E. Zola. – Paris : Flammarion, 2007. – 459 p.

62. Zola E. L'Assomoir / E. Zola. – Paris : Larousse, 1986. – 158 p.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ФЕ – фразеологическая единица

ЛЕ – лексическая единица

АСС – атомарное словосочетание

ФСП – фразеосемантическое поле

СП – субполе

МП – микрополе

ФЗ – фразеологическое значение

КФ – компаративный фразеологизм

ФКМ – фразеологическая картина мира

ЯКМ – языковая картина мира

ЭС – эмоциональное состояние

разг. – разговорное выражение

прост. – просторечие

груб. – грубое выражение

посл. – пословица

f – féminin

m – masculin

Научное издание

Синельникова Ирина Ивановна

**ЭМОТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
В ПОЛЕВОМ АСПЕКТЕ**

Монография

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Ю.А. Лазебная*

Подписано в печать 16.04.2013. Гарнитура Times New Roman, Cambria
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 10,93. Тираж 100 экз. Заказ 156.

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85